

СТИВЕН

ГЛАЗА ДРАКОНА

КИНГ



СТИВЕН
КИНГ

ГЛАЗА ДРАКОНА



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King

THE EYES OF THE DRAGON

Перевод с английского *Б. Самарханова*

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Глаза дракона : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с
англ. Б. Самарханова]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 288 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-116954-1

Добро пожаловать в королевство Делейн...

В королевство, где поселился могущественный черный маг, сын
Тьмы...

В королевство, где трон обманным путем занял молодой принц,
а законный наследник томится в каменной башне, обреченный на
мучительную гибель...

В королевство, над которым постепенно собираются черные
тучи воплощенного Зла...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 1987

© Перевод. Б. Самарханов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-116954-1

Моему большому другу
БЕНУ СТРАУБУ
и моей дочери
НАОМИ КИНГ

Давным-давно в королевстве, называемом Делейн, жил король, и было у него два сына. Делейн был очень древним королевством, и там правили сотни королей, а может, и тысячи; самых первых не могли припомнить даже историки. Роланд Добрый был не лучшим и не худшим из тех, кто управлял страной. Он всегда пытался не причинять никому слишком большого зла и преуспел в этом. Еще он пытался вершить великие дела, но в этом, к сожалению, не преуспел. В результате получился весьма посредственный король; он и сам сомневался, вспомнит ли о нем кто-нибудь спустя несколько лет после его смерти. А до смерти оставалось не так уж долго, ведь он был стар и сердце у него пошаливало. Может быть, ему оставался год, может быть, три. Все, кто видел его серое лицо и дрожащие руки, считали, что самое большее лет через пять на широкой площади у подножия Иглы объявят имя нового короля... если, конечно, Бог даст Роланду эти пять лет. И все в королевстве, от богатейших баронов и пышно разодетых придворных до самого бедного холопа и его жены в лохмотьях, думали и толковали о будущем короле — Питере, старшем сыне Роланда.

И лишь один человек думал о другом: как сделать королем младшего сына Роланда, Томаса. Этим человеком был Флегг, королевский чародей.

2

Хотя король Роланд был стар — считалось, что ему семьдесят, но выглядел он куда старше, — у него были молодые сыновья. Он долго не женился потому, что не мог встретить женщину своей мечты, и еще потому, что его мать, великая вдовствующая королева Делейна, казалась бессмертной и ему, и всем в королевстве. Она правила уже пятьдесят лет, когда однажды утром, за чаем, положила в рот ломтик лимона, чтобы унять кашель, мучивший ее целую неделю. И как раз на то чаепитие для увеселения королевы и ее двора был приглашен знаменитый жонглер, который жонглировал пятью хрустальными шарами. Но как только королева положила в рот лимон, жонглер уронил один шар, и тот с громким звоном разбился о пол большого Восточного зала. От неожиданности королева проглотила лимонную дольку, подавилась и тут же умерла. Уже через четыре дня на площади Иглы состоялась коронация Роланда. Жонглер ее не видел; ему еще за три дня до того отрубили голову на плахе неподалеку от Иглы.

Король без наследников не радует никого, особенно если он стар и лыс. Роланду было необходимо как можно скорее жениться и произвести наследника. Его ближайший советник Флегг все время твердил ему об этом. Он также говорил, что после пятидесяти шансы мужчины сделать ребенка невелики и будут

с каждым годом уменьшаться, и уговаривал короля поскорее найти жену, а не дожидаться женщины его мечты. Если уж она не появилась до пятидесяти лет, говорил Флегг, то скорее всего не появится уже никогда.

Роланд согласился с этим. Он не подозревал, что Флегг, чьи гладкие волосы и бледное лицо почти всегда были скрыты под капюшоном, знает его главную тайну: он никогда не встретил бы женщину своей мечты потому, что никогда и не мечтал о женщинах. По правде говоря, он их боялся. И никогда не мечтал о том занятии, от которого бывают дети, — его он боялся тоже.

Но он понял, что чародей прав, и через шесть месяцев после похорон вдовствующей королевы в королевстве случилось событие куда более радостное — король Роланд женился на Саше, которая потом стала матерью Питера и Томаса.

Роланда в Делейне не очень любили, но и не скатать, чтоб ненавидели. Сашу же любили все. Когда она умерла, рожая второго сына, королевство погрузилось в глубокий траур, продолжавшийся год и еще день. Она была одной из шестерых девушек, которых Флегг предложил на выбор королю. Все они были одного возраста и положения; все из благородных семей, но не королевской крови; все красивы, добры и кротки. Флегга больше всего заботило то, чтобы никто из них не смог в будущем потеснить его с места королевского советника. Роланд выбрал Сашу потому, что она показалась ему самой доброй и кроткой из шестерых и меньше других пугала его. Так они поженились. Саше из Западного феода (очень маленького) было тогда семнадцать, на тридцать три года меньше, чем ее мужу. До брачной ночи она

никогда не видела мужчину без одежды. Когда это случилось, она спросила с интересом, глядя на его восставшую плоть:

— Что это, мой супруг?

Если бы она спросила что-нибудь другое или задала свой вопрос другим тоном, события той ночи, как и вся наша история, могли обернуться иначе; несмотря на специальное питье, которое Флегг дал ему часом раньше, Роланд мог просто сбежать. Но в тот момент он увидел ее такой, какой она и была — молодой девушкой, еще меньше его знавшей о том, как делаются дети, — и увидел, как она хороша, и полюбил ее, как потом ее полюбил весь Делейн.

— Это Королевская Сталь, — ответил он.

— Оно не похоже на сталь, — с сомнением проговорила Саша.

— Его надо закалить, — сказал он.

— И где же это сделать? — спросила она.

— Если ты доверишься мне, — сказал Роланд, ложась к ней, — я покажу тебе, где его закалить, ибо ты принесла это с собой, сама того не зная.

3

Люди Делейна любили ее за доброту. Ведь это королева Саша основала Великую Лечебницу. Королева Саша так плакала, увидев медвежью травлю на площади, что король Роланд запретил эту жестокую потеху. Королева Саша вымолила у короля отмену налогов в год большой засухи, когда пожелтели даже листья Великого Древнего Дуба. Был ли Флегг недоволен этим, спросите вы? Сначала не слишком. Ему

это казалось мелочами, ведь он был настоящим чародеем и жил многие сотни лет.

Он позволил даже отменить налоги, поскольку годом раньше флот Делейна разгромил андуанских пиратов, которые больше ста лет разоряли южный берег. Череп пиратского короля еще долго скалился с шеста на дворцовой стене, а сокровищница королевства пополнилась богатствами, отбитыми в бою. К тому же Флегг оставался ближайшим советником короля Роланда, а это для него было самым главным.

4

Хотя Роланд и полюбил свою жену, он так и не полюбил то занятие, которое так нравится большинству мужчин и от которого появляются на свет и последний поваренок, и наследник королевского трона. Они с Сашей спали в разных спальнях, и он посещал ее не часто — раз шесть-семь в год. Да и в эти разы Королевская Сталь не требовала закалки, несмотря на все более сильные зелья, которые давал королю Флегг.

Но через четыре года брака все же появился Питер. И в ту ночь Роланду даже не понадобилось питье Флегга — зеленое, пенистое и оставлявшее в голове короля странное ощущение, будто он сходит с ума. В тот день он с дюжиной своих людей охотился в Королевском заповеднике. Охоту Роланд любил больше всего — запах леса, трубный звук рога и дрожание тетивы, когда она отпускает летящую точно в цель стрелу. Порох в Делейне был редкостью, и охота с железной трубкой считалась низким занятием.

Саша читала в постели, когда он вошел. Его грубое бородатое лицо сияло. Она отложила книгу и терпеливо выслушала историю, которую он ей рассказал, размахивая руками. Когда в конце он показал, как поднял лук и пустил Грозу Врагов, великую стрелу своего отца, она засмеялась, и захлопала в ладоши, и окончательно покорила его сердце.

Королевский заповедник был уже не тот. Во времена короля Роланда там редко удавалось загнать стоящего оленя, а уж драконов не видели с незапамятных времен. Большинство людей посмеялись бы, если бы им сказали, что в этом хорошо знакомом им лесу еще водятся мифические создания. Но в тот предзакатный час, когда Роланд и его свита уже собирались возвращаться...

Дракон с треском выбрался из подлеска. Его медно-зеленая чешуя тускло отсвечивала в последних лучах солнца; опаленные ноздри выпускали струйки дыма. Дракон был уже немолод, в возрасте первой линьки. Увидев его, охотники застыли, как громом пораженные, не в силах поднять лук и даже просто пошевелиться.

Он смотрел на них, его обычно зеленые глаза пожелтели, а огромные крылья мерно трепетали. Он не мог улететь — крылья еще не выросли в полную силу, до этого ему оставалось по меньшей мере пятьдесят лет и две линьки, — но даже от этого трепета передний всадник вылетел из седла и шлепнулся на траву, выронив рог.

Роланд единственный не поддался общему оцепенению и, хотя он из скромности не сказал этого Саше, проявил в следующие несколько мгновений настоящий героизм. Если бы не его быстрая реакция, дракон мог бы зажарить весь их отряд живьем. Он

направил стрелу и отпустил тетиву. Стрела угодила прямо в цель — в то мягкое, похожее на жабры место под глоткой дракона, куда поступает воздух, раздувающий огонь. Ящер рухнул замертво, испустив последний тяжкий выдох, опаливший все кусты вокруг. Охотники быстро погасили пламя — кто водой, кто пивом, а многие собственной мочой, которая тоже по большей части была пивом, потому что когда Роланд выезжал на охоту, он брал с собой много пива и не жалел его.

Огонь погасили за пять минут, а дракон издох за пятнадцать. В это время у его ноздрей еще можно было вскипятить чайник. Потом ему взрезали грудь и торжественно поднесли Роланду дрожащее девятикамерное сердце. Он съел его сырым, как было положено, и нашел довольно вкусным. Он жалел лишь о том, что второго ему уже никогда не удастся отведать.

Может, это драконье сердце сделало его таким сильным в ту ночь. А может, просто радость и сознание, что он проявил отвагу и хладнокровие, когда остальные застыли в седлах (конечно, кроме переднего всадника, который застыл на земле). Во всяком случае, когда Саша всплеснула руками и воскликнула:

— Как здорово, мой храбрый король! — он, не колеблясь, лег к ней, и она встретила мужа улыбкой; в ее широко раскрытых глазах сияла его победа. В ту ночь он первый и единственный раз в полной мере наслаждался объятиями своей жены. Девять месяцев спустя — по одному на каждую камеру драконьего сердца — на той же кровати родился Питер, и все вздохнули с облегчением. Теперь у короля был наследник.

5

Может быть, вы думаете — если вы вообще об этом думаете, — что король после рождения Питера перестал принимать зелье, которое давал ему Флегг? Вовсе нет. Иногда он пил его, потому что любил Сашу и хотел доставить ей удовольствие. Кое-где считается, что секс нравится лишь мужчинам, а женщины только и мечтают, чтобы их оставили в покое. Но в Делейне люди знали: и женщины получают удовольствие от утех, благодаря которым на свет появляются дети. Роланд знал, что доставляет жене мало таких радостей, но старался, как мог, и поэтому пил зелье Флегга. Только чародей знал, как редко король посещает постель королевы.

Через четыре года после рождения Питера, под Новый год, на Делейн обрушилась снежная буря, самая сильная из всех известных, кроме одной, — о той я расскажу вам после.

Повинуясь внезапному чувству, которое он сам не мог объяснить, Флегг в тот вечер дал королю питье двойной крепости — может, что-то в воздухе и в вое ветра побудило его сделать это. В обычное время Роланд мог бы скривиться и отставить стакан прочь, но бушевавшая за окном буря сделала новогодний пир еще более веселым, и король много выпил. Пляшущий огонь в камине напомнил ему дыхание дракона, и он поднял стакан, чокаясь с драконьей головой, висевшей на стене. Потом он одним глотком проглотил зеленую жидкость, и в нем зажглась злая похоть. В ту ночь он, хоть и любил Сашу, сделал ей больно.

- Прощу тебя, мой король! — умоляла она, рыдая.
- Прости, — пробормотал он и захрапел.

Он уснул рядом с ней тяжелым сном и не мог проснуться двадцать часов. Она не могла забыть странный запах у него изо рта той ночью. Пахло чем-то гнилым; пахло смертью. Она думала, что он такого съел... или выпил?

Роланд никогда больше не прикасался к зелью Флегга, но чародей был доволен. Через девять месяцев Саша родила Томаса, своего второго сына. При родах она умерла. Все в Делейне жалели ее, но никто особенно не удивлялся — ведь такое случается. Но никто не знал, что произошло на самом деле, — никто, кроме Анны Криволицей, повитухи, и Флегга, королевского чародея. Так уж случилось, что терпение Флегга иссякло.

6

Питеру было только пять лет, когда умерла его мать, но он хорошо помнил ее. Помнил доброй, любящей, полной ласки. Но пять лет — не так много, и большинство воспоминаний было не очень четким. Хорошо он помнил лишь одно: как мать сделала ему внушение. Он помнил об этом много лет спустя. Внушение касалось салфетки.

Каждый год при дворе устраивали пир, чтобы отметить начало весеннего сева. Когда Питеру исполнилось пять, его впервые позвали на этот пир. Обычай требовал, чтобы Роланд сидел во главе стола, наследник — по правую его руку, а королева — напротив. Из-за этого она не могла подойти к Питеру, и ей оставалось только следить за тем, как он себя ведет. Ей хотелось, чтобы ее сын выглядел прилично, и она знала, что во время пира это зависит только от

него, так как его отец не имел никакого понятия о приличиях.

Может быть, вы спросите: почему Саша так беспокоилась о манерах Питера? Разве у него не было гувернантки? (Было целых две.) Разве не существовало слуг, специально приставленных к юному принцу? (Их был легион.) Но она хотела держать всех этих людей подальше и воспитывать сына сама. Она очень любила его и не желала ни в чем стеснять, но понимала, какая ответственность за него лежит на ней. Когда-нибудь этот мальчик станет королем, и Саша хотела, чтобы он был хорошим королем.

Большие пиры в дворцовом зале не отличались изяществом манер, и большинство воспитателей даже не думали учить мальчика, как вести себя за столом. *Он же будет королем!* — сказали бы они, если бы им вдруг предложили заняться этим. *Кто скажет хоть слово, если он опрокинет соусник или вытрет руки о платье? Разве в прежние времена король Алан не блевал в свою тарелку и не приказывал своему шуту подойти и отведать этого «горячего супа»? Разве король Джон не откусывал головы живым форелям и не засовывал потом их еще трепещущие тела в вырез платья фрейлинам? Разве до сих пор каждый пир не заканчивается тем, что гости бросают друг в друга остатками пищи?*

Так оно и было, но Сашу это не успокаивало. Она считала, что *кто скажет хоть слово* — самая вредная мысль, какую может усвоить мальчик, собирающийся стать королем. Поэтому она терпеливо учила сына манерам и внимательно следила за его поведением на пиру. И после, когда он уже ложился спать, пришла к нему.

Она была хорошей матерью и сначала похвалила его поведение — и действительно, оно было почти образцовым. Но она знала, что никто, кроме нее, не поправит его, пока он еще боготворит ее. Поэтому сказала:

— Ты делал одну вещь неправильно, Пит, и я не хочу, чтобы ты вел себя так.

Питер лежал в постели и внимательно смотрел на нее своими синими глазами:

— Ты о чем, мама?

— Ты не пользовался салфеткой, — сказала Саша. — Она лежала сложенной возле твоей тарелки, и мне это не понравилось. Ты ел цыпленка руками, и это правильно, потому что так делают все мужчины. Но потом ты вытер руки о рубашку, и это было уже неправильно.

— Но папа... и Флегг... и все лорды...

— Оставь в покое Флегга и всех лордов! — крикнула она так, что Питер даже подпрыгнул в кровати. Он испугался, увидев сердитые розы, мгновенно расцветшие на ее щеках. — Твой отец делает все правильно, потому что он король, и ты, когда будешь королем, тоже будешь во всем прав. Но Флегг не король, как бы он ни хотел им быть, и ты еще не король, а только маленький мальчик, который не следит за собой. — Она заметила его испуг и улыбнулась. Потом погладила сына по голове. — Успокойся, Питер. Это мелочь, но и мелочи важны, если ты собираешься стать королем. А сейчас принеси свою грифельную доску.

— Но уже пора спать...

— Подожди немного. Сначала принеси доску.

Питер сбегал за доской. Саша взяла мел и тщательно вывела три буквы.

— Можешь прочитать это?

Питер кивнул. Он уже знал много букв, но мог прочитать всего несколько слов. И это было как раз одно из них.

— БОГ.

— Да, правильно. А теперь напиши его наоборот.

— Наоборот?

— Вот именно.

Питер своим детским почерком выписал три буквы под четкой надписью матери и очень удивился, увидев еще одно знакомое слово.

— ПЕС*! Мама, тут написано — ПЕС!

— Да. — Ее голос был грустен, и это сразу погасило возбуждение Питера. Мать указала на два написанных рядом слова. — В человеке две природы. Никогда не забывай об этом, потому что ты будешь королем, а король вырастает большим, как дракон после девятой линьки.

— Но отец вовсе не такой большой, — заметил Питер. Роланд действительно был невысоким да еще и кривоногим. К тому же перед собой он нес солидный живот, налитый пивом и медом.

Саша улыбнулась:

— Король растет *невидимо*, Питер, как только ему на голову возложат корону на площади Иглы.

— Да? — Глаза Питера стали большими и круглыми. Он не очень-то понимал, как это связано с салфеткой, но не жалел, что они уклонились от довольно неприятной темы к такой интересной. К тому же он уже решил для себя, что теперь всегда будет пользоваться салфеткой, раз это так важно для мамы.

— Да. Короли вырастают *ужасно* большими, поэтому они должны особенно заботиться о том, чтобы

* Игра слов: God и dog (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

не задеть тех, кто меньше их, просто прогуливаясь или усевшись не в том месте. Плохие короли часто так поступают, и, я думаю, даже с хорошими это иногда случается.

— Мама, я не по...

— Тогда послушай еще. Божьи люди говорят, что наша природа частью от Бога, а частью от Старика с копытами. Знаешь, кто такой Старик с копытами?

— Это дьявол.

— Да. Но большинство плохих людей скорее похожи на псов, чем на дьяволов. Псы добрые, но глупые, как люди, когда они напьются. Если псы возбуждены или напуганы, они кусаются; так и люди: если они возбуждены или напуганы, то дерутся. Псы — ручные животные, они слушаются хозяев, но если человек только слушается, это плохой человек. Псы могут быть отважными, но могут выть от страха в темноте и убегать, поджав хвост. Пес так же лижет руку плохого хозяина, как и хорошего, потому что не знает разницы между хорошим и плохим. Пса тошнит, когда он ест отбросы, но он все равно продолжает их есть.

Она на минуту замолчала, быть может, вспоминая пир — как мужчины и женщины, заливаясь пьяным смехом, кидали друг в друга объедками, иногда отворачиваясь, чтобы стошнить на пол. Роланд делал то же самое, но она знала, что его ей не изменить — даже если он пообещает вести себя иначе, то все равно не станет другим человеком.

— Ты понимаешь меня, Питер?

Мальчик кивнул.

— Тогда скажи, пользуются ли псы салфетками?

Питер потупился и покачал головой. Разговор оказался не таким приятным, как он подумал снача-

ла. Время было позднее, он устал, и, должно быть, от этого к глазам его подступили слезы. Он изо всех сил старался не дать им прорваться, и ему удалось. Мать заметила это и порадовалась за него.

— Не плачь из-за этой салфетки, любовь моя, — сказала Саша и встала, с трудом поднимая свой расплывшийся живот — до рождения Томаса оставалось совсем немного. — Твое поведение почти безупречно. Любая мать королевства гордилась бы своим сыном, будь он вполонину так же хорош, как ты. И я горжусь тобой. И говорю тебе все это только потому, что когда-нибудь ты станешь королем, и человеческие жизни будут зависеть от каждого твоего шага и даже от снов, которые тебе приснятся. Они могут не зависеть от того, пользуешься ли ты за столом салфеткой... но могут и зависеть. Иногда они зависят и от меньшего. Поэтому я и прошу: что бы ты ни делал, помни о доброй части своей природы. Это Божья часть. Обещаешь мне помнить о ней?

— Обещаю, мама.

— Вот и хорошо. — Она поцеловала его. — К счастью, я молода и ты молод. Нам еще о многом предстоит поговорить, когда ты подрастешь.

Они так больше ни о чем и не поговорили, но Питер не забыл урок: с тех пор он всегда и везде пользовался за едой салфеткой.

7

И вот Саша умерла.

Но прежде чем она исчезнет из этой истории, необходимо сказать о ней кое-что еще: у нее был

кукольный дом. Очень большой и красивый, настоящий маленький замок. Когда подошло время замужества, Саша старалась выглядеть веселой, но, конечно, ей было жаль покидать свой дом в Западном феоде, где она всех знала, — и еще она немного боялась. Она сказала матери: «Я никогда раньше не выходила замуж и не знаю, понравится ли мне это».

Но из всех воспоминаний детства, с которыми пришлось расстаться, она больше всего жалела о кукольном домике, своей любимой игрушке с самых ранних лет.

Роланд, добрый Роланд, как-то узнал об этом и, хотя он тоже волновался (ему ведь тоже никогда еще не доводилось жениться), нашел время и приказал Квентину Эллендеру, лучшему мастеру королевства, сделать для его жены новый кукольный дом.

— Я хочу, чтобы это был самый красивый дом, — сказал он Эллендеру. — Чтобы она только раз взглянула на него и навсегда забыла тот, что оставила дома.

Но если Роланд действительно этого хотел, это было глупо. Никто из нас не забывает любимую игрушку, доставлявшую столько радости в детстве, пусть даже новая будет гораздо лучше. Саша не забыла свой старый кукольный дом, но новый ее восхитил. Он восхитил бы и тебя, если ты не полный идиот. Все, кто видел его, говорили, что это лучшая работа мастера Эллендера, и, должно быть, были правы.

Это был миниатюрный особняк, очень похожий на тот, в котором Саша жила с родителями в Западном феоде. Все предметы, хоть и маленькие, были выполнены так искусно, что могло показаться, будто они настоящие... а некоторые и правда работали, как настоящие!

К примеру, плита нагревалась, и на ней можно было готовить еду. Если положить в нее кусочек угля размером не больше ногтя, она горела весь день... и тот, кто попытался бы в это время дотронуться до нее своим неуклюжим пальцем, мог больно обжечься. Там не было раковин и унитазов потому, что в Делейне не слышали о таких вещах — но, если действовать осторожно, можно было накачать воду из колонки высотой в полпальца. Там была рабочая комната с прялкой и ткацким станком, и они тоже работали. Клавикорды в гостиной играли, если до ключей дотрагивались зубочисткой и находили верный тон. Те, кто это видел, толковали о чуде и о том, что здесь замешан Флегг. Когда до Флегга доходили подобные слухи, он только улыбался. Он вовсе не участвовал в затее с домом — и, по правде говоря, считал ее глупой, — но зачем опровергать то, что прибавляет тебе значения? Иногда достаточно помалкивать с умным видом, и тебя сочтут за мудреца.

В домике Саши были настоящие персидские ковры, бархатные занавески, китайский фарфор; на леднике действительно царил холод. Стены в холле были обшиты железным деревом. Во всех окнах блестели стекла, а входную дверь украшал многоцветный витраж.

Одним словом, это был самый прелестный кукольный дом в мире. Саша на свадьбе захлопала в ладоши, когда его увидела, и горячо поблагодарила мужа. Позже она пришла в мастерскую к Эллендеру и не просто поблагодарила его, но даже поцеловала в щеку, чем глубоко растрогала старика, который, работая над домом, едва не потерял зрение. В те времена королевы нечасто целовали простых мастеров — точнее сказать, никогда.

Но она не забыла свой старый кукольный домик (пусть он был куда хуже этого), хотя теперь и не проводила столько времени за играми — передвигая мебель, зажигая плиту и глядя, как из трубы вьется дым, оповещавший всех о большом королевском чаепитии; не то что раньше, совсем недавно, когда ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Причина проста. Теперь ей незачем было воображать себя королевой — она стала ею на самом деле. Она выросла и обнаружила, что взрослыми становятся совсем иначе, чем казалось в детстве. Тогда ей представлялось, что в один прекрасный день человек откладывает куклы и игрушки и говорит: «Все, я уже взрослый». Теперь она поняла, что прежние увлечения не исчезают в один миг, они просто угасают все больше и больше, пока пыль времени не скроет под собой яркие краски детства.

8

У Питера, мальчика, которому предстояло стать королем, были сотни игрушек — нет, если говорить точно, тысячи. У него имелись полки оловянных солдатиков, с которыми он выигрывал великие сражения, и десятки игрушечных лошадок. У него были мячи, и ходули, делавшие его великаном, и сколько угодно бумаги для рисования — а ведь тогда бумага считалась редкостью и ею пользовались только богатые люди.

Но из всех игрушек в замке он больше всего любил кукольный дом своей матери. Он никогда не видел того, что остался в Западном феоде, и для него

этот дом был лучшим и единственным. Он часами сидел перед ним, когда за окном моросил дождь или зима выдувала снежные вихри из своей посиневшей глотки. Когда он лежал с детской сыпью (у нас это называют ветрянкой), специальный слуга ставил ему дом на столик у кровати, и он играл им, пока не засыпал.

Он любил воображать маленьких человечков, живущих в доме; иногда ему даже казалось, что он их видит. Он говорил за них разными голосами и придумал им всем имена. Там жил король Роджер, храбрый и могучий (пусть даже и немного кривоногий), который однажды убил дракона. Жила королева Сара, его жена. И их сын, Пити, который любил их и был любим. И конечно, слуги, стелившие постели, топившие плиту и носившие воду.

Он был мальчик, и истории, сочиненные им про обитателей дома, были немного кровожаднее, чем те, что сочиняла Саша, когда была девочкой. В одной из них на дом напали андуанские пираты, чтобы перебить всю семью. Жители дома храбро сражались и убили десятки пиратов, но тех было слишком много. Когда пираты уже одолевали, подросла королевская гвардия — оловянные солдатики Питера — и перебила всех андуанских морских собак. В другой истории из ближайшего леса (обычно он располагался под кроватью Саши у окна) выходила стая драконов, чтобы сжечь дом своим огненным дыханием. Но Роджер и Пити всех их застрелили из луков. «Даже земля почернела от их проклятой крови», — рассказывал Питер отцу за ужином, и тот одобрительно хохотал.

После смерти Саши Флегг заметил Роланду, что мальчику не пристало играть с кукольным домом.

Это, сказал он, может не сделать его неженкой... но может и сделать. Да и слуги видят все и отнюдь не держат язык за зубами.

— Ему ведь только шесть, — возразил Роланд нерешительно. Белое лицо Флегга, скрытое под капюшоном, и его магические способности всегда немного пугали короля.

— В шесть лет уже пора обучать мальчика мужским занятиям, — произнес чародей. — Подумайте над этим, ваше величество. Я уверен, что ваше решение, как всегда, будет справедливо. *Подумайте над этим*, — сказал Флегг, и король так и поступил.

Ни над чем другим за все свое двадцатилетнее правление он не думал столь напряженно.

Это покажется странным, если вспомнить все многотрудные обязанности короля — введение или отмена налогов, объявление войны, судебные дела. Разве с этим в сравнение идет вопрос о том, можно ли маленькому мальчику играть с кукольным домом.

Может, и не идет. Я только говорю вам, что думаю. И еще скажу: Роланд был не самым умным из королей, правивших Делейном. Когда приходилось думать, ему всегда казалось, что в голове у него перекатываются камешки, глаза слезились, а из носа текло.

В детстве занятия математикой или историей вызывали у него такую головную боль, что в двенадцать лет он их прекратил и занялся тем, что никакой головной боли не вызывало, — охотой. Он изо всех сил старался быть хорошим королем, но чувствовал, что не может верно рассудить многие дела, а от их неверного решения, он знал, пострадают люди. Если бы Роланд слышал, что Саша говорила Питеру после пира, он бы с ней согласился. Короли действительно

больше обычных людей, и иногда — довольно часто — ему хотелось бы быть поменьше. Если вам в жизни приходилось решать серьезные вопросы, к которым вы не были готовы, вы поймете его. Может, поймете и то, что это ощущение неготовности в конце концов заставляет избегать любых решений. Так случилось и с Роландом, который все больше и больше дел стал доверять Флеггу. Иногда ему казалось, что Флегг уже заменил короля во всем, кроме титула, но такие мысли приходили только ночью, в темноте, а днем он был благодарен Флеггу за помощь.

Если бы не Саша, Роланд был бы гораздо худшим королем, и все потому, что слабый голос, который он слышал по ночам, говорил правду. Флегг действительно управлял королевством, и Флегг был очень плохим человеком. К несчастью, нам еще придется о нем говорить, но не сейчас.

Саша ослабила власть Флегга. Она давала королю гораздо более добрые и справедливые советы, чем чародей, и король иногда их слушал. Она не любила Флегга, как и многие в Делейне, но безотчетно. Саша не знала, как пристально, с какой холодной ненавистью тот следит за ней.

9

Однажды Флегг едва не отравил Сашу. Это случилось, когда она упростила короля помирить двух дезертиров, которых Флегг хотел обезглавить. Он говорил, что дезертиры подают дурной пример и, если не наказать этих двух, за ними могут последовать

другие. Чтобы такого не случилось, нужно показать всем отрубленные головы тех, кто попытался бежать из армии, с выпученными глазами и запекшейся на губах кровью.

Но Саша узнала от одной из своих служанок то, о чем Флегг не сказал Роланду. Мать старшего из беглецов тяжело заболела. В семье было еще пятеро младших братьев и сестер. Все они могли замерзнуть суровой делейнской зимой, если бы старший брат не отлучился из лагеря и не нарубил им дров. А младший ушел с ним потому, что был его лучшим другом. Без него старший нарубил бы нужные на зиму дрова за две недели, а так это заняло шесть дней.

Это представило дело в ином свете. Роланд сам очень любил мать и с радостью отдал бы за нее жизнь. Он провел расследование и выяснил, что Саша права. Еще он узнал, что сбежали солдаты лишь потому, что жестокий сержант отказался передать командиру их просьбу об увольнении и что, как только беглецы нарубили достаточно дров, они вернулись в часть, хотя знали, что их ждет суровое наказание.

Роланд простил их. Флегг только улыбнулся и сказал: «Ваша воля — закон для Делейна, сир». Даже за все золото Четырех Королевств он не показал бы королю ту ярость, что вскипала в его сердце. Милость короля вызвала в народе ликование потому, что многие знали правду и рассказали тем, кто не знал. Милость короля заставила забыть о его менее человеческих решениях, подсказанных ему чародеем. Но для Флегга это ничего не значило. Саша посмела вмешаться в его дела. Почему Роланд не женился на другой? Ему ведь было все равно. Почему? Впрочем, не важно. Флегг улыбался, но поклялся себе, что скоро увидит похороны Саши.

В тот же вечер Флегг спустился в свою подвальную лабораторию. Там он надел железную перчатку и достал из клетки ядовитого паука, которого держал взаперти двадцать лет, откармливая новорожденными мышатами. Мышат он отравлял, чтобы собственный яд паука, и без того невероятно сильный, стал еще сильнее. Паук, кроваво-красный, размером с крысу, так и источал яд, который прозрачными каплями падал с его челюстей, прожигая дымящиеся отверстия в рабочем столе Флегга.

— А теперь умри, мой милый, и убей королеву, — прошептал Флегг и сдвинул паука перчаткой, заколдованной от яда. И все равно наутро рука опухла и покраснела.

Яд из раздавленного тела брызнул в кубок. Флегг налил туда бренди, помешал и вынул полуразъеденную адской смертью ложку. От одного глотка такого зелья королева упадет замертво. Смерть будет быстрой, но весьма мучительной, подумал с удовольствием Флегг.

Саша плохо засыпала и взяла за правило выпивать перед сном бокал бренди. Флегг позвал слугу и собирался приказать ему отнести бокал королеве.

Саша никогда не узнала, как близко к смерти она была. За миг до того, как слуга постучал в дверь, Флегг вылил яд в сток, сделанный в полу, и с искаженным ненавистью лицом слушал шипение и бульканье зелья, уходящего в трубу. Затем он изо всех сил запустил бокалом в стену.

Слуга постучал и вошел.

— Я разбил бокал, — сказал Флегг, указывая на осколки. — Убери это. Только возьми щетку, болван, не то пожалеешь.

10

Он вылил яд в последний момент потому, что понял: его могут поймать. Если бы король чуть меньше любил молодую жену, у Флегга был бы шанс. Но он боялся, что Роланд не успокоится, пока не найдет убийцу, и уже представлял свою голову на шесте над стеной замка. За подобное злодеяние король жестоко отомстил бы любому. Даже ему.

Так Саша спаслась — в тот раз, — защищенная страхом Флегга и любовью своего мужа. Ведь в конце концов Флегг по-прежнему оставался ближайшим советником короля.

Но в тот раз Саша победила, хотя потом Флеггу и удалось взять верх.

11

Вскоре после того как Флегг завел речь о кукольном доме и о том, что принц может стать неженкой, король незаметно вошел в спальню покойной королевы и стал наблюдать за играющим сыном. Он стоял у двери, нахмутив брови, и напряженно думал, чувствуя, как камешки перекатываются у него в голове.

Он видел, что Питер рассказывает сам себе истории о кукольном доме, и истории эти вовсе не девчачьи. В них шла речь о битвах, о крови, о драконах — о том, что волновало самого короля, и ему вдруг захотелось присоединиться к сыну в его игре и сочинить еще более удивительные истории. И еще он увидел, что Питер, играя с домом Саши, продолжает вспоминать о ней, как и сам Роланд, который

страшно горевал о своей жене. Иногда ему хотелось зарыдать. Конечно, короли не должны плакать, но пару раз он все же просыпался на мокрой от слез подушке.

Король незаметно вышел из комнаты и всю ночь пролежал без сна, размышляя о том, что видел. И как ни трудно было отказать Флеггу, наутро он вызвал чародея и сказал ему, что рассмотрел вопрос и решил, что Питер может играть с кукольным домом сколько пожелает. Он утверждал, что это не принесет мальчику никакого вреда.

Произнося это, он ожидал возражений Флегга. Но возражений не последовало. Флегг только приподнял брови и сказал:

— Ваша воля — закон, сир.

Роланд по его тону понял, что чародей недоволен, но был рад, что легко отделался. Когда в тот же день Флегг предложил повесить налог с фермеров Восточного феода, несмотря на то что засуха погубила почти весь их урожай, король охотно согласился.

Впрочем, упрямство старого осла (так Флегг про себя называл короля) в вопросе о кукольном доме казалось чародею смешным. Повышение налогов было куда более важным делом. К тому же чародея утешал один глубоко спрятанный секрет. Ведь в конце концов он все-таки убил Сашу.

12

Когда королева или другая женщина благородной крови готовится произвести на свет ребенка, всегда зовут повитуху. Ведь все доктора — мужчины, а муж-

чине не годится в этот момент быть рядом с женщиной. Питера принимала повитуха Анна Криволицая с Третьей Южной улицы. Когда пришло время Томаса, ее позвали опять. К тому времени Анна овдовела, и ей было уже за пятьдесят. У нее был сын, и в двенадцать лет он заболел трясучкой, от которой умирают после нескольких лет ужасных страданий.

Она очень любила своего мальчика и, когда все доктора сказали «нет», пошла к Флеггу. Это случилось давно, когда Роланд еще ходил холостым и ни о каких принцах не было и речи. Чародей принял ее в своем подземном кабинете, рядом с темницами, и во время беседы несчастная женщина слышала порой вскрик какого-нибудь страдальца, долгие годы не видевшего света дня. Она с содроганием думала, что, должно быть, где-то рядом находятся и камеры пыток. Да и сам кабинет Флегга не вызывал добрых чувств. На полу мелом были начертаны странные рисунки, которые, казалось, все время неуловимо менялись. С ржавого крюка под потолком свисала клетка с двухголовым попугаем. Иногда он начинал говорить сам с собой — одна голова спрашивала, другая отвечала. В темных углах, среди запыленных книг, ползали пауки. Кое-как, запинаясь, женщина рассказала свою историю и застыла в ожидании.

— Я вылечу твоего сына, — сказал Флегг.

Уродливое лицо Анны Криволицей осветилось такой радостью, что на миг сделалось красивым.

— Господин! — выдохнула она, не в силах больше ничего вымолвить. — О господин!

Но белое лицо Флегга, затененное капюшоном, осталось бесстрастным, и страх опять проник в ее душу.

— Чем ты отплатишь мне за это? — спросил он.

— Чем угодно! Просите чего вам угодно, господин!

— Я попрошу об одной услуге, — сказал он. — Сделаешь?

— С превеликой радостью!

— Я еще не знаю, что это. Когда придет время, я тебе скажу.

Она упала на колени, и в этот раз он наклонился к ней. Капюшон упал, и ей открылось его лицо — белое лицо трупа с черными дырами вместо глаз.

— И если ты откажешь, когда я попрошу...

— Я не откажу! О мой господин, не откажу! Клянусь жизнью моего мужа!

— Ладно. Приведи ко мне своего сына сегодня, когда стемнеет.

Она так и сделала. Бедный мальчик дрожал, его голова непрерывно тряслась, глаза закатились. Из рта стекала струйка слюны. Флегг дал ей мензурку с темно-фиолетовой жидкостью:

— Дай ему это. Он обожжет губы, но пусть выпьет все до капли. А потом забирай его и убирайся.

Она всунула мензурку в рот сыну и наклонила ее. Он, давась, проглотил содержимое и упал на пол, корчась от боли.

— Забирай его, — повторил Флегг.

— *Забир-рай!* — прокричала одна из голов попугая.

— *Забир-рай дур-рака!* — поддержала ее другая.

Анна увела сына, уверенная, что Флегг дал ему яд. Но на другой день трясушка прошла, и вскоре мальчик выздоровел окончательно.

Спустя годы, когда Саша готовилась родить Томаса, Флегг позвал повитуху к себе и что-то прошептал ей. Они были одни, глубоко под землей, но и там он не решился озвучить громко свою просьбу.

Лицо Анны побелело, но она помнила слова Флегга: *Если ты откажешь...*

И разве у короля не останутся два сына? А если он захочет жениться еще раз, то в Делейне много красавиц.

И она пошла к Саше, и успокаивала ее во время родов, и никто не увидел, как в решающий момент в руке у нее блеснул маленький ножик. Через миг Анна крикнула:

— Тужьтесь, моя королева! Тужьтесь! Он выходит!

Томас вышел из чрева матери легко, но следом хлынула кровь. Через десять минут после рождения сына королева была мертва.

Так Флегг добился своего. Роланд был уже стар, жениться второй раз не собирался, и теперь ему предстояло выбрать наследника из двух принцев. Конечно, Питер старший, но это не так уж важно. Его можно тем или иным путем устранить — ведь маленькие дети беззащитны.

Я уже говорил, что за все свое правление Роланд ни над чем другим не размышлял так напряженно, как над тем, позволять ли Питеру играть с кукольным домом, так искусно сделанным мастером Эллендером. Я также говорил, что он решил задачу иначе, чем хотел бы Флегг, но тот подумал, что это мелочь.

Так ли это было на самом деле? Рассудите сами, когда дослушаете историю до конца.

13

Прошло много лет. Удивительно, как быстро в сказках проходит время, когда ничего не случается. В жизни так никогда не бывает, и это даже хорошо.

Представляете, каково было бы жить, если бы годы мелькали, как дни, а столетия — как годы?

Все это время Флегг внимательно наблюдал за обоими принцами — за тем, как они вырастают из-за сгорбившейся спины постаревшего короля. Он думал, кто из них будет выгоднее для него на троне, и довольно скоро решил, что это Томас. Когда Питеру было пять, Флегг понял, что не любит его, а когда мальчику исполнилось девять, чародей пришел к странному и неприятному для себя выводу: он еще и боялся маленького принца.

Мальчик рос сильным и красивым. Волосы у него были черные, а глаза синие, как у многих в Западном феоде. Иногда, когда Питер быстро, с легким наклоном вскидывал голову, он напоминал отца, а порой точь-в-точь походил на Сашу. Но в отличие от неуклюжего, кривоногого Роланда, который выглядел изящно лишь в седле, Питер был высоким и стройным. Он тоже любил охотиться, но не так страстно. Ему нравились еще и уроки — особенно география и история.

Его отец обожал грубые шутки. Он прямо падал от хохота, когда шуты поскальзывались на банановой кожуре, или сталкивались головами, или устраивали перестрелку тортами в Большом зале. У Питера были совсем другие вкусы. При этом он любил посмеяться, и его заливистый хохот часто колокольчиком разносился по дворцовым залам, вызывая невольные улыбки слуг и придворных.

Многие, занимая они столь высокое положение, как Питер, не водились бы ни с кем, кроме детей знати; он же подружился с мальчиком по имени Бен Стаад, когда им обоим было по восемь лет. Семья Бена была не из знатных, и хотя его отец Эндрю Ста-

ад возводил свой род к королям, их и дворянами-то можно было считать с большой натяжкой. Точнее назвать их «сквайрами». Когда-то богатые, Стаады переживали тяжелые времена, и если бы проводились выборы лучшего друга принца, их сын вряд ли имел бы шанс.

Познакомились они на ежегодном сельском празднике. Обычно королям и королевам не очень нравилось там присутствовать; они поднимали тост, благодарили фермеров за плоды их труда (даже если год был неурожайным) и удалялись. Если бы Роланд поступал так же, Питер с Беном так никогда бы и не повстречались. Но Роланд в самом деле любил сельский праздник и нередко оставался там до конца (и часто его уносили оттуда пьяным и громко храпящим).

Питер и Бен оказались в паре на состязаниях по бегу в мешках и выиграли. Они уже давно шли впереди, но вдруг упали, и Питер сильно оцарапал руку.

— Простите, мой принц! — воскликнул Бен, побледнев. Он уже воображал себя в подземной темнице, и его мать с отцом, с опаской наблюдавшие со стороны, тоже (Энди Стаад тогда окончательно решил, что счастливая звезда семьи закатилась). Страх Бена смешивался с удивлением: оказалось, что кровь будущего короля такая же красная, как у всех.

— Не валяй дурака! — нетерпеливо прикрикнул Питер. — Я сам виноват. Давай скорее, а то нас догонят.

Двое мальчишек, соединенных в одно неуклюжее трехногое существо мешком, в котором были крепко стянуты правая нога Питера и левая Бена, попытались подняться. Падение сильно их задержало, и за ними

к финишной черте, у которой бесновались толпы фермеров (не говоря уж о Роланде, затесавшемся в их толпу без всякого чувства неловкости), уже приближались два здоровых, потных крестьянских парня. На последних десяти ярдах они грозили почти наверняка обойти Питера и Бена.

— *Быстрее, Питер!* — вскричал Роланд, с таким энтузиазмом потрясая кубком, что бо́льшая часть содержимого выплеснулась ему на голову, но от возбуждения он даже не заметил этого. — *Скачи как заяц, сын! Эти олухи уже хватают тебя за задницу!*

Мать Бена начала всхлипывать, проклиная судьбу, поставившую ее сына в пару с принцем.

— Если они проиграют, — простонала она, — Бена бросят в самую глубокую темницу замка.

— Тише, женщина, — сказал Энди. — Наш добрый король не сделает этого. — Он и впрямь так думал, но все равно боялся.

Бен тем временем начал смеяться, совершенно того не желая и даже не веря, что это его смех:

— Он сказал: скачи как заяц?

Питер тоже рассмеялся. Ноги у него болели, из раны на правой руке текла кровь, пот заливал побавшее лицо, но он тоже не мог удержаться от смеха.

— Да, именно так он и сказал.

— Тогда *поскакали!*

Когда они пересекали финишную черту, то напоминали не зайцев, а скорее пару облезлых ворон. Чудом удержавшись от падения, они сделали три прыжка и на третьем приземлились на финише, где и рухнули, заливаясь смехом.

— Заяц! — стонал Бен, тыкая в принца пальцем.

— Сам заяц! — отвечал Питер.

Они все еще смеялись, когда дюжие фермеры подняли их на руки (одним из них был Эндрю Стаад, и он навсегда запомнил ощущение двойного веса своего сына и принца) и понесли к месту награждения, где король Роланд опоясал их голубыми лентами. Потом он неуклюже расцеловал мальчиков и окропил оставшимся у него в кубке медом под одобрителный рев фермеров. Никто из них, даже старики, не помнили такого замечательного состязания.

Мальчики провели вместе остаток дня и, как скоро выяснилось, намеревались так же провести остаток жизни. Однако даже у восьмилетнего мальчишки есть обязанности (особенно если он собирается стать королем), поэтому они не могли быть рядом все время, но встречались, как только представлялась такая возможность.

Некоторые морщили нос, говоря, что будущий король не должен водиться с мальчишкой, чье положение в обществе немногим отличалось от положения простого крестьянина. Но большинству это нравилось, и немало кружек в делейских погребках было опрокинуто за то, что Питер унаследовал лучшее с обеих сторон — ум его матери и любовь отца к простым людям.

Так оно и было. Питер никогда не обрывал крылья бабочкам и не привязывал палки к собачьим хвостам. А после истории с лошастью, которую хотел прикончить Иосиф, главный конюший, Флегг начал побаиваться Питера и обдумывать способы, как бы убрать его с дороги. Ведь именно в этой истории Питер проявил смелость и сострадание, а эти чувства очень не нравились Флеггу.

14

Питер проходил мимо конюшни и увидел во дворе лошадь, привязанную к изгороди. Одну заднюю ногу лошадь держала на весу. Иосиф, стоявший рядом, поплевав на ладони, уже брался за тяжелую кувалду. Сообразив, что он собирается делать, Питер подбежал к нему.

— Кто велел тебе убить эту лошадь? — спросил он.

Иосиф, крепкий мужчина лет под шестьдесят, служил при дворе всю жизнь и вовсе не собирался терпеть вмешательство какого-то сопляка, принц он или нет. Он наградил Питера грозным взглядом, но девятилетний Питер, хоть и покраснел, но не потерял присутствия духа. Печальные карие глаза лошади, казалось, говорили ему: *Ты — моя последняя надежда, поэтому сделай, что можешь, прошу тебя.*

— Мой отец, и дед, и прадед, — сказал Иосиф, поняв, что взгляда здесь будет недостаточно. — *Вот* кто велел мне ее убить. Лошадь со сломанной ногой никому не принесет пользы, в том числе и себе. — Он приподнял кувалду. — Ты видишь в этой штуке только орудие убийства, но когда подрастешь, то поймешь, что иногда она может быть и милосердием. А теперь отойди, а то я тебя забрызгаю.

Он поднял кувалду выше.

— Положи, — сказал Питер.

Иосиф остолбенел. *Никто* до сих пор так нахально не вмешивался в его работу.

— Что-о? Что ты сказал?

— Ты слышал. Я сказал: *положи эту штуку*, — Питер произнес это совсем другим тоном, и Иосиф вдруг понял, что с ним говорит будущий король. Если

бы Питер *так* не сказал — если бы он стал ныть: *Положи, слышишь, я ведь будущий король, слышишь, положи эту штуку!* — Иосиф бы только презрительно улыбнулся, сплюнул и оборвал бы жизнь несчастной лошади одним движением мускулистых рук. Но Питер ничего такого не говорил; все читалось в его голосе и глазах.

— Твой отец узнает об этом, принц, — сказал Иосиф.

— Если ты ему скажешь, он услышит это во второй раз, — ответил Питер. — Я позволю тебе закончить твоё дело, господин главный конюший, если ты ответишь «да» всего на один мой вопрос.

— Спрашивай. — Иосифу начинал нравиться этот парень. Он понял, что хотел сказать Питер: принц сам расскажет отцу о случившемся. Это было смело. Кроме того, никто еще не называл Иосифа «господин главный конюший».

— Осмотрел ли доктор эту лошадь?

Иосиф был поражен.

— *Это* твой вопрос?

— Да.

— О Господи, *нет!* — Видя, что Питер нахмурился, он склонился к мальчику и попытался объяснить: — Лошадь со сломанной ногой не жилец на этом свете, ваше высочество. Нога не срастется как следует, и у нее будет заражение крови. Это ужасная боль для лошади. *Ужасная*. В конце концов у нее разорвется сердце или она спятит. Разве я не говорил, что эта штука — орудие милосердия, а не убийства?

Питер долго думал, опустив голову. Иосиф терпеливо ждал, склонившись перед ним, и поза его невольно выражала почтение и покорность.

— Это часто бывает? — спросил наконец Питер.

— Всегда, ваше высочество! Мой отец...

— Тогда посмотрим, что скажет доктор.

— *О-о-о!* — простонал конюший и изо всех сил отшвырнул кувалду. Та угодила прямо в свиное корыто, и свиньи бросились врассыпную, ругаясь на своем свиньячем языке. Иосиф, как и Флегг, не терпел вмешательства в свои дела, и свиньи в тот момент занимали его меньше всего.

Он пошел прочь, но потом внезапно обернулся. Улыбка на его лице походила на единственный солнечный луч на хмуром небе.

— Зови своего доктора, — сказал он. — Ты найдешь его в конце Третьей Восточной улицы. Даю тебе двадцать минут. Если не успеешь, я вышибу этой лошади мозги, будь ты хоть трижды принц.

— Да, господин главный конюший! Спасибо! — Питер бросился бежать.

Когда он, запыхавшись, возвращался вместе с молодым ветеринаром, то боялся, что лошадь уже мертва; судя по солнцу, прошло никак не меньше часа. Но осторожный Иосиф решил подождать.

Ветеринарное дело было в Делейне в новинку, и молодой врач оказался лишь третьим или четвертым, кто практиковал по этой части, так что недоверие Иосифа имело основания. Конечно, ветеринару не очень хотелось бежать куда-то вслед за потным, взъерошенным принцем, но ему польстило такое внимание. Наклонившись над лошадью, он ощупал ей ногу, что-то напевая себе под нос и приговаривая: «Потерпи, потерпи, скотинка». Лошадь только один раз дернулась от боли, потом затихла. Иосиф ждал, положив ладони на рукоять кувалды. Он немного смягчился в отношении ветеринара: парень явно знал свое дело.

Наконец доктор встал, стряхивая пыль с ладоней.

— Ну что? — спросил Питер с опаской.

— Убейте, — коротко бросил ветеринар Иосифу, не обращая внимания на Питера.

Иосиф схватился за кувалду, будто ничего другого и не ждал, но взгляд Питера опять остановил его.

— Подожди! — Голос мальчика опять прозвучал по-взрослому... по-королевски.

Доктор уставился на него.

— Значит, она умрет от заражения крови?

— Что? — Изумление доктора увеличилось.

— Она может умереть от заражения крови или сойти с ума?

— Ты о чем? Никакого заражения. Перелом чистый. Я слышал уже такие истории, — он бросил взгляд на Иосифа, — но в них нет ни слова правды.

— Если ты так думаешь, то тебе еще многому предстоит научиться, парень, — буркнул Иосиф.

Питер не обратил на эти реплики внимания.

— Тогда зачем ее убивать? — спросил он ветеринара.

— Видите ли, ваше высочество, — объяснил тот, — ей целый месяц нужно ставить припарки, чтобы в рану не попала инфекция. И все равно она до конца жизни будет хромать и не сможет как следует работать. И ездить на ней будет трудно. Поэтому ее следует убить.

Он улыбнулся, довольный своей речью.

Когда Иосиф опять — в который уже раз — взялся за кувалду, Питер сказал:

— Я буду ставить ей припарки. А если не смогу, это будет делать Бен Стаад. И я возьму ее себе и буду ездить на ней, даже если она останется хромой.

Иосиф рассмеялся и хлопнул принца по спине:

— Ты столь же добр, сколь и смел, мой мальчик, но мальчишки легко обещают и легко забывают обещания. Подумай об этом.

— Я знаю, что говорю.

Смех Иосифа оборвался. Конюший по глазам Питера увидел, что это действительно так.

— Ладно, я не могу тут торчать весь день. — Ветеринар продолжал изображать крайнюю занятость, хотя и знал, сколько ему придется ждать следующего пациента. — Счет я представлю в казначейство по тарифу, если ваше высочество не прибавит что-нибудь за срочность. В любом случае до свидания.

Питер и конюший смотрели, как он уходит, волоча за собой длинную послеполуденную тень.

— Спесивый пузырь, — заметил Иосиф, когда доктор скрылся и уже не мог опровергнуть этого мнения. — Уж поверь мне, ни одна лошадь, сломавшая ногу, не обошлась без заражения крови. Так уж Бог рассудил.

— Я спрошу об этом отца, — сказал Питер.

Когда принц отошел, Иосиф хитро улыбнулся. Он знал, что Питеру попадет за вмешательство в дела конюшего, но знал и то, что король очень любит сыновей — особенно старшего — и, уж конечно, позволит тому оставить у себя лошадь. А уж здоровая она или больная — не его, Иосифа, дело. Он специалист по лошадям, а не по принцам.

Питеру *действительно* влетело — три дня он не мог спать на спине и неделю не мог есть сидя, — но Роланд отдал ему лошадь.

— Все равно это ненадолго, — сказал король. — Если Иосиф считает, что она умрет, значит, умрет. — Лицо Роланда было бледным, руки дрожали сильнее

обычного. Наказание причинило ему не меньшую боль, чем Питеру, — он действительно очень любил старшего сына, хотя наивно полагал, что никто, кроме него, об этом не догадывается.

— Не знаю, — упрямо сказал Питер. — По-моему, доктор знал, что говорил.

И правда: никакого заражения у лошади не случилось, и хромота она почти перестала, это признал даже Иосиф. Питер ставил ей припарки три раза в день и четвертый раз на ночь, а когда он был занят, это делал Бен Стаад. Питер назвал лошадь Пеони, и они очень сдружились.

Когда Флегг советовал Роланду запретить принцу играть с кукольным домом, он был прав в одном: слуги видели все и не молчали о том, что видели. Некоторые стали свидетелями сцены на конюшне и рассказали остальным, а те, делая вид, что сами при том присутствовали, разнесли рассказы об этом случае по всему городу. Говорили о нем и Иосиф, и молодой ветеринар. Особенно веским было слово Иосифа, которого многие уважали. Он первым стал звать Питера — молодой король, а за ним и другие.

— Я думаю, Бог вылечил эту лошадь потому, что молодой король так стоял за нее, — заканчивал обычно конюший свой рассказ. — И он трудился над ней, как раб. Я вам скажу: у этого мальчишки сердце дракона. Слышали бы вы его голос, когда он велел мне отложить кувалду!

Да, история была замечательная, и Иосиф рассказывал ее целых семь лет — до того дня, когда Питера признали виновным в ужасном преступлении и приговорили к заключению в камеру на самой вершине Иглы до конца его дней.

15

Может, вам интересно, что собой представлял Томас; ведь некоторые из вас уже решили, что он был злодеем, раз уж Флегг хотел передать ему корону, отняв ее у законного владельца.

Это не совсем верно, хотя некоторые на самом деле так думали. Конечно, Томас был не таким хорошим, как Питер, — рядом с Питером никто не показался бы достаточно хорошим, и Томас понял это, уже когда ему было четыре, — год спустя после знаменитого бега в мешках и в год не менее знаменитого происшествия на конюшне. Питер всегда говорил правду; Питер был высоким, красивым и походил на мать, которую так любили и король, и весь народ Делейна.

Разве можно было сравнить с ним Томаса? Ответ прост — нельзя.

В отличие от Питера Томас разительно напоминал отца. Это отчасти умиляло Роланда, но не доставляло ему радости. Он знал, что светлые кудри Томаса рано поседеют, а потом и выпадут, оставив его лысым в сорок лет. Знал, что Томас не будет высоким, а если ему передастся отцовская любовь к пиву и меду, то он уже к тридцати станет носить перед собой брюхо. Томас уже начинал косолапить, и Роланд понимал, что скоро его младший сын будет таким же кривоногим, как он сам.

Томас был не слишком хорош, но не был и плох. Он часто грустил, часто злился и туго соображал (когда приходилось думать, ему, как и отцу, казалось, что в голове у него перекатываются камешки), но он не был плохим.

И еще — он завидовал брату. Мало того, что тому предстояло стать королем, что отец его больше любил, и *слуги* больше любили Питера, и *учителя*, потому что он всегда готовил уроки. Мало того, что *все* любили Питера больше, чем его. Было кое-что еще.

Когда кто-нибудь, и особенно король, смотрел на Томаса, ему казалось, что они думают: *Мы любили твою мать, а ты убил ее своим появлением. И что мы получили взамен? Маленького уродца с глупым лицом почти без подбородка, который до восьми лет не смог выучить больше пятнадцати Великих Букв. Твой брат Питер в шесть лет знал их все. Что мы получили? Зачем ты нам, Томас? Страховка престола — вот кто ты такой, на случай если Питер упадет со своей хромой лошади и сломает шею. Нет уж, мы не хотим этого. И ты нам не нужен. Слышишь, не нужен!*

В том, что Питера заточили в Иглу, была отчасти и вина Томаса, но даже после этого его нельзя было назвать по-настоящему плохим. Я верю в это и думаю, что и вы поверите.

16

Однажды, когда ему было семь лет, Томас просидел целый день у себя в комнате, вырезая в подарок отцу парусную лодку. Он делал это, не зная, что в тот же день Питер покрыл себя славой на состязаниях по стрельбе из лука. По правде говоря, Питер стрелял не слишком хорошо, и Томас вполне мог бы обставить его в этом, но так уж вышло, что именно Питер оказался тогда на состязаниях рядом с отцом. Томас часто грустил, часто злился, и ему часто не везло.

Томас подумал о лодке потому, что иногда, по воскресеньям, отец любил пускать кораблики во рву, окружавшем дворец. Такие простые забавы всегда нравились Роланду, и Томас навсегда запомнил день, когда отец взял его — одного его — с собой. В то время у короля был специальный советник, который показывал ему, как делать бумажные кораблики. Вдруг громадный старый карп высунулся из илистой воды и проглотил кораблик. «Морское чудище!» — повторял король, смеясь до слез и крепко обнимая сына. Томас запомнил все до мельчайшей детали — яркое солнце, гниловатый запах воды во рву, тепло отцовских рук и его колючую бороду.

Именно поэтому, чувствуя себя особенно одиноким, он решил смастерить отцу лодку. Томас знал, что лодка получится не особенно красивой — руками он работал немногим лучше, чем головой. Но он знал и то, что, хотя король мог приказать любому мастеру, даже великому Эллендеру, сделать ему самую лучшую лодку, разница заключалась в том, что это он, его сын, *целый день* трудился над подарком отцу.

Томас, сидя у окна, терпеливо вырезал лодку из куска дерева. Руки у него были в занозах, и один раз он сильно порезался. Но это его не останавливало — он мечтал о том, как они с отцом пойдут в воскресенье запускать *его* лодку — вдвоем, потому что Питер ускачет куда-нибудь на Пеони или будет играть с Беном. И пусть даже тот же карп проглотит лодку, если при этом отец так же обнимет его, и рассмеется, и воскликнет, что это получше историй о морских чудовищах, глотающих целиком андуанские клипперы.

Но когда он пришел в комнату к отцу, там был Питер, и Томасу пришлось полчаса ждать, пряча лод-

ку за спиной, пока Роланд восхвалял меткость Питера в стрельбе. Томас видел, что брат чувствует себя неловко и хочет уйти и дать ему поговорить с отцом, но он все равно ненавидел Питера.

Наконец Питер изловчился и ушел. Томас подошел к отцу.

— Я тебе кое-что сделал, папа. — Он достал лодку из-за спины внезапно вспотевшими руками.

— Правда, Томми? Ну и что же это?

— Да, что же это? — подхватил невесть откуда взявшийся Фlegg. Голос его звучал безразлично, но он смотрел на Томаса с глубоким вниманием: — Что это? Покажи.

— Я знаю, папа, как ты любишь пускать кораблики по воскресеньям, и вот... — ему отчаянно хотелось продолжить: *...и вот я захотел, чтобы ты опять взял меня с собой, и сделал эту вещь*, но он не мог этого сказать, просто не мог. — Вот я... сделал лодку... Я целый день работал... порезался... и...

Сидя у себя, Томас заготовил целую речь, которую хотел произнести, держа лодку за спиной, но теперь он не мог вспомнить ни слова, а то, что сумел вспомнить, не имело, казалось, никакого смысла.

Поэтому он просто протянул лодку с неуклюже хлопающим парусом Роланду. Король повертел ее в своих грубых пальцах. Томас смотрел на отца затаив дыхание. Наконец Роланд взглянул на него:

— Хорошо, Томми. Очень хорошо. Это каноэ?

Лодка с парусом, разве ты не видишь парус? — хотелось крикнуть ему. *Я целый час привязывал его и не виноват, что один узел развязался и он теперь хлопает!*

Король подергал парус, который Томас вырезал из наволочки:

— А-а... ну да. А я сперва подумал, что это корыто с бельем. — Он подмигнул Флеггу, который улыбнулся и промолчал. Томаса вдруг затошнило.

Роланд взглянул на сына посерьезневшими глазами и поманил его к себе. Все еще надеясь на лучшее, Томас подошел к отцу.

— Это хорошая лодка, Томми. Неуклюжая немного, совсем как ты сам, но и хорошая, совсем как ты. А если ты хочешь сделать мне действительно *отличный* подарок, учись стрелять из лука, чтобы выиграть когда-нибудь соревнование, как Питер сегодня.

Томас уже *целый год* учился стрелять, но отец, по-видимому, забыл об этом. Томас не стал ему напоминать; он просто стоял, глядя на свою лодку в больших руках отца. Его щеки и лоб залила краска.

— В конце остались двое — Питер и сын лорда Таусона, — и распорядитель велел им стрелять с сорока ярдов. Сын Таусона долго целился, а Питер сразу подошел к рубежу и выстрелил. А чуть раньше я увидел его взгляд и понял, что он выиграет. Еще до того как он пустил стрелу! Представляешь, Томми? Жаль, тебя там не было...

Король продолжал рассказ, небрежно отложив лодку, над которой Томас трудился целый день. Томас стоял и слушал с той же дурацкой, застывшей улыбкой. Что толку? Отец никогда не возьмет его с собой пускать лодку. Ведь Питер, должно быть, вырезал бы такую даже с завязанными глазами и вдвое быстрее. Во всяком случае, отцу бы она точно показала лучше.

Казалось, миновала целая адская вечность, прежде чем Томас смог наконец уйти.

— Я думаю, мальчик много трудился над этой лодкой, — заметил Флегг.

— Похоже, — ответил Роланд. — Ну и штука! Похожа на собачье дерьмо с торчащим из него платком. (*И на то, что я делал в его возрасте*, добавил он про себя.)

Томас не мог услышать его мысли... но каким-то чудом слышал *слова*, когда выходил из Большого зала. Внезапно тошнота сделалась невыносимой. Мальчик вбежал в свою комнату, и его вырвало в тазик.

На следующий день, прогуливаясь возле кухни, Томас подстерег старого бродячего пса, пробравшегося туда в поисках отбросов. Он подобрал с земли камень и швырнул в собаку. Удар попал в цель — дворняга, визжа, свалилась на землю. Томас знал, что брат, хоть и старше его на пять лет, никогда не попал бы камнем в цель с такого расстояния. Утешение было сомнительным — Питер просто никогда не стал бы бросать камни в собаку, особенно такую старую и жалкую.

В какой-то момент Томаса охватило сострадание, и глаза его наполнились слезами. Потом он вспомнил, непонятно почему, слова отца: *Похоже на собачье дерьмо с торчащим из него платком*. Он набрал камней и стал бросать в лежащего на земле пса. В глубине души ему хотелось оставить пса в покое или даже вылечить, как Питер вылечил Пеони, и любить его. Но он также хотел сделать псу больно, словно это изгоняло боль из его собственного сердца. Потом в голову мальчика пришла дикая мысль: *А что, если бы на месте этого пса был Питер?*

Это решило дело. Томас кидал камни в пса, пока тот не издох. Никто не видел его, а если бы кто-нибудь увидел, то сказал бы: *Это плохой мальчик, плохой и злой*. Но, видя страдания пса, люди не видели того, что случилось накануне, — как Томаса рвало в тазик

и как он потом плакал. Нет, Томас был завистливым, невезучим, но, повторяю, он не был по-настоящему плохим.

Я сказал, что никто не видел, как он швырял камни в дворнягу, но это не совсем так. Флегг видел это той ночью в своем магическом кристалле. Он видел это... и радовался.

17

Роланд... Саша... Питер... Томас. Остался только один человек, о котором мы пока не поговорили, так ведь? Пришло время побеседовать о Флегге, хоть мне и не очень хочется о нем говорить.

Иногда люди в Делейне звали Флегга Человеком в капюшоне, иногда просто Черным — и он на самом деле был черен, несмотря на бледное, как у покойника, лицо. О нем говорили, что он хорошо сохранился, но это не звучало комплиментом. Он пришел в Делейн из Гарлана во времена деда Роланда. Тогда он выглядел худым, остролицым мужчиной лет сорока. А в конце царствования Роланда он выглядел худым, остролицым мужчиной лет пятидесяти. Но ведь прошло не десять, не двадцать, а целых семьдесят шесть лет. Беззубые младенцы, лежавшие в колыбельках, когда Флегг появился в Делейне, выросли, народили детей, одряхлели и умерли беззубыми старцами в своих кроватях, а Флегг постарел всего на какой-то десяток лет! Конечно, это было волшебство, и хорошо иметь в королевстве настоящего волшебника, а не какого-нибудь фокусника, который вытаскивает из рукава голубей. Так говорили люди

Делейна, боясь признаться даже себе самим, что не знают о Флегге *ничего* хорошего. Но, встречаясь с ним, они поспешно переходили на другую сторону улицы.

Действительно ли он пришел из Гарлана, где странные пурпурные горы дремлют в туманной дымке? Не знаю. Гарлан — волшебная страна, где ковры порой летают, а святые люди игрой на флейте поднимают ввысь веревки, лежащие в плетеных корзинах, карабкаются по ним и исчезают в небе. Многие искатели приключений из более цивилизованных стран, таких, как Делейн и Андуа, приходили в Гарлан. Большинство исчезли так же бесследно, как святые в небе, а те, кто вернулся, сильно изменились — и не всегда к лучшему. Да, Флегг мог прийти из Гарлана, но если и так, то это случилось не во времена деда Роланда, а намного раньше.

На самом деле он появлялся в Делейне не единожды — всякий раз под другим именем, но неизменно неся с собой тот же груз горя и смерти. Когда-то он был известен как Билл Хинч, главный палач короля, и, хотя с тех пор прошло уже двести пятьдесят лет, матери до сего времени пугали его именем детей. «Если не перестанешь ныть, придет Билл Хинч и заберет тебя» — так они говорили. Служа палачом при трех самых кровавых королях в истории Делейна, Билл Хинч своим топором оборвал жизни сотен, а может, и тысяч узников.

А *до того*, за четыреста лет до Роланда, он явился как певец по имени Броусон, стал близким советником короля и королевы и растаял как дым, развязав долгую и кровавую войну между Делейном и Андуа.

А *до того*...

Впрочем, никто толком не знал. Когда случилась эта история, даже сказочники не помнят. Флегг все-

гда являлся в новом обличе, но две вещи оставались неизменными. Он всегда ходил в капюшоне, будто у него не было лица, и он никогда не становился королем сам, а был лишь нашептывателем, вливавшим тайно и незаметно в ухо короля самый страшный яд — яд дурных советов.

Так кто же он был, этот черный человек?

Я не знаю.

Где он блуждал в промежутках между своими появлениями в Делейне?

Тоже не знаю.

Неужели его никто не подозревал?

Некоторые — историки и сказочники вроде меня — догадывались, что Флегг появлялся в Делейне и раньше, и это никогда не кончалось добром. Но они боялись сказать об этом. Человек, который прожил среди них семьдесят шесть лет и состарился всего лишь на десять, без сомнения, чародей; а тот, кто прожил в десять раз дольше... это не иначе как сам дьявол.

Чего же он хотел? На этот вопрос я, как мне кажется, могу ответить.

Он хотел того, чего всегда хотят злые люди: иметь власть и с ее помощью творить зло. Самому быть королем не так интересно: слишком часто головы королей выставлялись на шестах над крепостной стеной. Но советники... нашептыватели... такие люди, едва палач заносит свой топор, обычно тают, как тени на закате. Флегг скрывал свои дела, как и свое лицо, и когда наступали великие бедствия, вызванные им, исчезал как тень.

Потом, когда пожарища зарастали травой, а на месте развалин воздвигались новые здания, когда появлялось что-либо, годное для разрушения, Флегг приходил опять.

18

На сей раз Флегг нашел Делейн процветающим. Ландри, дед Роланда, старый пьяница, которым можно было легко вертеть, скоро сошел в могилу. А Лита, мать Роланда, была не таким удобным орудием в руках Флегга — некрасивая, зато с добрым сердцем и сильной волей.

Если бы Флегг появился раньше, то успел бы убрать ее с дороги, как теперь собирался убрать Питера. Но он не успел.

Зато Лита оставила его при себе в качестве советника, а это было уже кое-что. Она любила смотреть на его карточные фокусы и еще любила сплетни — причем не только о том, что случилось, но и о том, что *могло бы* случиться. Флегг не рассказывал королеве о дурных предсказаниях карт. Она хотела знать не об убийствах и катастрофах, а о том, кто завел любовника или поссорился с мужем.

В течение долгого царствования Литы Флеггу пришлось держать свои главные таланты под спудом. Бывали, конечно, и маленькие победы — когда ему удалось разжечь смертельную вражду между двумя могущественными сквайрами Южного феода или опорочить доктора, нашедшего лекарство от некоторых опасных болезней (Флегг не хотел допускать в Делейн никаких лекарств, кроме волшебных, — иными словами, кроме своих собственных). Но это мало что меняло.

При Роланде — бедном кривоногом Роланде — Флегг стал продвигаться к цели быстрее. А целью его было не что иное, как низвержение монархии — кровавая революция, которая погрузила бы Делейн в бездну мрака и бедствий на тысячу лет.

Год-другой в ту или иную сторону дела, конечно, не меняют.

19

В характере Питера чародей увидел серьезную угрозу своим планам. Флегг все больше и больше убеждался в том, что Питера надо устранить. На этот раз дело затягивалось. То, что началось при Роланде — медленное повышение налогов, конфискация излишков зерна, обыски в домах богатых фермеров, — могло вскоре дать плоды, и Флегг не хотел переживать правление Питера, как переживал правление его бабки.

Питер мог не только разорвать с таким трудом сплетенную паутину; он мог выслать и самого Флегга, запретив ему возвращаться под страхом смерти. Он не нуждался в советниках и сам мог давать себе советы; поэтому когда Питер, которому уже исполнилось пятнадцать, бросал на Флегга холодный взгляд, тому чудилось, что принц уже дал себе этот совет.

Мальчик любил историю и в последние два года, пока его отец все больше старел, задавал много вопросов своим учителям. И многие из этих вопросов были о Флегге или о том, что так или иначе вело к Флеггу.

Плохо, что он задавал такие вопросы в пятнадцать лет. И еще хуже, что он получал от таких осторожных людей, как историки, правдивые ответы. Это означало, что они уже считали его королем и радовались этому. Радовались, что он будет умным и знающим, как они, и в отличие от них будет смелым; из него

вырастет король с сердцем льва, который совершит множество подвигов. В его лице они приветствовали пришествие древнего Добра, которое вновь и вновь приходит к уставшим людям и дает им силы жить.

Его нужно убрать с дороги.

Флегг твердил себе это каждый вечер, засыпая в темноте своих покоев, и с этой мыслью он каждое утро просыпался — тоже в темноте.

Его нужно убрать с дороги. Мальчишку нужно убрать.

Но это легче было задумать, чем сделать. Роланд любил обоих сыновей, но Питера особенно. Можно было удушить мальчика еще в колыбели, обставив все так, будто он умер от Детской Смерти, но теперь принц был уже подростком. Любое происшествие привело бы к тщательному расследованию. Флегг не раз думал: какой насмешкой судьбы было бы, если бы Питер действительно погиб случайно, а его бы тем не менее в этом обвинили. Мало ли что... падение с крыши конюшни... с лошади... треснувшая перекладка лестницы... И каков результат? Обезумевший от горя и гнева Роланд начнет искать убийцу и непременно заподозрит Флегга. Его мать не доверяла чародею, и он в глубине души тоже. Флегг всегда это знал. Конечно, обычно это недоверие скрывалось под страхом и признательностью, но в случае смерти сына...

Флегг думал, что этак ему еще придется оберегать жизнь юного принца. Это было невыносимо. Невыносимо!

Его нужно убрать с дороги! Нужно убрать с дороги! Нужно!

Шли дни, месяцы, годы, и эти мысли все настойчивее стучались в голову Флегга. Роланд с каждым

днем старел, а Питер становился старше, умнее и опаснее. Что же делать?

Флегг стал нервным и раздражительным. Слуги, особенно дворецкий Питера Брендон и его сын Деннис, обходили чародея стороной и шептались об отвратительных запахах, идущих ночью из его лаборатории. Деннис, которому предстояло впоследствии занять место отца близ Питера, однажды спросил его, не следует ли предупредить принца.

— Чтобы он знал об опасности, — добавил Деннис.

— Ни слова, — отрезал Брендон. — Этот человек опасен.

— Тем более это причина, — возразил Деннис.

— Болван может принять треск гремучей змеи за стрекот кузнечика и протянуть ей руку, — сказал Брендон, — но наш принц не болван. А теперь налей мне еще стаканчик, и покончим с этим.

Деннис ничего не сказал Питеру, но с тех пор, если встречал где-нибудь в коридоре замка закутанную в плащ фигуру Флегга, ему хотелось побежать прочь с криком: *Гремучая змея! Гремучая змея! Осторожнее с ней, Питер!*

И вот однажды ночью (Питеру было уже шестнадцать), когда Флегг почти поверил, что ничем не сможет навредить принцу, решение пришло к нему. То была ужасная ночь. Осенняя буря завывала за окнами и гуляла по пустым улицам, прогоняя торопливо бегущих редких прохожих.

Роланд простудился на охоте. Он простужался все чаще, несмотря на лекарства Флегга, и одна из этих простуд могла перейти в воспаление легких и убить его. Волшебники лечат иначе, чем врачи, и Флегг знал, что его лекарства не действуют больше потому,

что он так хочет. Он сохранял Роланду жизнь только из-за страха перед Питером.

Хочу, чтобы ты умер, проклятый старик, думал Флегг, сидя перед чадающей свечой и слушая, как за стенами воет ветер и как двухголовый попугай сонно бормочет во сне. Я бы убил тебя своими руками за все, что сделали мне ты, и твоя дура жена, и твой старший сын. Убил бы с радостью, пусть это даже разрушило бы мои планы. Убил бы...

Внезапно он замер, уставившись в темноту, где без устали роились тени. Глаза блеснули серебром. Мысль вспыхнула в мозгу, как факел.

Свеча зашипела и погасла.

— *Смерть!* — вскрикнула в темноте одна голова попугая.

— *Стр-рах!* — подхватила вторая голова.

И в этой черноте не видимый никем Флегг начал хохотать.

20

Из всех орудий цареубийства ни одно не используется так часто, как яд. И никто не знает яды лучше, чем волшебники.

Флегг, один из величайших волшебников, знал все яды на свете: мышьяк, стрихнин, кураре, который по очереди парализует все мышцы, вплоть до сердца; никотин, белладонну, мухомор. Он знал яды сотен змей и пауков и вытяжку из цветов бледной лилии, которая пахнет, как мед, но заставляет жертвы умирать в корчах; и Чертов Коготь, что растет в самой глубине Великой Топи. Флегг знал сотни или даже тысячи ядов, один хуже другого. Все они были рас-

ставлены по полкам в его подземной лаборатории, куда не смел войти ни один слуга. Они хранились в пробирках, в колбах, в маленьких конвертах. Они ждали своего часа. Флегг часто навещал их, когда хотел отдохнуть и развеяться. В этом дьявольском месте пряталось все, чего люди, слабые существа из плоти и крови, так боятся: головная боль, желудочные колики, рвота, закупорка сосудов, паралич сердца, выкатившиеся глаза, почерневшие языки, багровые чумные бубоны.

Но самый страшный яд Флегг держал отдельно. В его кабинете стоял стол, каждый ящик которого был заперт... но один из них запирался тремя замками. В нем лежала тиковая шкатулка, расписанная магическими символами. Замок ее на первый взгляд был сделан из тусклой оранжевой стали. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что это растение — особый сорт моркови. Раз в неделю Флегг поливал морковь водой из специальной бутылочки. Если кто-нибудь пытался сорвать замок или даже неправильно вставлял ключ, морковь издавала пронзительный скрип. Внутри шкатулки находилась еще одна коробочка, ключ от которой Флегг всегда носил на шее.

В этой второй коробочке лежал пакетик с зеленым песком. «Ничего особенного, — скажете вы. — Не о чем рассказать маме». Но дело в том, что этот песок был одним из самых смертоносных ядов в мире, которого боялся даже сам Флегг. Его привезли из Грена, огромной безжизненной пустоши, лежащей за Гарланом. Грена можно достичь только, когда ветер дует в глубь его, иначе первый же порыв отравленного воздуха убьет неосторожного путника.

Убьет не сразу. День-два или даже три тот, кто вдохнет пары яда (или проглотит зерна песка, что

еще хуже), будет чувствовать себя отлично, лучше, чем когда-либо в жизни. Потом внезапно его легкие начнут раскаляться, кожа задымится и все тело съжится, как мумия. Затем он упадет мертвым, а волосы его вспыхнут. Так будет с каждым, кто вдохнет или проглотит этот яд.

Он называется Драконьим Песком, и от него нет противоядия.

В ту дикую ночь Флегг решил подсыпать Драконий Песок Роланду в вино. Питер обычно приносил отцу перед сном бокал вина. Все во дворце знали об этом и хвалили принца за сыновнюю заботу. Отец любил общество сына почти так же, как вино, но Питер редко задерживался у него больше получаса — по дошедшим до Флегга слухам, он увлекся какой-то девицей.

Если Флеггу удастся после ухода Питера проникнуть к Роланду и принести ему свой бокал с вином — с особенным вином, — то второго старику уже не понадобится.

Вино с моего виноградника, ваше величество, подумал Флегг с улыбкой. Похоже, этот виноградник расположен рядом с адом, а когда вы вкусите его плоды, вам и ад покажется раем.

Флегг откинул голову и рассмеялся.

21

План был выработан — план, который должен убрать с дороги и Роланда, и Питера, — и Флегг не стал терять времени. Сперва он постарался, чтобы самочувствие короля улучшилось — просто *захотел*,

чтобы его лекарства подействовали. Король должен чувствовать себя здоровым — только тогда все поверят, что его убили, когда это случится. Флегг находил свою затею забавной.

В холодную ночь, через неделю после того как король перестал кашлять, Флегг отпер ящик и достал тиковую шкатулку. «Так-так», — пробормотал он моркови, которая безмозгло скрипнула в ответ, открыл шкатулку и достал из нее коробочку. Потом отпер ее снятым с шеи ключом и достал пакет. Пакет был заколдован от страшного воздействия Драконьего Песка. Флегг осторожно взял его маленькими серебряными щипчиками — пот крупными каплями стекал у него со лба — и положил на стол рядом с одним из королевских кубков.

Потом он вышел отдышаться в коридор, ведущий к темницам. Ему нужно было как следует наполнить легкие воздухом, чтобы в лаборатории дышать как можно меньше. Один неосторожный вдох — и конец. В последний раз вдохнув свежего воздуха у зарешеченного окошка в коридоре, он вернулся в комнату. На столе у него лежал кусок обсидиана — самого твердого из известных в то время камней. Флегг также осторожно открыл пакет и извлек оттуда немного зеленого песка, не больше дюжины песчинок. Он поместил их на обсидиан, и камень сразу же начал дымиться.

Прошло тридцать секунд.

Он поднял обсидиан, стараясь, чтобы ни одна песчинка не попала на кожу (она не остановилась бы, пока не достигла сердца и не опалила его огнем), и стряхнул яд в кубок.

Быстро, пока песок не начал разъедать стекло, чародей налил в кубок любимое вино короля, то са-

мое, что Питер приносил ему каждый вечер. Песок моментально растворился. Лишь на мгновение красное вино стало зловеще-зеленым, потом приобрело нормальный цвет.

Пятьдесят секунд.

Флегг вернулся к столу и взял камень и нож, которым открывал пакет. Только несколько крупинок Драконьего Песка попало на лезвие, но лучшая андуанская сталь уже покрылась дымящимися щербинами.

Семьдесят секунд. Флегг уже начинал задыхаться.

В тридцати футах по коридору в направлении темниц (путь, которым никто в Делейне не хотел пройти) в полу был водосток. Флегг бросил в него нож и камень, улыбнулся, услышав двойной всплеск, и поспешил к окну.

Отдышавшись, он вернулся в кабинет. Теперь на столе лежали только щипчики, пакет и стоял бокал с вином. На щипчиках яда не осталось, а тот, что в пакете, уже не мог повредить его здоровью, если быть осторожным.

Флегг почувствовал удовлетворение от сделанной работы. Он склонился над кубком и глубоко вдохнул. Это было безопасно: когда песок растворяется в жидкости, его пары становятся безвредны.

Чего нельзя сказать о самой жидкости.

Флегг поднес бокал к свету, любуясь кровавым отблеском.

— Последний бокал вина, мой король, — сказал чародей, рассмеявшись, и разбудил попугая. — Оно согреет вас на славу.

Он сел, перевернул песочные часы и принялся читать заклинания в огромной книге. Флегг читал эту книгу тысячу лет и не прочел даже четверти. На-

писал ее на равнинах Ленга безумец по имени Аль-хазред, и читающий ее слишком долго рисковал тоже стать безумным.

Час... только час. Когда верхняя половина часов опустеет, Питер уже придет и уйдет. Пройдет час, и он поднесет Роланду последний бокал вина. Флегг какое-то время смотрел на сонно сыплющийся белый песок, потом опустил взгляд к книге.

22

Роланд был тронут, когда Флегг перед сном принес ему вино. Он осушил бокал двумя большими глотками и выразил надежду, что это вино его согреет.

Улыбаясь под капюшоном, Флегг сказал:

— Я уверен в этом, ваше величество.

23

Судьба или просто случай позволили Томасу увидеть в тот вечер Флегга в комнате отца — это уж решайте сами. Я расскажу только, что он видел, а случилось это из-за того, что Флегг многие годы пытался завоевать дружбу несчастного мальчика, у которого не было других друзей.

Я сейчас объясню, в чем дело, но сначала должен сказать кое-что по поводу волшебства.

В историях о волшебстве фигурируют обычно три вещи, которые якобы способен делать любой второразрядный чародей. Это превращение свинца в зо-

лото, изменение облика и умение становиться невидимым. Настоящее волшебство нелегкая штука, а если вы другого мнения, попробуйте как-нибудь заставить исчезнуть вашу любимую тетушку, когда она придет к вам погостить на недельку. Совершать чудеса трудно, даже злые, хотя их делать легче, чем добрые.

Превратить свинец в золото можно, если знать нужные слова, но изменение облика и невидимость невозможны... если понимать эти слова в их подлинном смысле.

Флеггу доводилось слышать истории о принцах, которые спасались от орд злодеев, становясь невидимыми, и о прекрасных принцессах (в сказках принцессы всегда прекрасны, хотя опыт Флегга говорил, что в большинстве случаев принцессы, продукт долгой цепи родственных браков, страшны как смертный грех и глупы как колода), которые превращали огромных людоедов в мух и легко их прихлопывали. Принцессы в сказках хорошо били мух, но Флегг сомневался, что реальные принцессы смогут прихлопнуть даже декабрьскую сонную муху. Да, в сказках все было просто.

На самом деле Флегг ничего подобного не видел. Он знал великого андуанского волшебника, который верил, что можно изменить облик, но шесть месяцев медитации и почти неделя чтения заклинаний привели лишь к тому, что он отрастил себе нос в девять футов и сошел с ума. Флегг усмехнулся, вспомнив желтые кривые ногти, росшие на этом носу. Великий волшебник или нет, но на деле он оказался дураком.

Невидимость казалась Флеггу столь же маловероятной. Зато можно было сделать себя... *тусклым*.

Да, *тусклый* — это слово лучше всего обозначает подобное состояние, хотя иногда говорят *призрачный*, *скрытый*, *неявный*. Невидимым он стать не мог, но, прочитав ряд заклинаний, мог сделаться *тусклым*. Когда он в таком виде шел по коридору и навстречу ему попадался слуга, взгляд слуги внезапно устремлялся под ноги или на потолок. Если он входил в зал, разговор смолкал, и люди начинали встревоженно озиаться. Свечи и факелы чадили и гасли. Но тот, кто хорошо знал человека, мог увидеть его и в *тусклом* состоянии, так что это не была невидимость.

В тот вечер, когда Флегг принес Роланду отравленное вино, он сделал себя *тусклым*. Он не думал, что его кто-нибудь увидит. Было около девяти, а замок при старом и больном короле ложился спать рано. *Когда королем будет Томас*, размышлял Флегг, осторожно неся бокал по коридорам, *тут каждый вечер будут пиры. Он унаследовал любовь отца к пьянству, хотя больше любит вино, чем пиво и мед. Его легко будет приучить и к более крепким напиткам... Разве я не его друг? Когда Питер окажется в Игле, а Томас на троне, пиры будут каждый день... пока это не надоест баронам и простонародью. Да, это будет последнее действие, самое интересное, но боюсь, что Томасу оно покажется чересчур горячим, как это вино его отцу.*

Он не думал, что его увидят, и его не увидели. Несколько слуг, которые проходили мимо, просто отпрянули, будто наткнувшись на препятствие.

Но кое-кто его все-таки *видел*. Томас видел чародея глазами Нинера, дракона, убитого когда-то отцом. Томас смог это сделать потому, что Флегг сам его научил.

24

То, как отец обошелся со сделанной им лодкой, очень обидело Томаса. Но он все еще любил отца и хотел доставлять ему столько же радости, сколько Питер. Хотя, честно говоря, Томас был бы счастлив, если бы отец уделял ему половину той любви, какая доставалась Питеру.

Но вот беда, все хорошие идеи первыми приходили в голову Питеру. Когда он сообщал их Томасу, тот или называл их ерундой (пока они не воплощались в жизнь), или боялся взять за них ответственность. Так случилось и в тот раз, когда Питер предложил подарить отцу шахматы, вырезанные своими руками.

— Я подарю отцу кое-что получше этих игрушек, — заявил тогда Томас и подумал, что если уж он не смог сделать простую деревянную лодку, то где уж ему справиться с шахматными фигурами. Поэтому Питер за четыре месяца вырезал их один — пехотинцев, стрелков, рыцарей, генерала, монаха, — и конечно, Роланд был в восторге, хоть они и получились немного неуклюжими. Он сразу убрал шахматы из слоновой кости, сделанные ему сорок лет назад великим Эллендером, и играл только в те, что сделал Питер. Когда Томас узнал об этом, он побежал к себе и лег в постель, хотя была середина дня. Он чувствовал себя так, будто кто-то заставил его съесть кусок собственного сердца. Сердце было горьким, и он еще больше возненавидел Питера, хотя в душе все еще любил старшего брата.

Теперь об этом вечернем бокале вина.

Питер пришел к Томасу и предложил:

— Я подумал, что было бы здорово каждый вечер приносить отцу бокал вина. Я спросил у эконома,

и он сказал, что не может дать нам бутылку, потому что отчитывается за них перед главным виночерпием, но мы можем купить на свои деньги бутылку пятилетнего баронского — отец его особенно любит. Это совсем недорого и...

— И это самая большая чушь, какую я слышал! — взорвался Томас. — Все вино принадлежит отцу, и он может пить его, сколько хочет. Почему мы должны отдавать наши деньги за то, что и так его? Чтобы обогащать этого толстяка эконома?

— Ему будет приятно, если мы купим вино за свои деньги, хоть он им и владеет, — терпеливо пояснил Питер.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — просто сказал Питер.

Томас промолчал. Откуда Питеру знать, что экономом месяц назад поймал его в погребе, когда он пытался стащить бутылку вина? Старый хряк грозил рассказать отцу, если Томас не даст ему золотую монету, и Томасу пришлось дать, хотя он чуть не плакал от злости и обиды. *Если бы это был Питер, ты бы отвернулся и сделал вид, что ничего не заметил, ублюдок*, думал он. *Потому что Питер скоро станет королем, а я навсегда останусь принцем*. Он подумал и о том, что Питер никогда не стал бы воровать вино из погреба, но эта мысль только добавила ему злости.

— Я только думал... — начал Питер.

— Думал, думал, — передразнил Томас. — Иди подумай о чем-нибудь другом. Если отец узнает, что ты платишь эконому за его собственное вино, он со смеху лопнет.

Но Роланд не лопнул со смеху — напротив, он назвал Питера хорошим сыном, почти со слезами

в голосе. Томас видел это, потому что следил за тем, как Питер в первый раз принес отцу вино. Следил через глаза дракона.

25

Если бы Флегга прямо спросили, зачем он показал Томасу это место и секретный ход к нему, он, пожалуй, и сам не смог бы ответить. Он не знал точно, *зачем* это сделал. Замок был очень стар, со множеством потайных дверей и ходов, и Флегг знал многие из них (все не знал никто, даже он), но Томасу показал только этот. Инстинкт подсказал ему: «так будет хуже», — и Флегг подчинился. Ведь «хуже» было его целью и смыслом жизни.

Он взял за правило заглядывать в комнату Томаса и кричать: «Томми, что-то ты загрустил! Я хочу тебе кое-что показать. Пойдем посмотрим!» Он всегда говорил: *ты загрустил, Томми* или *что-то ты нос повесил, Томми*, потому что чуял, когда Томасу бывало особенно тоскливо, и приходил именно в эти моменты. Флегг знал, что Томас боится его, но знал и о том, что Томасу очень нужен друг и он не будет особенно капризен в выборе. Флегг знал это, хотя Томас всегда прятал свой страх и позволял себе думать лишь, что Флегг отличный парень и любит пошутить... хотя шутки у него немного странные.

Вам кажется странным, что Флегг знал про Томаса что-то, чего не знал сам Томас? Но это не так уж странно. Душа человека, особенно ребенка, напоминает колодец — глубокий колодец с чистой во-

дой. И когда какая-то мысль очень неприятна человеку, он прячет ее в ящик и бросает в колодец, на самое дно. Он слышит всплеск — и неприятной мысли как не бывало. Но она остается. Флегг, очень старый и очень умный, знал, что даже самый глубокий колодец имеет дно и если что-то исчезло с глаз, это не значит, что оно действительно исчезло. И он знал, что ящики, в которых заключены дурные мысли и чувства, гниют, и эта гниль может отравить всю воду и сделать человека безумным.

Если чародей иногда показывал Томасу страшные вещи, то лишь потому, что знал: чем больше Томас его боится, тем крепче его власть над мальчиком... Ему было хорошо известно: Томас слаб и очень одинок, и он хотел убедиться, что мальчик побросает на темное дно своей души достаточно ящиков с заключенными в них страхами. А если и сойдет с ума, когда станет королем, что с того? Так Флеггу будет только легче управлять им.

Каким образом Флегг узнавал, что Томасу плохо? Иногда он видел это в своем магическом кристалле, а чаще просто чувствовал своим инстинктом зла, о котором мы уже говорили и который никогда его не подводил.

Однажды он повел Томаса в восточную башню, на самый верх — они карабкались по ступенькам, пока Томас не стал задыхаться, хотя Флегг не проявлял никаких признаков усталости. Наверху была дверь, такая маленькая, что даже Томас еле протиснулся в нее. За дверью — комната, покрытая толстым слоем пыли, с одним-единственным окном. Флегг молча подвел его к окну, и перед Томасом открылся дивный вид — весь город, предместья и на горизонте голубые горы, за которыми лежал Восточный фео-

Он подумал, что это зрелище стоит любой боли в ногах, и повернулся, чтобы поблагодарить Флегга, но что-то в бледном лице чародея, как всегда, спрятанном под капюшоном, заставило его замолчать.

— А теперь посмотри на *это*. — Флегг поднял руку. Из кончика его указательного пальца вырвался луч голубоватого света, и сухой шелест в комнате, который Томас сначала принял за веяние ветра, превратился в хлопанье множества крыльев. Мгновение спустя Томас закричал и кинулся назад к двери, закрывая голову руками. Из этой комнаты открывался лучший вид на город, если не считать камеры на вершине Иглы, но теперь он понял, почему ее никто не посещал. Потолок комнаты сплошным слоем покрывали летучие мыши, и теперь, потревоженные светом, они с пронзительным писком бороздили воздух. Уже позже, когда они ушли, Флегг успокоил Томаса, который терпеть не мог летучих мышей, уверяя принца, что хотел только развеселить его. Томас поверил... но еще много недель спустя с криком просыпался от кошмаров, в которых огромные летучие мыши парили над его головой, касаясь волос, а потом набрасывались и впивались когтями в лицо.

В другой раз Флегг отвел его в королевскую сокровищницу и показал штабеля золотых слитков, пирамиды золотых монет и сундуки с надписями «изумруды», «алмазы», «рубины» и так далее.

— И там действительно драгоценности? — спросил Томас.

— Посмотри сам. — Флегг открыл один из сундуков и достал оттуда пригоршню неограниченных изумрудов, которые осветили воздух зеленым блеском.

— О мой Бог! — выдохнул Томас.

— Это еще что! Ты взгляни сюда: пиратские сокровища!

Он показал Томасу груды сокровищ, отнятых у пиратов двадцать лет назад. Сокровищница королевства была богатой, ее служители не торопились, и эту часть поступлений еще не рассортировали. Томас горящими глазами смотрел на тяжелые мечи, кинжалы с лезвиями, инкрустированные алмазной крошкой, булавы с шипами из обсидиана.

— И все это принадлежит короне?

— Все это принадлежит твоему *отцу*, — поправил Флегг, хотя на самом-то деле был прав Томас. — А когда-нибудь будет принадлежать Питеру.

— И мне, — сказал Томас с простодушием десятилетнего мальчика.

— Нет, — Флегг постарался окрасить свой голос сожалением, — только Питеру. Он ведь старший и будет королем.

— Он поделится, — сказал Томас, но в эту реплику вкралась доля сомнения. — Пит *всегда* делится.

— Конечно, ты прав. Питер хороший мальчик и, *возможно*, поделится. Но никто *не заставит* его поделиться. Никто ведь не может *заставить* короля сделать то, чего он не желает. — Флегг взглянул на Томаса, чтобы убедиться, что тот понял, потом оглядел полутемную сокровищницу. Где-то рядом служитель монотонным голосом считал дукаты. — Столько сокровищ, и все одному. Есть над чем подумать, правда, Томми?

Томас ничего не сказал, но Флегг все равно был доволен. Он видел, что Томас задумался, а значит, еще один ящик с отравленным содержимым плюхнулся в колодец его души — *плюх!* Так оно и случилось. Позже, когда Питер предложил Томасу купить

на свои деньги бутылъ вина, тот подумал о громадной сокровищнице, которая вся достанется его брату. *Легко тебе говорить о деньгах! Ведь скоро все сокровища мира будут твоими!*

А потом, примерно за год до того, как Флегг поднес королю отравленное вино, он показал Томасу этот потайной ход. И тут его обычно безошибочный инстинкт зла дал осечку. Впрочем, об этом вам лучше судить самим.

26

— Что-то ты нос повесил, Томми! — воскликнул Флегг. На сей раз капюшон его был откинут, и он выглядел почти нормально.

Почти.

Томми и впрямь было не по себе. Он пережил долгий обед, в течение которого отец в самых лестных выражениях хвалил Питера за успехи в геометрии и навигации. Сам Роланд в этом ничего не понимал. Он знал, что у треугольника три стороны, а у квадрата четыре; что, заблудившись в лесу, можно найти выход по Древней Звезде. На этом его знания кончались, да и знания Томаса тоже, поэтому Томасу и было так плохо за обедом. Кроме того, мясо было как раз таким, какое любил отец, — непрожаренным, с кровью, — а от мяса с кровью Томаса всегда тошнило.

— Обед не улегся в желудке, вот и все, — сказал он.

— Ладно, я знаю кое-что, что тебя развеселит, — заявил Флегг. — Покажу тебе один секрет замка.

Томас играл с большим длинноногим жуком. Он посадил его на стол и окружил учебниками, передвигая их, когда озабоченно жужжащий жук пытался выползти.

— Я устал, — сказал Томас, и это была правда. Он всегда уставал, когда слышал, как хвалят Питера.

— Тебе обязательно понравится. — Тон Флегга был заискивающим... но и немного угрожающим.

Томас в сомнении взглянул на него:

— А там нет летучих мышей?

Флегг весело рассмеялся, но от этого смеха по спине у Томаса пробежали мурашки. Чародей хлопнул Томаса по спине:

— Никаких мышей! Тепло и светло! И ты сможешь подглядывать за своим отцом, Томми.

Томас знал, что подглядывать — это почти то же самое, что шпионить, а шпионить нехорошо, но соблазн был слишком велик, и когда жук в очередной раз попытался сбежать, он не стал его ловить.

— Ладно, — согласился он, — но чтобы никаких летучих мышей.

Флегг обнял его за плечи:

— Никаких, Томми. И еще — ты не только увидишь отца, но сможешь наблюдать за ним глазами его самого большого трофея.

Глаза Томаса вспыхнули интересом. Рыбка попала на крючок.

Флегг повел его по лабиринту коридоров, в которых вы, да и я, тут же заблудились бы, но Томас находил дорогу так же легко, как вы в своей спальне, — во всяком случае, пока его вел Флегг.

Они почти дошли до покоев короля, когда Флегг вдруг открыл какую-то дверцу, которую Томас никогда раньше не видел. Конечно, она всегда была

здесь, но в таких больших и древних замках двери, а порой и целые крылья здания часто становятся *тусклыми*.

Проход был очень узким. Служанка со стопкой простыней так испугалась, встретив в этом каменном горле королевского чародея, что прижалась к стене и с радостью просочилась бы сквозь камень, если бы могла. Томас чуть не рассмеялся — иногда с Флеггом он чувствовал себя более уверенно. Больше им никто не встретился.

Откуда-то снизу донесся собачий лай, что позволило Томасу догадаться, где они находятся. Во дворце жили только охотничьи собаки отца, такие же старые, как и он. Роланд хорошо знал, как ноют от холода старые кости, и распорядился устроить конуры для собак прямо в замке, ярдах в тридцати от своих покоев. Теперь псы лаяли, напоминая, что их пора кормить.

Флегг остановился так внезапно, что Томас едва не налетел на него. Чародей оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что они одни.

— Четвертый камень от пола, — сказал он. — Надави на него. Скорее!

Конечно, это была тайна, а тайны Томас любил. Он быстро отсчитал четыре камня и нажал. Он ожидал какого-нибудь фокуса, но не того, что случилось.

Камень легко углубился дюйма на три, раздался щелчок, и кусок стены отъехал, открыв вертикальный темный проем. Это была вовсе не стена, а огромная потайная дверь. Томас в изумлении открыл рот.

— Быстрее, идиот! — рявкнул Флегг, рванув его за рукав. Он уже не пытался произвести впечатление на Томаса, как обычно, — он был действительно встревожен. — Давай же!

Томас заглянул в темное отверстие, снова вспомнив о летучих мышах. Но один лишь взгляд на Флегга показал ему, что сейчас не время обсуждать этот вопрос.

Он открыл дверь пошире и шагнул в темноту. Флегг последовал за ним, не забыв закрыть за собой вход. Темнота стала полной, но, прежде чем Томас успел что-либо сказать, из указательного пальца Флегга снова брызнула струя голубоватого света.

Томас невольно съежился и вскинул руки.

— Никаких мышей, — усмехнулся Флегг. — Разве я не обещал?

Верно, потолок был очень низким и безо всяких летучих мышей. При свете, струящемся из пальца Флегга, Томас видел весь потайной ход футов двадцати пять длиной, обшитый досками.

Невдалеке по-прежнему глухо лаяли собаки.

— Когда я говорю «быстрее», слушайся. — Флегг нагнулся к Томасу, в полумраке сам похожий на летучую мышь. От чародея исходил неприятный запах каких-то лекарств и сушеных трав. — Ты теперь знаешь про этот ход и можешь им пользоваться, но, если тебя поймут, скажешь, что нашел его сам, случайно.

Тень пододвинулась ближе, заставляя Томаса сделать еще шаг.

— Если скажешь, что это я тебе его показал, Томми, ты пожалеешь.

— Никому не скажу, — прошептал Томас дрожащим голосом.

— Вот и хорошо. Но лучше, чтобы никто тебя не заметил. Шпионить за королем — нешуточное дело. А теперь иди за мной и не шуми.

Дальняя стена хода тоже была обшита досками, но, подойдя ближе, Томас заметил в ней две маленькие панели. Флегг погасил свет.

— Никогда не открывай их при свете, — прошептал он в полной темноте. — Он может заметить. Он стар, но еще хорошо видит.

— А что...

— *Тссс!* Слышит он тоже неплохо.

Томас замолчал, слыша, как сердце колотится в груди. Он чувствовал непонятное возбуждение. После он объяснил это предчувствием, словно каким-то образом знал, что должно произойти.

В темноте что-то скрипнуло, и внезапно показался тусклый луч света. Еще скрип — и второй луч прорезал пространство. Флегг наклонился к отверстиям, на миг загородив свет, потом отступил и поманил Томаса.

— Взгляни, — прошептал он.

Еще более взволнованный, Томас осторожно приблизился к отверстиям и посмотрел в них. Он видел все четко, хоть и через странную зеленовато-желтую дымку. Перед ним были покои отца, и сам Роланд сидел у огня в своем любимом кресле с высокой спинкой.

Покои, которые король часто называл берлогой, были величиной с обычный дом. По стенам горели факелы, а между ними висели головы зверей: медведей, оленей, лосей, антилоп. Была здесь даже голова легендарного Фойна, которого у нас называют птицей Феникс. Томас нигде не видел головы Нинера, дракона, убитого отцом задолго до его рождения, но это отложилось в его сознании далеко не сразу.

Отец зябко кутался в плед. Перед ним стояла кружка чая.

Вот и все, что происходило в этой огромной комнате, способной вместить (а иногда и вмещавшей) две сотни человек: старый король в одиночестве пил свой чай. Но Томас смотрел на это, не в силах оторваться. Сердце готово было выскочить из груди. Кровь тяжело стучала в голове. Руки так крепко сжались в кулаки, что потом он обнаружил на ладонях красные отметины от ногтей.

Вы спросите: неужели его так взбудоражил просто вид старика, пьющего чай? Ну, прежде всего, это был не обычный старик, а его отец и к тому же король. И потом, наблюдать за человеком, который тебя не видит, очень интересно, даже если он не делает ничего особенного.

Но это и очень стыдно — подглядывать, что делают люди, когда те думают, что их никто не видит, — и Томас чувствовал, что поступает дурно, но не мог оторваться от представшего перед ним зрелища, пока Флегг не прошептал:

— Знаешь ли, где ты находишься, Томми?

Я... не знаю, хотел сказать он, хотя, разумеется, знал. Пусть он плохо разбирался в геометрии, но ориентироваться в пространстве мог. Внезапно мальчик понял, что имел в виду Флегг, когда говорил, что он, Томас, увидит отца глазами его самого большого трофея. Он глядел на Роланда из середины западной стены... А именно в этом месте висела голова Нинера, дракона, убитого отцом.

Томас зажал рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Флегг, тоже улыбаясь, снова закрыл панели.

— Нет! — протестовал Томас. — Я хочу еще!

— Не сегодня. На этот раз хватит. Ты сможешь прийти когда захочешь... хотя, если будешь бегать

сюда слишком часто, тебя наверняка поймают. А теперь пошли.

Флегг зажег волшебный свет и повел Томаса обратно потайным ходом к отверстию в стене. Перед тем как выйти, он обратил внимание Томаса на глазок в деревянной обшивке. Томас увидел на противоположной стене нишу с зеркальными стенками, в которых отражались оба конца коридора.

— Всегда смотри в глазок перед тем, как выйти, — предупредил Флегг. — Пусто?

— Да, — прошептал Томас в ответ.

Флегг надавил какую-то пружину, и дверь открылась.

— Теперь скорее! — Они вышли, опять захлопнув дверь за собой.

Через десять минут они уже были в комнате Томаса.

— Ну, на сегодня хватит, — сказал Флегг. — Помни, что я сказал, Томми: не ходи туда слишком часто, чтобы тебя не поймали, а если поймают, — глаза его мрачно блеснули, — скажи, что нашел это место случайно.

— Хорошо, — быстро произнес Томас. Голос его скрипнул, как несмазанная петля. Когда Флегг вот так смотрел на него, его сердце всегда дрожало подобно птице, бьющейся в клетке.

27

Томас последовал совету Флегга, но иногда все же пользовался потайным ходом и подглядывал за отцом через стеклянные глаза Нинера — отец всегда

в том мире был странного зеленовато-желтого цвета. После этого у Томаса всегда болела голова, должно быть, оттого, что он наблюдал за происходящим глазами дракона, в которых все отражалось высохшим и готовым вспыхнуть. Это принесло и другие новые ощущения. Если раньше мальчик любил отца, горевал, что тот недостаточно его любит, иногда боялся, то теперь он впервые начал жалеть его.

Когда Томас заставлял отца в чьем-нибудь обществе, то сразу уходил, а смотрел долго, только если отец был один. Раньше Роланд редко оставался в одиночестве, даже в своей «берлоге» — всегда находились какое-нибудь срочное дело и проситель, которого нужно было выслушать.

Но эти времена ушли вместе с властью и здоровьем. Теперь Роланд с тоской вспоминал, как жаловался Саше или Флеггу: «Неужели эти люди не могут оставить меня в покое?» Теперь, когда это случилось, он жалел о них.

Томас жалел отца потому, что люди редко хорошо выглядят, когда остаются одни. В обществе они всегда носят маски. А что под ними? Какой-нибудь жуткий монстр, от которого все разбежались бы с воплями? Бывает и так, но обычно там не скрывается ничего плохого. Как правило, то, что мы прячем под маской, может вызвать у людей смех, или отвращение, или то и другое вместе.

Томас увидел, что отец, которого он любил и боялся и который казался ему величайшим человеком в мире, наедине с самим собой становится другим. Он мог ковырять в носу, вытаскивать оттуда засохшие зеленые сопли и рассматривать их на свет с мрачной сосредоточенностью, как ювелир — редкий камень.

Иногда он стирал их с рук о свое кресло, а иногда, прошу прощения, даже съедал с тем же сосредоточенным выражением на лице.

Питер приносил ему вечером бокал вина, но, когда он уходил, отец выпивал огромное количество пива (много позже Томас понял, что он не хотел, чтобы Питер это видел) и после этого мочился в камин.

Иногда он бродил по комнате, спотыкаясь и беседуя то ли с собой, то ли с головами зверей.

— Я помню, как мы тебя взяли, Бонси, — обращался Роланд к медвежьей голове (по какой-то странной причуде он награждал каждый из своих трофеев именами). — Со мной тогда были Билл Сквоттингс и тот парень с огромной бородавкой на роже. Помню, ты побежал через лес, и Билл промазал, и парень с бородавкой промазал, и я тоже...

И он демонстрировал, как именно промазал, поднимая ногу и пуская ветры, и размахивал руками, и смеялся стариковским, кашляющим смехом.

Тогда Томас закрывал панели и выскальзывал обратно в коридор с виноватой усмешкой мальчика, который ест незрелые яблоки, хотя и знает, что его от них будет тошнить.

Это отец, которого он так любил и уважал?

Старик, который пускал ветры и ел собственные сопли.

Это король, которого верные подданные называли Роланд Добрый?

Он мочился в камин, поднимая клубы вонючего пара.

Это человек, который, не оценив сделанную им лодку, разбил его сердце?

Он говорил с чучелами на стенах, называя их глупыми кличками вроде Бонси, Рогач или Волосатая Рожа.

Мне больше нет до тебя дела, думал Томас, оглядывая в зеркало коридор и пробираясь потом в свою комнату. Ты просто глупый старик, и мне плевать на тебя. Плевать, слышишь?

Но Томасу *было* до него дело. В душе он все еще любил отца и хотел пойти к нему, чтобы тот говорил с ним, а не со звериными головами.

Но в реальности он предпочитал подглядывать.

28

Вечером, когда Флегг принес королю Роланду бокал отравленного вина, Томас впервые после долгого перерыва осмелился подглядеть за отцом. Тому была весомая причина.

За три месяца до того, как-то ночью, Томас не мог уснуть. Он ворочался, пока часовой на башне не прокричал одиннадцать. Тогда он встал, оделся и, крадучись, вышел из комнаты. Через десять минут он уже заглядывал в «берлогу» отца. Роланд не спал и был сильно пьян.

Томас довольно часто видел отца пьяным, но не до такой степени. Он был удивлен и даже испуган.

Многие люди постарше Томаса думают, что старость — тихое время. Тихая мудрость, тихая ворчливость или даже старческий маразм. Они верят, что к семидесяти жар души превращается в угли. Но в ту ночь Томас убедился, что эти угли могут иногда вспыхивать ярким пламенем.

Отец в развевающемся халате быстро ходил из угла в угол. Его ночной колпак слетел и остатки волос торчали непричесанными космами. Он не спотыкался, как обычно, хоть по-матросски и покачивался при ходьбе. Когда он наткнулся на стул с высокой спинкой, стоявший прямо под оскаленной рысьей головой, то просто отшвырнул его прочь с рычанием, заставившим Томаса вздрогнуть. Стул ударился о стену, оставив трещину на панели из железного дерева, — в этом состоянии к королю вернулась былая сила.

Он уставился на рысью голову красными, воспаленными глазами.

— *Укуси меня!* — прорычал он, опять заставив Томаса подскочить в своем укрытии. — *Укуси или ты боишься? Слезай оттуда, Крэйкер! Прыгай! Вот моя грудь.* — Он распахнул халат, обнажив волосатую грудь, и оскалился своими немногочисленными зубами в ответ на великолепный оскал рыси. — *Давай прыгай! Я удавлю тебя этими вот руками! Я ВЫРВУ ТВОЙ ВОНЮЧИЕ ПОТРОХА!*

Он стоял так какое-то время, с голой грудью и поднятой головой, сам похожий на зверя — на старого оленя, затравленного охотниками. Потом он пошел дальше, остановился под головой медведя и осыпал ее ужасными проклятиями. Оцепеневшему Томасу показалось, что сейчас разгневанный дух зверя оживит мертвую голову и та зубами перервет отцу горло.

Но Роланд уже шел дальше. Он залпом осушил серебряную чашу, не обращая внимания на стекающую с подбородка пену, и швырнул ее о каминную полку с такой силой, что металл погнулся.

Теперь отец направлялся к нему, отшвырнув по пути еще один стул. Миг — и его горящие глаза встре-

тили взгляд Томаса. Мальчик почувствовал, как его наполняет серый липкий ужас.

Отец смотрел на него, оскалив желтоватые зубы, пуская изо рта пиво, смешанное со слюной.

— Ты, — прошептал Роланд низким, страшным голосом, — что ты пялишься? Что ты хочешь увидеть?

Томас не мог двинуться. *Найдут*, простонал его разум. *Клянусь всеми богами, меня найдут и упрячут в темницу!*

Томас был уверен, что отец говорит с ним, но он ошибался — Роланд говорил с Нинером, как и с прочими головами. Если Томас мог видеть отца через стеклянные глаза, то и отец мог разглядеть его, если бы не был так пьян. К тому же Томас был настолько парализован страхом, что глаза его почти не двигались. А если бы задвигались и отец заметил это, то что он мог подумать? Что дракон оживает? В таком состоянии он вполне мог в это поверить. Если бы Томас в это время моргнул, Флеггу, возможно, не пришлось бы прибегать к яду. Старое сердце короля могло не выдержать подобного испытания.

Внезапно Роланд качнулся вперед.

— **ЧТО ТЫ НА МЕНЯ УСТАВИЛСЯ?** — прорычал он, конечно же, разговаривая с Нинером, последним драконом Делейна, хотя Томас этого не знал. — **ЧТО ТЫ ТАК НА МЕНЯ УСТАВИЛСЯ? Я ДЕЛАЛ ВСЕ ЧТО МОГ, ВСЕГДА ДЕЛАЛ ВСЕ ЧТО МОГ! РАЗВЕ Я ПРОСИЛ ОБ ЭТОМ? НУ, ОТВЕЧАЙ! Я ДЕЛАЛ ВСЕ ЧТО МОГ, И ПОСМОТРИ НА МЕНЯ ТЕПЕРЬ! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!** — Он опять распахнул халат, открыв нагое волосатое тело с серой кожей. — **ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!** — повторил он и опустил голову, сотрясаясь в рыданиях.

Томас больше не мог этого вынести. Он закрыл панели за глазами дракона и вслепую кинулся прочь по темному ходу, ударившись о закрытую дверь. Не обращая внимания на заливавшую лицо кровь, он вскочил, дрожащими руками нашарил пружину и пустился бежать по коридору, даже не убедившись, что его никто не видит. Перед ним стояли налитые кровью глаза отца, и он слышал только вопль:

— *Что ты на меня уставился?*

Он не знал, что отец уже впал в пьяное забытие. Когда Роланд проснулся утром с ужасной головной болью и ноющими суставами (все же он был уже слишком стар для таких нагрузок), то первым делом взглянул на драконью голову. Когда он был пьян, ему редко что-нибудь снилось, но этой ночью приснился страшный сон: стеклянные глаза дракона задвигались, и Нинер возвратился к жизни. Ондохнул на него своим мертвящим дыханием, и король почувствовал, как невыносимый жар охватывает тело.

Жуткое видение еще стояло перед глазами короля, когда он, проснувшись, огляделся вокруг. Но все было как всегда. Нинер смотрел со стены, выставив раздвоенный язык за частокол зубов, похожих на копыя. Его зеленовато-желтые глаза застыли навеки. Над ним висели могучий лук Роланда и стрела Гроза Врагов, до сих пор черная от драконьей крови. Он пересказал свой сон Флеггу, который только молча кивнул, а потом и вовсе забыл о нем.

Но Томас не мог забыть. Он просыпался от кошмаров, в которых отец смотрел на него и кричал:

— *Смотри, что ты сделал со мной!* — обнажая отвисший живот, вялые мускулы, старые уродливые рубцы на теле. Он словно говорил, что это вина Томаса, что если бы он не шпионил...

— Почему ты не заходишь к отцу? — спросил его как-то Питер. — Он думает, что ты сердишься на него.

— Что я сержусь *на него*? — Томас был удивлен.

— Так он сказал за чаем. — Питер внимательно поглядел на брата, на его бледное лицо и синяки под глазами. — Том, что случилось?

— Ничего, — медленно проговорил Томас.

На следующий день он вышел к чаю, где его ждали отец и брат. Это потребовало от него немалой храбрости — иногда и Томас обнаруживал храбрость, обычно когда его припирали к стенке. Отец поцеловал его и спросил, что с ним такое. Томас пробормотал, что неважно себя чувствует, хотя на самом деле теперь чувствовал себя хорошо. Отец неуклюже обнял его и потом вел себя как обычно — то есть все внимание уделял Питеру. На этот раз Томас был даже благодарен за это. Ему не хотелось, чтобы отец обращал на него слишком много внимания. Той ночью, лежа без сна и слушая вой ветра, он решил, что *никогда больше* не будет подглядывать за отцом. Постепенно кошмары стали приходить к нему реже и наконец прекратились.

Но главный конюший Иосиф был прав: мальчишки легко дают обещания и легко о них забывают. В конце концов желание Томаса шпионить за отцом пересилило страх и благие намерения. И случилось это как раз в ту ночь, когда к Роланду пришел Флегг.

29

Когда Томас открыл панели, отец с братом допивали *их* вечерний бокал. Питер был теперь семнадцатилетним парнем, высоким и красивым. Они

сидели у камина, попивая вино и разговаривая, как старые друзья, и Томас почувствовал, как прежняя ненависть опять разъедает его сердце. Через какое-то время Питер встал и вежливо попросил разрешения уйти.

— Ты каждый вечер уходишь все раньше, — заметил Роланд.

Питер что-то пробормотал.

Роланд улыбнулся печально-понимающей улыбкой, почти уже беззубой:

— Я слышал, она хорошенькая.

Питер выглядел растерянным, что было на него не похоже. Он стал оправдываться — тоже необычно.

— Иди, — прервал его Роланд. — Будь с ней ласков... но не прячь жар, если он есть в тебе. Старость холодна, Питер, поэтому пусть твой огонь горит ярко, пока хватает топлива.

Питер улыбнулся:

— Отец, ты говоришь, как глубокий старик, но для меня ты все еще молод и силен.

Роланд обнял его.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я тоже люблю тебя, отец. — Питер обнял его в ответ, и Томас в своей одинокой темноте (шпионят всегда в одиночестве и почти всегда в темноте) поморщился.

Питер ушел, и примерно полчаса ничего не происходило. Роланд сидел у камина, попивая пиво стакан за стаканом. Он не рычал, не говорил со звериными головами, не крушил мебель. Томас уже хотел уходить, когда в дверь постучали.

Роланд смотрел на огонь, замороженный пляшущими языками пламени. Потом поднял голову:

— Кто там?

Томас не услышал ответа, но отец встал и открыл дверь. Сперва Томас подумал, что его привычка говорить с головами на стенах приобрела новый оттенок и он начал говорить с воображаемыми людьми.

— Странно видеть *тебя* в такой час, — сказал Роланд, отходя к камину вместе с невидимым собеседником. — Я думал, в это время тебя не оторвать от зелий и заклинаний.

Томас потер глаза и увидел, что в комнате кто-то есть. Еще мгновение спустя он удивлялся, как же мог не заметить Флегга. Чародей, как всегда, был в капюшоне и держал серебряный поднос с двумя бокалами вина.

— Бабы сплетни, мой король. Заклинания можно читать и днем. Но нужно, конечно, соблюдать обычаи.

Пиво всегда улучшало чувство юмора Роланда — до такой степени, что он часто смеялся над совсем несмешными вещами. Вот и теперь он откинул голову и громко захохотал. Флегг тоже улыбнулся.

— Что это, вино? — спросил король, отрывисто смеясь.

— Ваш сын еще мальчик, но его уважение к отцу и королю устыдило меня, старика. Я принес вам бокал вина, мой король, чтобы показать, что тоже люблю вас.

Роланд выглядел даже смущенным.

Не пей, отец! — вдруг захотелось крикнуть Томасу. Голова Роланда дернулась, будто он услышал.

— Он молодец, мой Питер, — сказал король.

— Да, ваше величество. Все так говорят.

— Правда? — У Роланда был довольный вид. — Они это говорят?

— Да. Выпьем за это?

Нет, отец! — снова мысленно прокричал Томас, но на этот раз Роланд не услышал. Его лицо сияло любовью к старшему брату Томаса.

— За Питера! — Король поднял бокал.

— За Питера, — согласился Флегг, улыбаясь. — За короля.

Томас вздрогнул. *Флегг поднял два разных тоста! Не знаю почему, но это... Отец!*

На сей раз Флегг устремил взгляд к драконьим стеклянным глазам, будто услышал эту мысль. Томас застыл, и глаза чародея, томные и пронизывающие, вновь вернулись к королю.

Они чокнулись и выпили. Когда отец осушил бокал, Томас почувствовал ледяной укол в сердце.

Флегг повернулся на стуле и бросил бокал в камин:

— За Питера!

— За Питера! — подхватил Роланд и швырнул следом свой бокал. Разбившись о камень, бокал вспыхнул на миг зловещим зеленоватым пламенем.

Роланд поднес ко рту руку, словно собираясь икнуть.

— Странное у тебя вино, — заметил он. — Оно не прокисло?

— Нет, мой король, — сказал Флегг серьезно, но Томас услышал в его словах усмешку, и ледяное жало еще глубже вонзилось в его сердце. Ему не захотелось смотреть дальше, он закрыл панели и прокрался к себе. Его бросало то в жар, то в холод. К утру он слег в горячке, а когда выздоровел, отец был уже мертв, брат заключен в камеру на вершине Иглы и он объявлен королем в двенадцать лет — Томасом Светоносным. Кто же стал его ближайшим советником?

Можно догадаться.

30

Флегг ушел от Роланда (старик чувствовал себя лучше обычного — верный знак, что Дракониий Песок начал действовать) и вернулся в свой подвал. Он достал из ящика стола коробочку с оставшимся ядом и серебряные щипчики, перевернул песочные часы и погрузился в чтение.

За окном опять выл ветер — старухи ворочались в своих постелях и говорили мужьям, что Рианнон, Черная Ведьма, оседлала в эту ночь свою метлу. Мужья ворчали в ответ, чтобы они спали и не морочили им голову. Мужчины часто бывают глупы; женщины, особенно старухи, гораздо лучше чувствуют Невидимое Зло.

Паучок пробежал по книге Флегга, нечаянно коснулся заклинания, которое не осмеливался произнести ни один чародей, и обратился в камень.

Флегг усмехнулся.

Когда часы опустели, он снова перевернул их. И еще раз. И еще. Он переворачивал их восемь раз, и на исходе восьмого часа встал, чтобы завершить дело. В темной комнате рядом с кабинетом он держал множество разных животных и в первую очередь пошел туда. Звери беспокойно завопили, и Флегг признавал, что у них есть для этого основания.

Он подошел к клетке с дюжиной бурых мышей — они бежали по всему замку, и это было особенно важно. Там были и крысы, но они пока не требовались. Жирная Королевская Крыса наверху отравлена, и доказать это вполне сможет простая мышь. Если все пройдет удачно, Питер скоро окажется в такой же клетке.

Флегг достал одну мышь и сжал ее в руке, чувствуя, как бешено колотится маленькое сердечко. Скоро она умрет от страха. Нужно спешить.

Он поднес к мыши мизинец левой руки, на миг вспыхнувший фиолетовым.

— Спи! — приказал он, и мышь вытянулась на ладони.

Флегг отнес ее в кабинет и положил на стол, где раньше лежал кусок обсидиана. После этого пошел в погреб и нацедил из дубового бочонка немного меда, подсластив ее медом. Отнес блюдо в кабинет, затем вышел в коридор, чтобы надышаться у окна.

Задержав дыхание, он вернулся в кабинет, взял щипчики и быстро бросил в мед весь Драконий Песок, кроме нескольких зерен. Остатки он переложил в заготовленный новый пакет и достал из стола особую коробку.

Новый пакет был заколдован, но магия не сможет долго удерживать яд. Однако Драконий Песок не загорится — для этого ему не хватит воздуха, — но обожжет и деревянную коробку, и бумагу. Это входило в планы Флегга.

Чародею хотелось вдохнуть, но он задержался еще на мгновение, чтобы полюбоваться на коробку. Он украл ее десять лет назад, сам не зная толком зачем (как не знал, зачем показал Томасу потайной ход), — его вел инстинкт зла, и вот наконец коробка, пролежавшая все эти годы в его столе, пригодилась.

На крышке было написано «ПИТЕР».

Саша подарила ее сыну, он на минуту оставил подарок на столе и куда-то убежал, а проходивший мимо Флегг сунул коробку в карман. Принц, конечно, плакал, искал коробку, но так ничего и не нашел.

С помощью щипчиков Флегг достал последние зерна яда из старого пакета и переложил их в новый. Потом он снова вышел в коридор к окну глотнуть свежего воздуха. Задержав дыхание, он положил но-

вый пакет в коробку, туда же убрал шипчики, а старый пакет выкинул в канализацию.

Мышь спала, коробка была закрыта, неопровержимая улика таилась внутри. Все в порядке.

Направив мизинец на мышь, неподвижно лежащую на столе, Флегг скомандовал:

— Проснись!

Мышь открыла глаза и пошевелила лапками.

— Бегай!

Мышь забегала кругами.

— Прыгай!

Мышь начала прыгать, как ученая собака, дико вращая при этом бусинками глаз.

— Теперь пей. — Флегг указал пальцем на блюдечко с отравленной медовухой.

За окном по-прежнему завывал ветер. На окраине города собака разродилась выводком двухголовых щенят.

Мышь стала пить.

— Ну а теперь снова засни! — приказал Флегг, когда мышь выпила достаточно.

Он поспешил в покои Питера. Коробочка была спрятана в одном из карманов — у чародеев всегда очень много карманов, — а спящая мышь в другом. Он миновал нескольких слуг и шумную компанию пьяных придворных, но его никто не заметил. Он все еще был *тусклым*.

Покои Питера оказались заперты, но для Флегга это не представляло трудности. Несколько пассов — и дверь отворилась. Комната была пуста — принц все еще со своей подружкой. Флегг не знал о Питере столько, сколько о его брате, но мог догадаться, где тот хранит сокровища, которые ему хочется спрятать.

Флегг направился прямо к книжным полкам и вынул несколько скучных словарей. Пошарив по дере-

вянной стенке, он услышал скрип пружины. Стенка отодвинулась, открыв небольшой тайник, даже не запертый. Там лежали шелковая лента — подарок дамы Питера, пачка ее писем и несколько его писем, которые он не осмелился отправить. Еще там был медальон с портретом матери.

Флегг открыл коробку и очень осторожно надорвал угол пакета. Теперь все выглядело так, будто его прогрызла мышь.

— Ты так плакал, когда потерял эту коробку, милый Питер, — прошептал Флегг, ухмыльнувшись. — Думаю, когда ты ее найдешь, то будешь плакать еще сильнее.

Он положил в тайник коробку и спящую мышь, закрыл его и поставил книги на него.

В эту ночь Флегг спал спокойно. Семена зла посеяны, и теперь он может действовать своим любимым способом — за кулисами, не видимый никем.

31

В следующие три дня король Роланд выглядел здоровее и веселее, чем многие последние годы, — так говорили при дворе. Навестив больного брата, Питер рассказал, что оставшиеся волосы отца вдруг изменили цвет и стали из белых серо-стальными, как в его зрелые годы.

Томас улыбнулся, но его снова пробрала дрожь. Он спросил Питера о чем-то, но ему не нужен был ответ; хотелось забыть о том последнем странном тосте. Но он не мог.

На третий день, после обеда, Роланд пожаловался на изжогу. Флегг предложил позвать врача, но

Роланд отмахнулся, заявив, что чувствует себя лучше, чем все последние месяцы, да что там — годы...

Он рыгнул. Это был длинный, скрипучий, сухой звук. Когда он повторился, толпа придворных, собравшихся в зале, изумленно замолчала. Музыканты перестали играть. Когда король выпрямился, по залу пронесся шепот удивления. На его щеках пылал румянец. Из глаз текли дымящиеся слезы, изо рта тоже шел дым.

В зале было около семидесяти человек — всадники (мы бы назвали их рыцарями) в кожаных мундирах, разодетые придворные со своими дамами, слуги, шуты, музыканты, труппа актеров, намеревавшихся позже сыграть пьесу. Но первым к обреченному королю подбежал именно Питер, и Флегг был рад этому.

Питер. Они запомнят, что это был Питер.

Роланд схватился руками за грудь. Дым валил из его рта серовато-белыми клубами. Король словно решил показать своим подданным какой-то диковинный фокус.

Но это был не фокус. Дым начал выбиваться не только изо рта Роланда, но и из ушей, ноздрей, даже из уголков глаз. Горло стало пурпурно-красным.

— *Дракон!* — прокричал король, отталкивая руки сына. — *Дракон!*

Это было последнее произнесенное им слово.

32

Мучения короля были ужасны. От тела исходил такой жар, что даже самые преданные слуги не могли находиться с ним рядом. Несколько раз на не-

счастливого выливали ведра с водой, когда постель уже начинала дымиться. Каждый раз вода мгновенно превращалась в пар, заволакивающий спальню, где лежал Роланд, и проникающий наружу, где в растерянном молчании застыли придворные и рыцари.

В полночь изо рта у него вырвалось зеленоватое пламя, и он умер.

Флегг открыл дверь спальни и сообщил эту новость собравшимся. Воцарившееся молчание было прервано одним-единственным словом. Флегг не знал, кто его сказал, и это было не важно. Главное, что слово сказано:

— Убийство!

Все разом выдохнули.

Флегг закрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

33

Придворный врач сделал из одного слова три: *убийство путем отравления*. Он не мог сказать *отравления Драконьим Песком*, поскольку никто, кроме Флегга, не знал об этом яде.

Уже к рассвету новость разошлась по городу и достигла Восточного, Западного, Южного и Северного феодов: *король Роланд Добрый убит, отравлен*.

Но еще до этого Флегг организовал обыск замка от верхушки Восточной башни до камеры пыток с ее дыбами и испанскими сапогами. Он велел немедленно докладывать ему обо всех подозрительных находках.

Шесть сотен мрачных людей обыскали весь замок... кроме комнат двух принцев, Питера и Томаса.

Томасу не было ни до чего дела; лихорадка обострилась настолько, что врач опасался за его жизнь. В горячечном бреде он видел два стакана вина и вновь, и вновь слышал слова отца: *Странное у тебя вино. Оно не прокисло?*

Флегг постоянно был на ногах. Следующие несколько часов должны решить все. Король умер, королевство обезглавлено, но очень скоро у подножия Иглы коронуют нового короля, Питера, если его вина не будет как можно быстрее доказана.

При других обстоятельствах Питера заподозрили бы сразу же. Люди *всегда* подозревают тех, кому выгодно преступление. Но в этом случае все говорили о горе принца, а не о выгоде. Конечно, *Томас* тоже потерял отца, думали они тут же. Но Томас был глупым, неуклюжим парнем, и отец его не очень-то жаловал. А взаимная любовь Роланда и Питера была известна всем. К тому же люди могли спросить, если такая мысль и приходила кому-нибудь в голову: зачем Питеру убивать отца, если он и без того должен скоро взойти на трон?

Но если свидетельства преступления будут найдены в тайнике принца, все обернется иначе. Тогда люди увидят под маской любви и уважения лицо коварного убийцы. Они могут заметить, что молодые не любят ждать, что три года кажутся им вечностью. Могут решить, что, увидев необычную бодрость короля в последние дни, Питер запаниковал и, движимый жадой власти, совершил это чудовищное и глупое преступление.

Флегг знал и кое-что еще: в глубине души люди недолголюбивают всех королей и принцев, всех, от кого зависит их жизнь и смерть. Великих королей любят, обычных только терпят. Питера все любили,

но Флегг знал, что так же быстро его осудят и возненавидят.

И такой случай им скоро представится.

Маленькой мыши окажется достаточно, чтобы потрясти королевство до основания.

34

В Делейне знали только три возраста: детство, отрочество и зрелость. Отрочество длилось с четырнадцати до восемнадцати.

Когда Питер достиг этого возраста, всех няnek и воспитателей принца сменили Брендон, дворецкий, и его сын Деннис. Брендону было уже под пятьдесят, и когда-нибудь Деннису предстояло сменить его при Питере. Семейство Брендона служило короне уже почти восемьсот лет, чем чрезвычайно гордилось.

Деннис каждое утро просыпался в пять, одевался, чистил отцовский сюртук и туфли и сонно плелся на кухню завтракать. Без четверти шесть он выходил из своего дома у Западной стены замка и входил в замок через особую дверь. Около шести он добирался до спальни Питера и принимался за утренние труды — растапливал печку, готовил завтрак, кипятил чай. Потом обходил три комнаты принца, проверяя, все ли в порядке. С этим обычно проблем не было, поскольку Питер был аккуратным мальчиком. После этого Деннис накрывал завтрак в учебной комнате — Питер любил завтракать именно там, читая какую-нибудь книгу по истории.

Деннис не любил рано вставать, но ему нравились и его работа, и сам Питер, который был очень добр к нему. Он только раз повысил голос — когда Деннис забыл принести ему салфетку к ленчу.

— Прошу прощения, ваше высочество, — сказал тогда Деннис. — Я просто не подумал...

— Так *думай* в следующий раз! — Питер не кричал, но был близок к этому. С тех пор Деннис никогда не забывал приносить ему салфетку, а иногда и две, для подстраховки.

Закончив утренние дела, Деннис отступал в тень, уступая место отцу. Брендон был дворецким до кончиков ногтей — с туго затянутым галстуком, заплетенными в косичку волосами, безукоризненными пуговицами и туфлями, начищенными до зеркального блеска (это была заслуга Денниса). Но по вечерам, без галстука и со стаканом доброго джина в руке, он казался Деннису куда приятнее.

— Запомни, Денни, — частенько говорил он сыну в этом приятном состоянии, — в мире не так много вещей, которые длятся долго. Любовь не бесконечна, да и любая работа, и такой вот приятный вечер со стаканчиком — все это проходит. Но есть две вещи, длящиеся долго: власть и служба. Если ты хорошо служишь своему хозяину, то и он хорошо послужит тебе, и вы оба будете довольны. А теперь налей-ка мне еще и немного себе, только совсем немного, не то твоя мать шкуру с нас обоих спустит.

Конечно, многим сыновьям быстро надоели бы подобные наставления, но Деннис был не из таких. Он относился к тем, кто и в двадцать лет все еще считает отцов умнее себя.

Утром после смерти короля Деннису не пришлось нехотя просыпаться в пять часов; отец поднял его в три, сообщив печальное известие.

— Флегг организует поиски, — сказал отец. — Скоро наш с тобой хозяин станет королем, и я хочу помочь ему выловить этого мерзавца.

— Я тоже! — Деннис потянулся за рубахой.

— Погоди. — Голос отца был строг. — Убийство или что еще, но порядок нужно соблюдать. Сегодня нашего хозяина должны короновать, хоть это и происходит в нехорошее время. Смерть короля не на поле боя всегда горе, но в такие времена надо еще больше соблюдать порядок. Поэтому сегодня ты приступишь к своей работе, как обычно.

Он вышел, прежде чем Деннис успел заспорить.

В пять часов Деннис пересказал матери то, что поведал ему отец, и еще добавил, что он идет на работу, хотя Питера и нет на месте. Мать умирала от любопытства и велела ему вернуться не позже восьми и рассказать ей все новости.

Так Деннис оказался в пустых комнатах Питера. Он по заведенному распорядку подал завтрак в учебную комнату. Осмотрев посуду, понял, что ею не пользовались со вчерашнего дня. Привычные занятия немного успокоили его, заставив поверить, что все опять пойдет, как прежде, но теперь он понял, что все не так. Времена изменились.

Накрывая на стол, он услышал тихий звук. Сердце подпрыгнуло у него в груди, и он пустился на поиски. Скоро он увидел струйки дыма, тянущиеся из книжного шкафа, и быстро достал книги, загораживающие источник дыма. Звук стал слышнее — какое-то животное пищало от боли.

Деннис в панике стал шарить руками по стенке шкафа, из-за которой выбивался дым. В те времена люди боялись не так уж многого, но на первом месте, несомненно, стоял пожар.

Довольно скоро он нащупал пружину, и панель отворилась, выпустив наружу клуб серого дыма. Флегг предусмотрел и это — тайник был не таким уж тайным, его легко можно было открыть. Вместе с дымом появилась отвратительная вонь — смесь горелого мяса, шерсти и тлеющей бумаги.

Не раздумывая, Деннис рванул панель на себя. В тайник хлынул свежий воздух, и то, что там дымилось, теперь вспыхнуло огнем.

Это был критический момент, когда Флеггу пришлось понадеяться на волю случая. Все его труды за семьдесят пять лет зависели от того, что сделает сын дворецкого в следующие пять секунд. Но Флегг решил, что достаточно хорошо изучил психологию потомственных дворецких, чтобы предсказывать их поведение.

Если бы Деннис в ужасе замер перед языками пламени или побежал за водой, чтобы потушить огонь, весь тщательно продуманный план Флегга мог рухнуть, и Питера благополучно короновали бы в тот же день.

Но чародей рассудил правильно. Вместо того чтобы замереть или побежать за водой, Деннис затушил пламя голыми руками. Это заняло пять секунд, и он почти не обжегся. Когда дым рассеялся, он увидел лежащую на полу мышь. За свою службу Деннис убил десятки таких без всякой жалости, но сейчас ему стало жалко бедную тварь. С ней случилось что-то ужасное, чего он не мог объяснить. От ее шерсти

струйками поднимался дым, и, коснувшись тельца, он быстро отдернул руку — будто дотронулся до маленькой печки вроде той, что была в кукольном доме Саши.

Дым тянулся и из деревянной коробочки, стоявшей рядом. Деннис приподнял крышку и увидел щипчики и бумажный пакет, который потемнел и дымился, но пока не горел. Дым шел от писем Питера, которые, конечно же, не были заколдованы. Мышь подожгла их своим пылающим тельцем.

Что-то подсказало Деннису: не следует трогать пакет. Ему стало страшно. Он не хотел знать, что все это значит, знал только, что нужно скорее поговорить с отцом. Отец решит.

Деннис достал из-за печки мусорное ведро и совок, вернулся к шкафу и смел в ведро мышиный трупик и пепел писем Питера. Выходя из комнаты, он захватил ведро с собой и чувствовал себя уже не примерным слугой, а вором.

И прежде чем он достиг своего дома, в душу его закралось ужасное подозрение — он был первым в Делейне, кто испытал его, но отнюдь не последним.

Он попытался отогнать эту мысль, но она возвращалась. Интересно, размышлял Деннис, каким ядом отравили короля Роланда? И не тот ли это яд?

Когда Деннис добрался до дома, то не стал отвечать на вопросы матери и показывать, что принес. Он только сказал, что должен как можно скорее поговорить с отцом, а потом пошел к себе в комнату и стал думать, что это за яд. Он знал о нем только одно, но этого было достаточно. Яд вызывал сильнейший жар.

35

Брендон пришел около десяти, злой и уставший. Он весь взмок, на лбу виднелась свежая царапина, а в волосах застряла паутина. Никаких следов убийцы. Он сказал только, что на площади готовится коронация Питера под руководством главного судьи Делейна Андерса Пейны.

Жена рассказала ему о возвращении Денниса. Брендон нахмурился, подошел к двери в комнату сына и постучал — не костяшками пальцев, а кулаком:

— А ну выходи, парень, и объясни, как ты оказался здесь с ведром из комнаты твоего хозяина.

— Нет, отец, — отозвался Деннис. — Иди сюда сам. Я не хочу, чтобы мама видела это и слышала, о чем мы говорим.

Брендон вошел. Мать Денниса, стоя у кухонной плиты, гадала, что за ерунду притащил из замка ее сын, и ожидала, что скоро из-за закрытой двери донесутся его вопли — уставший муж наверняка выместит все беды и трудности последнего дня на спине Денниса. Она не могла видеть, когда кто-то впадает в истерику, когда вокруг бегают очумевшие люди, повторяющие на сотню ладов самые невероятные слухи.

Но за дверью все было тихо, и целый час никто не появлялся. Когда же отец с сыном вышли, бедная женщина остолбенела при одном взгляде на их белые лица. Деннис жался к ногам отца, как испуганный щенок.

Теперь мусорное ведро нес Брендон.

— Вы куда? — спросила она с опаской.

Брендон промолчал, а Деннис и не мог, казалось, ничего сказать. Они скрылись за дверью, и целые

сутки она думала, что они или мертвы, или, что еще хуже, томятся в застенках под замком.

Да и для всего Делейна это были страшные сутки. Может, где-то еще они показались бы нормальными — есть ведь места, как это ни печально, где мятежи, и беспорядки, и казни под покровом ночи вошли в обычай. Но в Делейне уже годы или даже столетия царил порядок, поэтому такими черными показались сутки, в начале которых Питера собирались короновать, а в конце он предстал перед судом за убийство собственного отца. Если бы в Делейне была биржа, она, без сомнения, в тот день потерпела бы крах.

С первыми лучами солнца началось сооружение помоста для коронации. Его полагалось делать из простых досок, но Андерс Пейна знал, что их нужно хорошо замаскировать цветами и лентами. К этому не подготовились — если бы к убийствам можно было подготовиться, их бы просто не существовало. Но Пейна хотел показать народу, что, несмотря на ужасные события, преемственность власти сохраняется. Чтобы заставить людей поверить в это, он готов был мобилизовать всех цветочниц королевства.

Но к одиннадцати строительство внезапно прекратилось и цветочниц прогнали с площади. К семи большинство гвардейцев переоделись в красную парадную форму и церемониальные шлемы с волчьими головами. Им предстояло выстроиться в две шеренги вдоль ковровой дорожки, по которой Питер пройдет к месту коронации. В одиннадцать они получили новый, весьма странный приказ и сменили парадные одеяния на обычную невзрачную форму песочного цвета. Неуклюжие парадные мечи были заменены

обычными, а волчьи головы — кожаными шлемами, их боевой формой.

Боевая форма — сами эти слова пугали. Против кого солдатам воевать здесь, в центре города? Но они стояли повсюду, в боевой форме, с суровыми лицами.

Принц Питер покончил с собой! — таков был самый первый слух.

Принц Питер убит! — второй.

Роланд не умер; это ошибка. Врача обезглавили. Но король сошел с ума, и никто не знает, что делать! — третий.

Были и другие, еще более невероятные.

Над встревоженным замком повисла ночь, но никто не ложился. Площадь Иглы была залита светом факелов, и в каждом доме горели свечи и лампы, вокруг которых собирались люди, чтобы обсудить события. Все соглашались, что дело нечисто.

Ночь показалась еще длиннее дня. Миссис Брендон в ужасной тревоге ждала возвращения своих мужчин. Впервые в ее жизни в воздухе витало больше слухов, чем ей хотелось слышать. Но не слушать она не могла.

В предрассветные часы разнесся новый слух — настолько дикий, что сначала ему не поверили, но он повторялся снова и снова, пока даже часовые на постах не принялись пересказывать его друг другу. Этот новый слух особенно напугал миссис Брендон, потому что она поняла, как бледное лицо ее сына связано с мусорным ведром принца. Там было что-то, пахнущее паленым, чего он не захотел ей показать.

Принц Питер взят под стражу за убийство отца, гласил этот ужасный слух. *Принц убил собственного отца!*

Перед самым рассветом измученная женщина уронила голову на руки и погрузилась в тревожный сон.

36

— А теперь говори, что в этом ведре, да поскорее! Я не собираюсь с тобой шутить, Деннис! — с такими грозными словами Брендон закрыл за собой дверь в комнату сына.

— Я покажу, отец, но сперва ответь мне на один вопрос. Каким ядом был отравлен король?

— Никто не знает.

— А как он действовал?

— Показывай, что в ведре. — Брендон поднял тяжелый кулак. Он не тряс им, просто поднял; этого было достаточно. — Показывай, или тебе здорово достанется.

Дворецкий долго смотрел на мертвую мышь, ничего не говоря. Деннис в испуге наблюдал, как все больше мрачнеет лицо отца. Бурый мех мыши обгорел дочерна. Из рта, из ушей, из выжженных глазниц все еще вырывались струйки дыма. Зубки, оскаленные в смертной гримасе, были черными, как зубья каминной решетки.

Брендон хотел дотронуться до нее, но тут же отдернул руку.

— Где ты это взял? — спросил он хриплым шепотом.

Деннис что-то промямлил. Отец схватил его за плечо и сильно потрянул.

— Вдохни глубже и соберись с мыслями, Денни, — сказал он. — В любом случае я на твоей сто-

роне. И правильно, что ты не показал это матери. А теперь расскажи, где и как ты нашел эту бедную тварь.

Деннис кое-как рассказал отцу всю историю. Его рассказ был чуть короче, чем мой, но все же занял минут пять. Отец слушал, сидя на стуле и подперев рукой лоб. Он не перебивал и не задавал никаких вопросов.

Когда Деннис закончил, отец произнес всего одну фразу, но она будто сдвинула сердце юноши ледяной коркой:

— Точь-в-точь как король. — Губы Брендона скривились в каком-то подобии улыбки: — Как ты думаешь, Денни, это был мышиный король?

— Па... папа... я...

— Ты сказал, там была коробочка.

— Да.

— И пакет.

— Да!

— И пакет потемнел, но не горел.

— Да.

— И еще шипчики.

— Да, вроде тех, какими мама выдергивает волосы из но...

— Тсс... — Брендон опять подпер рукой лоб. — Дай подумать.

Прошло пять минут. Брендон не двигался; казалось, он заснул, но он напряженно думал. Дворецкий не знал о коробочке, которую потерял Питер; это было до того, как он поступил в услужение к принцу. Он знал о тайнике и как-то раз даже заглянул в него. Там хранились обычные мальчишеские сокровища: камешки, колода карт Таро, счастливая монета, клочок волос, выстриженных из гривы Пеони. Больше он

туда не заглядывал — среди качеств хорошего дворецкого очень важно уважение к маленьким тайнам хозяев.

Наконец Деннис спросил:

— Папа, может, пойдем и посмотрим, что в этой коробке?

— Нет. Мы пойдем с этой мышью к главному судье, и ты расскажешь ему то же, что рассказал мне.

Деннис так и сел, словно его ударили под дых. Пейна, который приказывает казнить людей и сажать в тюрьму! Пейна с его непроницаемым лицом и высоким белым лбом! Пейна, второй человек в королевстве после самого короля!

— Нет, — прошептал он. — Пап, я не... я не могу...

— Ты должен, — сурово произнес отец. — Это страшное дело, самое страшное из всего, что я видел, но его нужно довести до конца. Ты расскажешь ему все, и пускай он этим займется.

Деннис поглядел в глаза отцу и убедился, что тот принял решение. Если он не пойдет, Брендон потащит его, как котенка, несмотря на то, что ему уже двадцать лет.

— Да, папа, — сказал он потерянно, чувствуя, что, как только ледяные глаза Пейны взглянут на него, он просто упадет замертво. Тут он вспомнил, что украл из комнаты принца мусорное ведро. Если он и не умрет на месте, то, весьма возможно, ему придется провести остаток жизни в самой глубокой темнице замка.

— Не волнуйся так, Денни. Пейна — человек строгий, но справедливый. Ты не совершил ничего постыдного. Просто расскажи ему то же, что и мне.

- Ладно, — прошептал Деннис. — Пойдем?
Брендон поднялся со стула и стал на колени:
— Сначала помолимся. Становись рядом, сынок.

37

Питера судили, признали виновным в убийстве короля и приговорили к пожизненному заключению в двух холодных комнатах на самой вершине Иглы. Это произошло всего за три дня. И рассказ о том, как зубья капкана, поставленного Флеггом, сомкнулись вокруг юного принца, не займет много времени.

Пейна не сразу велел приостановить коронацию — он допускал, что Деннис ошибся и все можно как-нибудь объяснить. Но состояние мыши было слишком похоже на состояние покойного короля; к тому же репутация семьи Брендонов была безукоризненной. Но еще важнее то, что на репутации Питера не должно было быть ни единого пятна.

Пейна допросил Денниса и пригласил Питера. Деннис действительно мог бы умереть от страха при виде своего хозяина, но ему милосердно позволили выйти. Вошедшему Питеру Пейна объявил, что его подозревают в соучастии в убийстве отца. Андерс Пейна не любил смягчать слова, как бы жестоко они ни звучали.

Питер остолбенел. Не забудьте, он еще не свыкся с мыслью, что его любимый отец мертв, отравлен страшным ядом, который спалил его заживо. Не забудьте и то, что он всю ночь участвовал в поисках и сильно устал. И ему было всего семнадцать. Последняя новость добила его, и реакция Питера была

самой естественной, однако, ее нельзя было показывать перед холодными, испытующими глазами Пейны: он заплакал.

Если бы Питер горячо отстаивал свою невиновность или встретил бы обвинение презрительным смехом, все могло обернуться по-другому. Я уверен, что Флегг не предусмотрел такой возможности; одной из немногих его слабостей была привычка судить всех по себе, по своей черной душе. Он подозревал всех и каждого и думал, что у всех есть какие-то тайные мысли и коварные планы, которые они скрывают.

Ход мыслей Пейны, напротив, был очень прямым. Он находил почти невозможным, что Питер отравил отца. Если бы тот рассердился или рассмеялся, расследования могло и не быть, и никто не стал бы интересоваться коробочкой и лежащим в ней пакетом. Но слезы — совсем другое. Слезы выглядели признанием вины со стороны мальчика, достаточно взрослого, чтобы убить собственного отца, но недостаточно взрослого, чтобы это скрыть.

Пейна решил продолжить расследование, хотя ему очень не хотелось этого делать. Ведь придется привлекать стражников, а это даст пищу слухам и может сказаться на репутации принца, будущего короля.

Впрочем, можно ограничиться пятью-шестью стражниками, а потом отослать их в отдаленные уголки королевства. Брендона с сыном придется выслать, подумал Пейна. Жаль, но люди не могут держать язык за зубами, особенно после выпивки, а пристрастие дворецкого к джину хорошо известно.

Поэтому Пейна приказал приостановить подготовку к коронации. Он был уверен, что самое большее через час работы возобновятся, но...

38

Понятно, что коробочку нашли. Питер поклялся именем матери, что не знал о ней, и выглядело это довольно странно. Пейна осторожно, щипчиками, приоткрыл пакет и увидел несколько зерен зеленоватого песка. Они были очень маленькими, еле заметными, но Пейна хорошо помнил, что случилось с великим королем и маленькой мышью. Он закрыл коробочку и велел двум стражникам не сводить с нее глаз. Дело становилось все более серьезным.

Коробочку с выбивающимся из-под крышки дымом осторожно поставили на стол Питера и послали за человеком, который знал о ядах больше всех в Дейльне.

Это, конечно, был Флегг.

39

— Я ничего об этом не знаю, Андерс, — сказал Питер. Он собрался с духом, хотя лицо его было таким же бледным, а глаза — темнее, чем обычно.

— Но коробочка твоя?

— Да.

— Тогда как же ты отрицаешь?..

— Я потерял ее лет десять назад или больше. Мне ее подарила мать.

— И куда она делась?

Он больше не зовет меня «ваше высочество», внезапно понял Питер. И не выражает мне никакого уважения. Как это может быть? Отец отравлен. Томас серьезно болен. Пейна стоит здесь и обвиняет меня

в убийстве. И эта коробочка — откуда она взялась и кто мог подложить ее в мой тайник?

— Я потерял ее, — медленно повторил Питер. — Андерс, ты на самом деле веришь, что я убил отца?

Не верил... но теперь сомневаюсь, подумал Пейна.

— Я ведь любил его.

Я всегда так думал... но теперь сомневаюсь и в этом, снова подумал Андерс Пейна.

40

Флегг вошел и, не обращая никакого внимания на Пейну, засыпал вконец измученного принца вопросами. Нашли какие-нибудь следы отравителя? Неужели это заговор? Сам он думает, что убийство совершил одиночка, скорее всего сумасшедший. Флегг сказал, что провел все утро перед волшебным кристаллом, но тот оставался темным. Ну ничего, он может не только заглядывать в кристалл. Он сделает все, что прикажет принц, осмотрит каждый угол...

— Мы позвали тебя не затем, чтобы слушать, как ты болтаешь, словно обс головы твоего попугая вместе взятые, — холодно сказал Пейна. Он не любил Флегга. Чародей слишком часто лез не в свое дело. Он может быть полезным в определении ядов, но не более.

Питер не позволит ему распускаться, когда станет королем, машинально подумал Пейна и тут же одернул себя. Шансы Питера стать королем стремительно таяли.

— Да. Наверное. — Флегг по-прежнему смотрел на Питера. — Так зачем меня позвали, мой король?

— *Не называй его так!* — взорвался Пейна. Флегг сделал удивленное лицо, но сразу понял, что это значит, и порадовался. Червь сомнения проложил путь к ледяному сердцу главного судьи. Отлично.

Питер отвернулся к окну и стал смотреть на город, пытаясь справиться с волнением. Он сжал пальцы так, что побелели костяшки.

— Видишь эту коробку на столе? — спросил Пейна.

— Да, господин судья. — Флегг постарался придать голосу безразличие.

— Там пакет, который медленно тлеет. В нем что-то вроде песка. Я хочу, чтобы ты незамедлительно определил, что это за вещество. Только не касайся его руками. Похоже, именно оно стало причиной смерти короля Роланда.

Флегг выглядел обеспокоенным, но чувствовал себя великолепно. Он обожал играть.

Подняв пакет щипчиками, чародей заглянул в него.

— Мне нужен кусок обсидиана, — сказал он. — И побыстрее.

— Возьмите у меня в столе, — произнес Питер отстраненно. Этот кусок оказался не таким большим, как у Флегга, зато толстым. Чародей рассмотрел его на свет. В сердце у него маленький человечек плясал и кувыркался через голову. Этот камень очень походил на тот, что был у него, только сколот с одной стороны. Боги явно благосклонны к нему!

— Я уронил его год или два назад, — мрачно пояснил Питер, не подозревая, что только что заложил еще один камень в стену своей тюрьмы. — Эта половина упала на ковер, а другая ударилась о камни и разлетелась на тысячу кусков. Обсидиан ведь одновременно твердый и очень хрупкий.

— В самом деле? — удивился Флегг. — Я слышал об этом, но никогда не видел такого камня.

Он положил обсидиан на стол, раскрыл пакет и вытряхнул на камень зернышки песка. С поверхности обсидиана мгновенно начали подниматься струйки дыма. Все присутствующие увидели, что каждое зерно медленно вдавливаются в самый твердый в мире камень. Стражники начали тревожно перешептываться.

— Тише! — рявкнул на них Пейна. Стражники застыли с лицами, белыми от ужаса. Все происходящее казалось им наваждением.

— Похоже, я знаю, что это за зерна и как проверить мою догадку, — сказал Флегг. — Но если я прав, проверять надо как можно быстрее.

— Почему? — спросил Пейна.

— Мне кажется, это Дракони́й Песок. У меня он когда-то был, но, к сожалению, исчез, прежде чем я успел изучить его как следует. Видимо, его украли.

Флегг не упустил того, как взгляд Пейны метнулся к Питеру.

— С тех пор я беспокоился об этом, — продолжал он, — это один из самых смертоносных ядов. Я не мог испытать его свойства и поэтому сомневался, но теперь вижу.

Он указал на обсидиан. Каждая из трех песчинок углубилась уже более чем на дюйм, и из отверстий вился дым, как из миниатюрных кратеров вулкана. Флегг прикинул, что половина толщины камня уже пройдена.

— Эти три частицы быстро разъели самый твердый из известных нам камней, — заключил он. — Дракони́й Песок известен тем, что разъедает все. И он вызывает сильный жар. Поди-ка сюда!

Он подозвал одного из стражников, которого явно не очень обрадовал такой выбор.

— Дотронься до камня. — Стражник нерешительно потянулся к обсидиану, и Флегг быстро добавил: — Только до края! Не вздумай лезть рукой в отверстие!

Стражник с криком отдернул руку и сунул палец в рот, но Пейна успел заметить сильный ожог.

— Обсидиан очень слабо проводит тепло, — сказал Флегг, — но этот камень горячий, как печка, и все из-за трех крупиц песка! Дотроньтесь до стола принца, господин судья.

Пейна повиновался. Дерево было горячим. Скоро оно начало обугливаться.

— Поэтому нужно действовать быстро, — сказал Флегг. — Скоро стол загорится. Если мы вдохнем дым — во всяком случае, если то, что я слышал, верно, — все мы умрем в муках. Но для верности можно провести еще один опыт...

Стражники побледнели еще сильнее.

— Ладно, — сказал Пейна, — только быстрее.

Его неприязнь к Флеггу еще увеличилась, но если раньше он считал его ничтожеством, то теперь от этого человека зависела его жизнь.

— Нужно налить в ведро воды, — теперь Флегг говорил чуть быстрее. Его темные глаза блестели.

Стражники и Пейна смотрели на черные дырки в обсидиане, как кролики на удава. Сколько еще осталось до дерева? Никто не знал. Смотрел даже Питер, хотя выражение его лица по-прежнему было отсутствующим.

— Воды! Быстрее! — заорал Флегг на стражников. — Нужно ведро, или таз, или что-нибудь! Ну же!

Стражники смотрели на Пейну.

— Выполняйте. — Пейна старался не выказывать свой страх, но был испуган, и Флегг знал это.

— Я опущу палец в воду и стряхну каплю воды в одно из этих отверстий, — снова заговорил чародей. — Если это Драконий Песок, вода тут же позеленеет.

— А потом? — хмуро спросил Пейна.

Стражник принес ведро и поставил его на стол.

— Потом я сделаю то же самое с остальными отверстиями. — Флегг говорил спокойно, но его всегда бледные щеки горели. — Вода не может остановить Драконий Песок, но она может его удержать.

— А почему просто не опустить камень в воду? — спросил один из стражников.

Пейна метнул на него свирепый взгляд, но Флегг любезно объяснил:

— Потому что вода тут же испарится, и ты можешь тогда остаться здесь, если хочешь, и тушить пожар.

Стражник замолчал.

— Вода уже теплая, — заметил Флегг, опустив палец в ведро, — а ведь она только стоит на столе. — Он осторожно стряхнул каплю воды в отверстие. — Смотрите внимательно!

Питеру в этот момент Флегг показался каким-то дешевым фокусником, но Пейна и стражники не отрывали взглядов от его руки. Капля повисла на пальце, на миг отразив всю комнату Питера, и упала вниз.

Звук был такой, будто на раскаленную сковородку положили кусок сала. Из отверстия вырвался столбик пара, но Пейна успел заметить вспышку зеленого пламени. В тот момент судьба Питера была решена.

— Дракони́й Песок, клянусь богами! — воскликнул Флегг. — *Умоляю вас, не дышите!*

Андерс Пейна не был трусом, но тут испугался и он. В отблеске зеленоватого света ему привиделось какое-то немыслимое, невыразимое зло.

— Заливайте остальные! — хрипло приказал он. — Быстрее!

— Я же говорил. — Голос Флегга снова стал спокойным. — Остановить его можно только одним способом, не очень приятным, но мы можем задержать его.

Он так же осторожно залил воду в два других отверстия. Все повторилось: мгновенная зеленая вспышка и столб пара.

Флегг с помощью полотенец, извлеченных из шкафа, взял обсидиан и опустил его в ведро. Вода моментально окрасилась зловещей зеленью.

— Ну вот, опасность почти миновала, — сказал Флегг, и один из стражников с облегчением выдохнул. — Теперь пусть кто-нибудь из вас отнесет это ведро к большой помпе у Великого Древнего Дуба. Там накачайте воды в бочку и опустите туда ведро. А бочку утопите в середине озера Джоанна. Дракони́й Песок может осушить озеро примерно за сто тысяч лет, но нам сейчас это не важно.

Пейна помедлил, кусая губы, и наконец велел:

— Ты, ты и ты. Сделайте все, как он сказал.

Ведро унесли с такой осторожностью, будто в нем лежала бомба. Флегг изрядно потешался в душе. Как легко запугать этих людишек! На самом деле удержать яд можно было и меньшим количеством жидкости... например, кубком вина. Но для бедного Питера такие мелочи уже не имеют значения.

Когда стражники ушли, Пейна повернулся к Флеггу:

— Ты сказал, что Драконий Песок можно остановить только одним способом.

— Да. Ученые говорят, что он умирает только после того, как сожжет дотла живое тело. Я хотел проверить это, но не успел. Яд у меня украли.

— И на каком живом теле ты хотел проверить свой яд, чародей? — спросил Пейна еле слышно.

Флегг изумленно взглянул на него:

— Конечно, на мыши, господин судья.

41

В три часа дня в зале Королевского суда, который находился в основании Иглы и именовался просто «Судом Пейны», состоялась странная встреча.

Встречей — хотя лично мне это слово совсем не нравится — ее окрестили потому, что формального заключения о виновности принца еще не было, и она носила неофициальный характер. Но решала очень многое.

В зале могло уместиться пятьсот человек, но в тот день там присутствовали всего семеро. Шестеро из них держались поближе друг к другу, чувствуя холод этого места. На одной из стен висел герб королевства — единорог, пронзающий дракона, — и взгляд Питера то и дело на него натывался. Кроме Питера, там были Пейна, Флегг (конечно, это чародей сидел поодаль от других) и четверо королевских судей. Всего королевских судей было десять, но остальные в это время разбирали дела в провинции. Пейна решил их

не дожидаться. Нужно было действовать решительно, иначе королевство окажется ввергнутым в хаос. И для этого Пейне понадобится помощь юного убийцы.

Пейна уже решил для себя, что Питер — убийца. Убедили его в этом не коробочка, не мертвая мышь и не опыты Флегга. Это сделали слезы Питера. Принц, отдадим ему должное, не выглядел теперь ни виноватым, ни измученным. Он был бледен, но спокоен.

Пейна откашлялся. Эхо заматалось между каменными стенами. Он потрогал лоб и не удивился, обнаружив там холодный пот. Главный судья расследовал сотни дел и послал на плаху больше людей, чем мог вспомнить; но он никогда еще не судил принца за убийство собственного отца. К тому же все случилось так быстро и могло иметь такие последствия, что пот должен был быть именно холодным.

Встреча. Ничего официального, ничего судебного. Но никто из них — ни Пейна, ни Флегг, ни королевские судьи, ни сам Питер — не обманывался на этот счет. Это был самый настоящий суд. Мертвая мышь дала событиям ход, и в этот момент все можно было еще остановить, как можно остановить реку у истока, пока она не превратилась в могучий поток, сметающий все на своем пути.

Встреча, подумал Пейна, снова вытирая пот солба.

42

Флегг внимательно наблюдал за происходящим. Как и Пейна, он знал, что все решается именно здесь, и был начеку.

Питер поднял голову и оглядел по очереди всех участников собрания.

От каменных стен веяло холодом. Скамьи зрителей были пусты, но Пейне чудились взгляды призраков, требующих правосудия.

— Мой господин, — произнес наконец Пейна, — еще три часа назад судьбе было угодно сделать вас королем.

Питер удивленно взглянул на него, но промолчал.

— Да, — продолжал Пейна, будто Питер что-то *ответил*. Королевские судьи важно кивнули. — Коронации не было, но коронация — для публики. Короля делают Бог, закон и время, а не коронация. Вы — король и по закону можете командовать мной, ими и всем королевством. И это ставит нас перед ужасной дилеммой. Вы это понимаете?

— Да, — мрачно кивнул Питер. — Вы считаете, что ваш король — убийца.

Пейна был немного удивлен такой откровенностью, но не слишком. Питер всегда был откровенен, и теперь его откровенность, даже будь она глупой мальчишеской бравадой, могла существенно ускорить дело.

— Не важно, что считаем мы, мой господин. Вину определяет только суд, так меня учили. Из этого правила есть лишь одно исключение — король выше суда. Вы понимаете?

— Да.

— *Но*, — Пейна поднял палец, — это преступление совершено до того, как вы стали королем. Насколько мне известно, в Делейне такого никогда еще не случалось. Последствия могут быть ужасны. Анархия, хаос, гражданская война. Чтобы избежать этого, нам требуется ваша помощь.

Питер посмотрел на него и сказал:

— Я помогу вам, чем смогу.

И, надеюсь, ты согласишься с моим предложением, подумал Пейна. Он почувствовал, как со лба у него стекают новые струйки пота, но не стал их вытирать. Питер чертовски хорошо соображает — он может принять это за признак слабости. *Если у тебя хватило духу убить собственного отца, то, обещая помогать нам, не надеешься ли ты, что в ответ мы поможем тебе и закроем дело? Но тут ты ошибаешься, мой господин!*

Флегг, почти читающий эти мысли, еле успел прикрыть рукой улыбку. Пейна, ненавидящий его, сделался его лучшим, хоть и невольным помощником.

— Я хочу, чтобы вы отложили коронацию.

Питер с изумлением взглянул на Пейну:

— Отказаться от трона? Не знаю, господин судья... я должен сначала подумать. Как бы не навредить королевству таким сильным лекарством.

Умен, одновременно отметили Пейна и Флегг.

— Нет, мой господин, вы не так поняли. Речь не идет об отречении. Вы только отложите коронацию, пока дело не разрешится. Если вас признают невиновным...

— А я невиновен. Правь мой отец хоть до моей собственной старости, я был бы только счастлив. Я хотел лишь служить ему и любить его.

— Но ваш отец мертв, и вы под подозрением.

Питер кивнул.

— Если вас признают невиновным, вы взойдете на престол. Если же вас признают виновным... — Королевские судьи нервно заерзали, но Пейна казался невозмутимым: — Если вас признают виновным, вы проведете остаток своей жизни на верхушке

Иглы. Член королевской семьи не может быть казнен по закону тысячелетней давности.

— И Томас станет королем? — задумчиво спросил Питер. Флегг насторожился.

— Да.

Питер задумался. Он выглядел ужасно усталым, но не испуганным, и это не нравилось Флеггу.

— А если я откажусь?

— Тогда вы станете королем, невзирая на обвинения. И многие ваши подданные будут верить, что ими правит человек, убивший родного отца. Я думаю, это в скором времени вызовет мятежи и волнения. Что касается меня, то я буду вынужден оставить свой пост и уехать. Я не могу служить королю, который не уважает закон.

В зале повисло долгое молчание. Питер сидел, опустив голову. Все ждали. Теперь даже у Флегга сбежала со лба ледяная змейка пота.

Наконец Питер поднял на них взгляд.

— Ладно, — сказал он. — Я отложу коронацию, пока не докажу свою невиновность. Вы, Пейна, будете и впредь служить королевству. Желаю, чтобы суд состоялся завтра же. Я подчинюсь его решению. Но судить меня будете не вы.

Все присутствующие невольно подтянулись, услышав властные нотки в голосе юноши. Хотя если бы это слышал конюший Иосиф, он не удивился бы — ему довелось слышать этот тон намного раньше, когда Питер был еще мальчишкой.

— Судьей будет один из этих четверых, — продолжал Питер. — Я не допущу, чтобы меня судил человек, который в глубине души уже поверил в мою виновность.

Пейна почувствовал, что краснеет.

— Один из вас. — Питер повернулся к королевским судьям. — Возьмите три черных камня и один белый и тяните. Кто вытянет белый, будет вести процесс. Вы согласны?

— Да, мой господин. — Пейна изо всех сил старался прогнать предательский румянец со щек.

Флегг опять сдержал улыбку. *Мой маленький глупый господин, это единственный приказ, который тебе суждено отдать как королю Делейна*, подумал он.

43

Встреча началась в три, а кончилась без четверти четыре. Сенаты и парламенты тратят дни и месяцы на принятие самых незначительных решений, но все важные вещи решаются быстро. И уже через три часа, когда начало темнеть, Питер понял, что, как ни ужасно это звучит, его признают виновным.

Мрачные молчаливые стражи отвели юношу обратно в его покои. Пейна сказал, что ужин ему принесут.

Это сделал угрюмый гвардеец с заросшим шетиной лицом. Он держал поднос с тарелкой тушеного мяса и стаканом молока. Когда гвардеец вошел, Питер встал и потянулся за подносом.

— Погоди-ка, мой господин, — прорычал гвардеец. — Я должен кое-что добавить. — С этими словами он плюнул на поднос. — Вот, держите.

Питер не двигался. Он был ошеломлен:

— Почему ты сделал это? Почему плюнул в тарелку?

— А разве сын, убивший отца, заслуживает лучшего, *мой господин?*

— Нет. Но не тот, кого еще не осудили за содеянное. А теперь заberi это и принеси мне новый ужин. Даю тебе пятнадцать минут, иначе проведешь эту ночь в самой глубокой темнице замка.

Безобразная ухмылка гвардейца на миг исчезла, потом появилась опять.

— Не думаю, — сказал он, наклоняя поднос все сильнее и сильнее, пока тарелка со стаканом не полетела вниз, звонко разбившись о каменный пол.

— Вылижи это. Вылижи, как пес.

Гвардеец повернулся, чтобы уйти, и тут Питер ударил его по щеке. Пощечина была громкой, как пистолетный выстрел.

Гвардеец с рычанием потянул из ножен меч.

Улыбаясь одними губами, Питер подставил ему шею:

— Давай! Если ты можешь плюнуть другому в тарелку, то, должно быть, сумеешь и перерезать горло безоружному. Давай. Свиньи тоже Божьи твари, и если Бог захотел оборвать мою жизнь и послал для этого такую свинью, как ты, то я не стану противиться.

Гнев гвардейца перешел в смятение. Минуту спустя он спрятал меч.

— Не хочу пачкать клинок, — проворчал он еле слышно, почти прошептал.

— Принеси мне новый ужин, — сказал Питер спокойно. — Я не знаю, кто и что тебе наболтал, и мне нет до этого дела. Не знаю, почему ты так легко осудил меня до суда, до этого мне тоже нет дела. Но ты принесешь мне ужин вместе с салфеткой, или я позову Пейну, и тебе придется ночевать рядом с Флеггом. Моя вина не доказана, и я еще могу заставить себя слушаться.

Гвардеец становился все бледнее — не только потому, что Питер говорил правду, но и из-за того, что поверил друзьям, убедившим его в виновности Питера. Теперь он сомневался. Принц вовсе не казался ему виноватым.

— Да, мой господин, — пробормотал он и вышел.

Через несколько минут вошел капитан стражи.

— Мне показалось, я слышал шум. — Его взгляд упал на осколки. — Что здесь случилось?

— Ничего особенного, — спокойно ответил Питер. — Я уронил поднос, и гвардеец пошел за новым.

Капитан кивнул и вышел. Через десять минут раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Питер.

В дверь протиснулся стражник с новым подносом.

— Простите, мой господин. Никогда в жизни я так не делал. Не знаю, что на меня нашло.

Питер только махнул рукой. Он ощущал невероятную усталость.

— Скажи, другие думают так же? — спросил он. — Другие стражники?

— Мой господин, я сам так не думаю.

— Но другие считают, что я виновен?

После долгой паузы солдат кивнул.

— И почему же?

— Они говорят про сгоревшую мышь... и про то, что вы заплакали, когда Пейна вас обвинил...

Питер кивнул. Да, плакать тогда было нельзя, но что теперь делать?

— Но чаще всего говорят, что вы хотели стать королем и поэтому сделали это.

— Что я хотел стать королем и поэтому сделал это, — эхом повторил Питер.

— Да, мой господин. — Стражник мрачно глядел себе под ноги.

— Спасибо. Можешь идти.

— Мой господин, простите ме...

— Я прощаю тебя. Иди. Мне надо подумать.

Гвардеец вышел с таким видом, будто жалел, что родился на свет.

Питер расправил салфетку, но есть ему не хотелось. Он смотрел на салфетку и думал о своей матери. Он был рад, что она не дожила до этого. Он всегда был счастливым, блестящим мальчиком, которого, казалось, не могло коснуться никакое горе. Теперь все горе, накопившееся за шестнадцать лет, выплеснулось на него разом.

Но чаще всего говорят, что вы хотели стать королем и поэтому сделали это.

Он, кажется, понял. Они хотели доброго короля. Но еще хотели верить, что чудом спаслись от короля злого. Хотели тайн, хотели зловещих сказок об убийствах королев. *Говорят, что вы хотели стать королем.*

Пейна тоже в это верит, подумал Питер, и этот гвардеец, и это не бред. Меня, меня обвиняют в убийстве отца, и вся моя любовь к нему не в силах это опровергнуть. Потому что кто-то хочет, чтобы я был виновен.

Питер аккуратно свернул салфетку и накрыл ею поднос. Он так и не стал есть.

44

Потом был суд, о котором вы можете узнать подробнее, если захотите. А я изложу только суть дела: Питера, сына Роланда, привела на суд сгоревшая

мышь; его осудили на встрече семи человек, которая не была судом, а приговор вынес простой солдат, плюнув ему в тарелку. Вот и вся сказка, а сказки иногда более правдивы, чем история.

45

Когда Ульрик Викс, который вытащил белый камешек и занял место Пейны, огласил приговор суда, зрители, многие из которых еще недавно ждали, что Питер станет лучшим королем за всю историю Делейна, бешено зааплодировали. Они вскочили на ноги и, если бы не шеренга гвардейцев с обнаженными мечами, отменили бы приговор суда и вместо заключения в Игле линчевали бы принца на месте. Когда его уводили, плевки сыпались на него дождем, но он не опускал головы.

Слева от зала суда открывалась дверца в узкий проход. Шагов через сорок начинались ступеньки, которые вели вверх и вверх, до самой вершины Иглы, где теперь находились «покои» Питера. Всего ступенек было триста. Мы еще вернемся к Питеру, потому что его история, как вы догадываетесь, не закончена; но сейчас не станем подниматься вместе с ним — ведь это путь позора: от трона, который остался внизу, до вечной тюрьмы, что ждала наверху, и никому, ни одному человеку, нельзя пожелать пройти такой путь.

Давайте лучше посмотрим, что случилось с Томасом, когда он очнулся от болезни и узнал, что стал королем Делейна.

46

— Нет, — прошептал Томас испуганно. Глаза его лихорадочно блеснули на бледном лице. Губы дрожали. Флегг только что сообщил ему новость, но казалось, что ему предлагают не корону, а смертную казнь — так он перепугался. — Нет, — повторил он. — Не хочу быть королем.

И это была правда. Он всю жизнь завидовал Питеру, но кое-чему он не завидовал никогда: тому, что Питер станет королем. Томасу трон не снился даже в страшном сне. И вот страшный сон стал явью — Питер заключен в тюрьму за убийство отца, а Флегг пришел и говорит, что теперь он король.

— Нет, я не могу... *не хочу* быть королем. Я... я отказываюсь! **Я РЕШИТЕЛЬНО ОТКАЗЫВАЮСЬ!**

— Ты не можешь отказаться, Томас, — сказал Флегг твердо. Он уже знал, как нужно говорить с Томасом: дружелюбно, но твердо. Флегг понимал: он сейчас нужен Томасу больше, чем когда-либо, но и он зависел от Томаса куда больше, чем раньше. А управлять этим нервным, издерганным мальчиком было не так уж легко.

Ты нуждаешься во мне, Томми, но я не так глуп, чтобы говорить тебе это. Ты сам должен сказать. Чтобы не возникало вопроса, кто кому обязан. Потом может быть, но не сейчас.

— *Не могу отказаться?* — прошептал Томас. Услышав новость, он приподнялся на локтях, а теперь снова упал на подушки. — Мне плохо. Похоже, лихорадка возвращается, пошли за доктором. Мне нужно лечиться. Я...

— Ты в порядке, — возразил Флегг. — Я сам тебя лечил, никакой лихорадки уже нет, и все, что тебе

нужно, — это немного свежего воздуха. Но если хочешь, чтобы то же самое сказал доктор (он подпустил в голос немного недовольства), то тебе достаточно позвонить. — Флегг указал на звонок и иронически улыбнулся. — Я, конечно, понимаю, что тебе хочется спрятаться в кровати, но я, твой друг, говорю: это обманчивое убежище.

— Обманчивое?

— Советую тебе встать и постараться поскорее восстановить силы. Тебя должны короновать не позднее чем через три дня. Если откажешься идти сам, тебя отнесут на площадь прямо на кровати. Конечно, это не слишком удачное начало царствования, но Пейна распорядился закончить все как можно быстрее.

Томас лежал на подушках, пытаясь переварить эту информацию. Глаза его от страха скосились, как у кролика.

Флегг тем временем накинул на плечи плащ с красной подкладкой. Потом надел на шею золотую цепь. Затем взял посох с серебряным набалдашником и поклонился Томасу. Все это испугало Томаса еще больше. Флегг так нужен ему в этот момент, а он выглядит...

Он выглядит собравшимся в путешествие.

Его прежний страх показался ерундовым в сравнении с тем, что сдавил сердце в этот миг.

— А теперь, дорогой мой Томми, желаю тебе всего самого хорошего, долгого и счастливого правления... Прощай!

Он направился к двери, думая уже, что мальчишка не сможет выговорить ни слова и придется самому изобретать предлог, чтобы остаться, но тут Томас еле слышно прошептал:

— Постой!

Флегг повернулся, изображая вежливое удивление:

— Да, мой король.

— Куда... куда ты?

— Ну... — Флегг казался удивленным, будто они с Томасом не раз уже говорили об этом. — Начну с Андуа. Там много хороших моряков, а я еще не был в землях за Утренним морем. Знаешь, капитаны охотно берут чародеев на борт, чтобы те предсказывали погоду или успокаивали ветер. А если им нужны простые матросы, то я, хоть уже и немолод, не разучился еще поднимать паруса. — Улыбаясь, он жестом показал, как это делается, не выпуская из рук посоха.

Томас опять приподнялся на локтях.

— Нет! — Он почти кричал. — Нет!

— Мой король...

— *Не называй меня так!*

Флегг вернулся к кровати. Теперь на лице его отразилось глубокое сочувствие.

— Ну тогда *Томми*. Дорогой мой Томми. Что с тобой?

— Что со мной? *Что со мной?* Как можно быть таким *бестолковым*? Мой отец отравлен, Питер сидит в башне, я должен стать королем, ты уходишь и еще спрашиваешь, *что со мной!* — У Томаса вырвался странный скрипучий смешок.

— Так уж случилось, Томми.

— Я не могу быть королем. — Томас схватил Флегга за руку, глубоко впившись ногтями в холодную плоть чародея. — Питер должен быть королем, он умный, а я глупый. Я всегда был глупым. Я не могу!

— Королей делает Бог, — произнес Флегг. *Бог... и еще чародеи*, подумал он. — Бог сделал королем *тебя*, Томми, и ты *будешь* королем.

— Не буду! Я убью себя!

— Ты не сделаешь этого.

— Нет, сделаю! Лучше это, чем смерть от страха во время коронации!

— Ты будешь королем и ничего не бойся. А мне надо идти. Ночи сейчас холодные, и я хочу выйти из города засветло.

— Нет, постой! — Томас уцепился за плащ Флегга. — Раз уж я должен стать королем, оставайся и будь моим советником, как был у отца. Не уходи! Ты ведь был здесь всегда, зачем тебе уходить?

Ну вот, наконец, подумал Флегг. Вот и хорошо. Это по-настоящему ЗАБАВНО.

— Мне тяжело уходить, — сказал Флегг печально. — Очень тяжело. Я люблю Делейн. И люблю тебя, Томми.

— Так оставайся!

— Ты не понимаешь моего положения. Андерс Пейна *очень* могуществен, и он меня не любит. Иногда я даже думаю, что он меня ненавидит.

— Почему?

Отчасти потому, что знает, как давно — очень давно — я здесь нахожусь. А главное, думаю, оттого, что чувствует, что я значу для Делейна.

— Трудно сказать, Томми. Думаю, просто потому, что могущественные люди не любят тех, кто может стать такими же могущественными, как они. Особенно советников короля.

— Но ты ведь был советником моего отца.

— Вот именно. — Он на миг сжал руку Томаса, потом отпустил и горько вздохнул. — Королевские советники очень похожи на оленей в Королевском заповеднике. Их любят и кормят из рук, но слишком часто эти олени заканчивают жизнь на столе коро-

ля, когда ему не удастся добыть дикого оленя. А когда король умирает, исчезают и его старые советники.

Томас выглядел встревоженным:

— Пейна тебе угрожал?

— Нет... он был очень добр. Очень терпелив. Но я заглядывал ему в глаза и знаю, что его терпение долго не продлится. Его глаза сказали, что климат Андуа будет для меня здоровее. — Он встал и решительно взялся за посох.

— Стой! — снова крикнул Томас, и по лицу принца Флегг понял, что все его желания будут выполнены. — Если мой отец защищал тебя, как своего советника, стань *моим* советником, и никто тебя не тронет.

Флегг притворился, что размышляет.

— Да... может быть... если ты дашь понять Пейне... *очень ясно* понять, что любое действие против меня повлечет королевский гнев...

— Да! Именно! — воскликнул Томас. — Так ты останешься? Прошу тебя! Если ты уйдешь, я действительно убью себя! Ведь я ничего не знаю о том, как быть королем.

Флегг стоял, опустив голову, и, кажется, думал. На самом деле он улыбался.

Но когда он поднял голову, лицо его было серьезно.

— Я служил Делейну почти всю жизнь, — сказал он, — и раз ты просишь, чтобы я остался... я останусь и буду служить тебе всеми силами...

— Прошу! — дрожащим голосом выкрикнул Томас.

Флегг опустился на одно колено:

— Мой король!

Томас, облегченно всхлипывая, кинулся в объятия Флегга.

— Не плачь, мой маленький король, — прошептал чародей. — Все будет хорошо и для тебя, и для королевства. — Он улыбнулся шире прежнего, обнажая очень белые, очень крепкие зубы.

47

Ночью накануне дня коронации Томас не сомкнул глаз, а утром на него одновременно напали сильнейшая тошнота и понос. Звучит комично, но, если подумать, ничего смешного в этом нет. Томас был еще мальчиком, а многие ли взрослые смогли бы в его положении сдержать страх? Томас позвонил и велел слуге срочно привести Флегга. Слуга, напуганный бледностью господина и запахом рвоты в комнате, чуть не бегом ворвался в кабинет чародея.

Флегг, отлично понявший, в чем дело, просил передать, что бояться нечего и что он будет через двадцать минут.

— Я не могу, — простонал Томас, когда Флегг вошел к нему. — Не могу быть королем. Прошу тебя, останови это, а то меня стошнит прямо перед Пейной и перед всеми, стошнит или... или...

— Все будет хорошо, — спокойно сказал Флегг. Он изготовил лекарство, способное на время обуздать желудок Томаса и заткнуть его кишечник. — На, выпей.

Томас подчинился.

— Я умираю, — пожаловался он. — Мне не придется убивать себя. Мое сердце просто разорвется от

страха. Отец говорил, что зайцы иногда умирают так, когда попадут в капкан. От страха. Вот и я так умру... как заяц.

Отчасти ты прав, дорогой Томми, подумал Флегг. От страха ты не умрешь, но ты действительно заяц в капкане.

— Я думаю, скоро ты изменишь свое мнение. — Флегг уже протягивал ему второе лекарство успокаивающе-розового цвета.

— Что это?

— То, что успокоит тебя и позволит уснуть.

Томас выпил. Флегг сел у него в ногах и держал за руку, пока он не заснул. По-своему Флегг действительно любил Томаса, но Саша тотчас распознала бы эту любовь — любовь хозяина к своему псу.

Он вылитый отец, думал Флегг, а старик этого так и не понял. Мы с тобой изрядно повеселимся, Томми, а потом я уйду... сначала недалеко. Хочу вернуться и полюбоваться на твою голову на шесте... и вскрыть ножом грудь твоему брату и съесть его сердце... сырым, как твой отец съел сердце того дракона...

Улыбаясь, Флегг вышел из комнаты.

48

Коронация шла своим чередом. Слуги Томаса (у него по молодости еще не было своего дворецкого) одели его в наряд из черного бархата, усыпанного драгоценными камнями (*Все мое*, подумал Томас с нарастающим восхищением. *Теперь все это мое*), и в высокие черные сапоги из самой лучшей кожи. Когда ровно в половине двенадцатого появился Флегг

и сказал: «Пора, мой король», — Томас уже нервничал гораздо меньше. Успокаивающее сработало на славу.

— Возьми меня за руку, — сказал он, — а то я могу споткнуться.

Флегг охотно выполнил эту просьбу. Так они и предстали перед придворными — Флегг вел юного короля под руку, будто тот был немощным старцем.

Они вместе вышли на залитую солнцем площадь.

Их встретил приветственный рев толпы, напоминавший гул волн, омывавших пустынные берега Восточного феода. Томас огляделся, изумленный таким шумом, и первой его мыслью было: *Где же Питер? Это ведь его приветствуют!* Потом он вспомнил... и почувствовал радость. Не только оттого, что его впервые так встречали, но и оттого, что Питер в своей башне — он знал это — тоже слышит эти крики.

Что теперь с того, что ты всегда учился лучше меня? — думал Томас, и эта мысль согревала его. *Что с того? Ты сидишь в Игле, а я... я король! Что с того, что ты каждый вечер приносил ему бокал вина и...*

Но при этой последней мысли его лоб залил липкий холодный пот, и он поспешно отогнал ее прочь.

Крики не смолкали, пока они с Флеггом шли по площади Иглы, а потом под аркой, образованной скрещенными мечами гвардейцев, которые снова надели парадные красные мундиры и волчьи шлемы. Томасу все это начинало нравиться. Он поднял руку в приветствии, и его подданные зашлись от восторга. Мужчины бросали вверх шляпы; женщины плакали. Воздух звенел криками: *Король! Король! Да здравствует король! Да здравствует Томас Светоносный! Долгой жизни королю!* Томас, еще мальчик, думал, что эти крики относятся к нему. Флегг, который, возможно,

никогда не был мальчиком, знал, что они просто приветствуют возвращение обычной жизни — то, что снова откроются магазины, что угрюмые солдаты не будут ночью дежурить вокруг замка, что можно напиться пьяным без риска проснуться ночью от рева толпы и треска пламени. Не более и не менее. Томас тут не так важен.

Но Флегг видел, что Томас этого не знает.

И не узнает, пока не будет слишком поздно.

Сама церемония была короткой. Андерс Пейна, выглядевший на двадцать лет старше, чем неделю назад, произносил торжественные фразы, и Томас в нужных местах говорил *да, нет и клянусь*. В конце церемонии, проходившей в такой тишине, что громадная толпа отчетливо слышала каждое слово, на голову Томаса была возложена корона. Томас поглядел вверх — туда, где в гладкой каменной стене Иглы, на самом верху, чернело единственное окошко. Он не видел Питера, но надеялся, что Питер там, что он смотрит и кусает губы, как часто кусал губы сам Томас, — до крови, до белых шрамов.

Слышишь, Питер? — кричал он про себя. Слышишь, как они МЕНЯ приветствуют? Наконец, наконец-то они приветствуют МЕНЯ!

49

В свою первую королевскую ночь Томас Светоносный проснулся с выпученными глазами, зажав руками рот, чтобы сдержать крик. Он увидел страшный сон, еще хуже тех, что преследовали его после посещения Восточной башни.

Он снова прятался в потайном коридоре и шпионил за своим отцом. Это была ночь, когда отец напился и разговаривал с головами на стене. Но в этот раз он говорил нечто другое.

— *Что ты уставился?* — кричал во сне отец, обращаясь к голове дракона. — *Он убил меня, и теперь твой брат осужден за это! Отвечай же, черт тебя поberi! Я делал все, что мог, и посмотри на меня теперь! Посмотри на меня!*

Отец начал гореть. Лицо его обугливалось, дым полз из глаз, из носа, изо рта. Он корчился в агонии, и Томас видел, как горят его волосы.

Вино! — вспомнил он, проснувшись от ужаса. *Флегг принес ему бокал вина! Все знали, что Питер по вечерам приносит ему вино, и подумали, что это Питер! Но тогда вино принес Флегг, чего он никогда раньше не делал. И отравил его тоже Флегг! Он сказал, что этот яд у него украли, но...*

Он не мог думать дальше. Если он будет думать об этом...

— Он убьет меня, — прошептал Томас в ужасе.

Надо пойти к Пейне. Пейна его не любит.

Да, он мог это сделать. Но тогда Питер станет королем, а он навеки останется глупым принцем, просидевшим на троне всего один день.

За этот день Томас понял, что ему *нравится* быть королем — очень нравится, особенно имея в помощниках Флегга. Кроме того, он же ничего не знал наверняка. Он мог ошибаться.

Он убил меня, и теперь твой брат осужден за это.

Нет, думал Томас, это, должно быть, ошибка, это *должно быть* ошибкой. Он повернулся на бок, потом на другой и в конце концов уснул.

В последующие годы эти кошмары повторялись — отец обвинял его и после исчезал в пламени. За эти годы Томас понял, что тайна и вина никогда не оставляют человека в покое, но с ними можно жить.

50

Если бы вы спросили Флегга, он бы усмехнулся и сказал, что, по его мнению, Томас не способен что-либо утаить ни от кого, кроме разве что от последнего болвана. И уж конечно, не от человека, возведшего его на трон. Но люди, подобные Флеггу, горды и самоуверенны и часто не видят того, что творится у них перед самым носом. Флегг так и не узнал, что Томас видел его в ту ночь.

Теперь и у Томаса была своя тайна.

51

С вершины Иглы Питер смотрел вниз, на коронацию. Как Томас и надеялся, он видел и слышал все, от первого момента, когда Томас, уцепившись за руку Флегга, появился на площади, до последнего, когда тот опять скрылся во дворце.

Он простоял у окна часа три, хотя церемония давно уже закончилась. Толпа расходилась, возбужденно обмениваясь впечатлениями. Один рассказывал другому, где он был, когда услышал о смерти старого короля, и потом они вдвоем пересказывали это третьему. Женщины наконец вволю оплакали

Роланда Доброго, не забывая обсудить, как выглядел новый король и *как спокойно* он держался. Дети играли в короля, падали, разбивали носы, плакали, потом смеялись и опять играли. Мужчины хлопали друг друга по спине, говоря, что теперь все будет хорошо — неделя была ужасная, но теперь уж точно все будет хорошо. За этими словами проглядывала неловкость, словно они понимали, что все не так уж хорошо.

Питер тоже чувствовал это в своей камере, но не мог никому рассказать.

Уже открылись пивные — якобы в честь коронации, а на самом деле просто потому, что нужно было работать. К семи вечера весь город был пьян. Народ высыпал на улицы, прославляя Томаса Светоносного или ругаясь друг с другом.

Когда гуляки начали наконец расходиться, Питер отошел от окна и сел на единственный стул в своей «гостиной». Он сидел и смотрел, как за окном сгущаются сумерки. Принесли ужин — жирное мясо, водянистый эль и хлеб, такой черствый, что Питер мог бы оцарапать им горло, если бы ел. Но он не ел.

Около девяти, когда улицы опять начали заполняться хмельной толпой, Питер пошел во вторую комнату, умылся холодной водой из тазика и помолился, став на колени. После этого он лег в постель. Ему дали только одно тонкое одеяло, хотя в комнате было очень холодно. Он укрылся до подбородка, подложил руки под голову и долго лежал так.

Снизу доносились крики и смех. То и дело взлетали ракеты, а один раз прогрехотал выстрел — пьяный солдат устроил салют, за что на следующий день был отправлен на самую дальнюю границу. Порох в Делейне был редкостью, и к нему относились с опаской.

Где-то около часа Питеру удалось наконец уснуть.

Проснулся он в семь. Дрожа от холода, стал на колени и помолился, выдыхая вместе со словами белые облачка пара. Потом оделся, пошел в «гостиную» и часа два стоял у окна, глядя, как просыпается город. Пробуждение шло медленнее, чем обычно: у большинства взрослых головы разламывались от выпитого накануне. Они медленно тащились на работу; многих кулаками гнали сердитые жены, без всякого сочувствия к их головной боли. (У Томаса тоже болела голова, но у него хотя бы не было сердитой жены.)

Принесли завтрак. Главный тюремщик Бесон, тоже страдавший от похмелья, потчевал Питера овсянкой на воде, прокисшим молоком и тем же черствым хлебом. Это совсем не напоминало завтраки, которые подавал Питеру Деннис, и он опять не стал есть.

В одиннадцать тюремщик молча унес еду.

— Похоже, парень решил голодать, — сказал он Бесону.

— Ну и ладно, — заметил главный тюремщик. — Избавит нас от труда его кормить.

— Наверное, он боится яда, — предположил один из подчиненных, и Бесон, несмотря на головную боль, расхохотался. Хорошая шутка!

Питер большую часть дня просидел на стуле в «гостинной». Иногда он вставал и смотрел в окно. На окне не было решеток — никто не беспокоился, что заключенный сможет сбежать. Стена Иглы была совершенно гладкой. По ней могла спуститься муха, но не человек.

А если у него хватит ума прыгнуть, что с того? Государство только сэкономит на содержании одного убийцы, пусть и голубой крови.

Солнце начало двигаться к закату. Питер сидел и смотрел, как его тень перемещается по комнате. Принесли ужин — снова жирное мясо, водянистый эль и черствый хлеб. Он снова ни к чему не притронулся.

Когда солнце зашло, он сидел в темноте до девяти, потом отправился в спальню. Умылся, помолился, лег в постель. Снова лежал, подложив руки под голову, и думал. Около часа он уснул.

Так было и на другой день.

И на третий.

Всю неделю Питер ничего не ел, ничего не говорил и ничего не делал — только стоял у окна или сидел на стуле, глядя, как солнце ползет по полу, а потом по стене до потолка. Бесон думал, что юноша помешался от горя. Такое случалось иногда, особенно у знатных. Он может умереть, и черт с ним.

Но на восьмой день Питер позвал Арона Бесона и дал ему поручение... и дал его не как узник.

Как король.

52

Питер *испытывал* горе, но не такое сильное, как предполагал Бесон. Он всю неделю тщательно обдумывал свое положение и решил действовать. Конечно, он чувствовал усталость и отчаяние, но твердо помнил одно: он не убивал своего отца, пусть даже все в королевстве верили в это.

В первые дни Питера еще одолевали бесполезные чувства. Ребенок в его душе кричал: *нечестно! Это нечестно!* Конечно, оно так и *было*, но что толку?

Постепенно он начал восстанавливать контроль над собой. После двух-трех дней голодовки он начал слышать свои мысли. Он ощущал себя легким и пустым... как стакан, ждущий, чтобы его наполнили. Он молился, зная, что не просто молится, а говорит сам с собой, обсуждая то, что с ним случилось.

Он не убивал отца. Это — первое. Кто-то подстроил так, что его обвинили в убийстве. Это — второе. Кто? Во всем Делейне был лишь один человек, который *мог* это сделать, который знал, что такое Драконий Песок.

Флегг.

Все понемногу прояснялось. Флегг знал, что при Питере ему не будет места в королевстве. Флегг заставил Томаса дружить с ним... и бояться его. Каким-то образом Флегг отравил отца и создал видимость, что это сделал он, Питер.

Питер понял это на третий день царствования Томаса.

Так что же ему делать? Смириться? Он не мог смириться с этим. Сбежать? Но никто никогда не бежал из Иглы.

Кроме...

Вдруг он вспомнил. Это было на четвертый вечер. Он поглядел на поднос с нетронутым ужином. Жирное мясо, водянистый эль, черствый хлеб. Никакой салфетки.

Кроме...

Сбежать можно. *Можно*. Это очень опасно и очень долго. Скорее всего ничего не получится. Но... способ все-таки есть.

А если он все-таки сбежит? Как уличить настоящего убийцу? Питер не знал. Флегг был опытной старой змеей и не оставлял следов. Удастся ли Пи-

теру выудить у него признание? Ведь Флегг может просто растаять как дым, если узнает о бегстве Питера. А если он все же признается, поверят ли ему?

Да, он сознался в убийстве Роланда, скажут люди. Питер, сбежавший отцеубийца, приставил ему нож к горлу, и он сознался. Тут и я бы сознался в чем угодно, хоть в убийстве Бога!

Вы, наверное, удивитесь, как мог Питер думать о таких вещах, сидя в своей камере в трехстах футах над землей. Но я уже сказал, что Питер увидел путь к спасению. Однако какой смысл бежать, прилагая к тому огромные усилия, подвергая жизнь риску, если это ни к чему не приведет? Или приведет только к еще большему ущербу для королевства?

Питер думал об этом снова и снова. На седьмой день он решил: лучше попытаться, чем просто сидеть здесь и ждать смерти. Допущена несправедливость. Странно — его больше волновало это, а не то, что несправедливо обошлись именно с ним. Допущена несправедливость, и это нужно исправить, пусть даже ценой жизни.

На восьмой день царствования Томаса он позвал Бесона.

53

Бесон слушал речь принца с недоверием и нарастающим гневом. Едва Питер закончил, главный тюремщик разразился градом таких ругательств, что от них покраснел бы и конюх.

Питер выслушал их молча.

— Ах ты, щенок сопливый! — закончил Бесон почти с изумлением. — Ты, кажется, еще думаешь,

что живешь во дворце и можешь командовать слугами всякий раз, когда тебе захочется шевельнуть пальцем? Ну уж нет, *сир*! Ты крупно ошибаешься!

Бесон нависал над принцем, выпятив щетинистый подбородок, но Питер не отошел, хотя запах, исходивший от этого типа, был невыносим: дрянное прокисшее вино и застарелая грязь. Между ними не было решетки: Бесон не боялся заключенных, а тем более не боялся этого сопливого крысенка. Главный тюремщик был пузатым широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. Его красное лицо, теперь еще больше покрасневшее от гнева, обрамляли космы сальных волос.

Он сжал левую руку в кулак и поднес к носу Питера. Правую же сунул в карман, нащупывая гладкий металлический цилиндр. Один удар этим нехитрым приспособлением мог разворотить человеку челюсть, и Бесон не раз убеждался в этом.

— Засунь свои *просьбы* себе в задницу, мой дорогой, вместе со всей прочей ерундой. И в следующий раз, если вздумаешь лезть ко мне с *этим*, то подавишься собственными зубами. Понял?

Он неторопливо повернулся и пошел к двери, окруженный облаком вони.

— Боюсь, ты совершаешь очень серьезную ошибку. — Питер произнес это тихо, но отчетливо.

Бесон круто повернулся:

— *Что* ты сказал?

— Ты слышал. И в следующий раз изволь говорить со мной как подобает, вонючая старая брюква. Я не потерял ни одного из своих предков, пока поднимался сюда.

На миг Бесон потерял дар речи. Рот его открывался и закрывался, как у выброшенной на берег

рыбы — хотя поймай какой-нибудь рыбак рыбу такую же уродливую, как Бесон, он немедленно бросил бы ее обратно. Холодная, почти брезгливая речь Питера наполнила тюремщика яростью. Сами просьбы узника его не очень беспокоили, но тон и вид юного принца означали, что умирать он явно раздумал.

Перспективы сонных, спокойных дней и веселых ночей внезапно померкли. Этот парень выглядел очень сильным, очень уверенным. Бесону светила возможность глядеть на него до конца своих дней. И еще...

Вонючая брюква? Он действительно назвал меня вонючей брюквой?

— О мой дорогой принц, — произнес Бесон. — Похоже, это ты сделал ошибку... но обещаю, что ты никогда ее не повторишь. — Его губы раздвинулись в улыбке, обнажив почерневшие остатки зубов. Теперь, перед атакой, он двигался с необычным проворством. Его правая рука вылетела из кармана, сжимая кусок металла.

Питер шагнул назад, переводя взгляд с лица Бесона на его кулак и обратно. За спиной тюремщика решетчатое окошко на двери было открыто, и в него заглядывали двое стражников, ожидая начала потехи.

— Ты знаешь, что узники королевской крови по традиции пользуются некоторыми привилегиями, — сказал Питер, делая еще шаг назад. — И я не просил ничего недозволенного.

Улыбка Бесона сделалась еще шире. Ему показалось, что в голосе Питера прозвучал страх. Но он ошибался и очень скоро понял это.

— За привилегии надо платить, мой дорогой принц. — Бесон потер друг о друга большой и указательный пальцы левой руки.

— Если ты хочешь, чтобы я заплатил, я заплачу, — сказал Питер. — Только прекрати так себя вести.

— Боишься?

— Если кто здесь и боится, то это, по-моему, ты, — сказал Питер. — Ты ведь собираешься напасть на брата короля.

Удар попал в цель, и на мгновение Бесон заколебался. Потом оглянулся, увидел в окошке лица стражников, и лицо его потемнело. Если он отступит, где будет его авторитет?

Ухмыляясь, тюремщик ринулся вперед, поднимая кулак с зажатым железом. Он уже слышал жалобные вопли принца, падающего на пол с разбитым лицом...

Питер отскочил, двигаясь легко, как в танце. Он схватил руку Бесона, не удивившись ее тяжести — сквозь сомкнутые пальцы он заметил блеск металла, — и рванул изо всех сил. Тело главного тюремщика врезалось в стену «гостиной». В глазах у него заискрились звезды; цилиндр выпал и покатился по полу. Питер тут же с кошачьей ловкостью подхватил его.

Этого не может быть, тупо подумал Бесон. Этого просто не может быть.

Он никогда раньше не боялся входить в камеру на вершине Иглы, кто бы там ни сидел — дворянин, барон, принц. О, тут бывали славные схватки, и он им всем показал, кто хозяин. Там, внизу, они могли распоряжаться, но здесь он был главным, и они в конце концов подчинялись его власти. А этот *мальчишка*...

Урча от гнева, Бесон отлепился от стены и кинулся на Питера, который тем временем зажал в кулаке металлический цилиндр. Стражники смотрели на происходящее, даже не пытаясь вмешаться; они, как и Бесон, не верили своим глазам.

Теперь тюремщик больше не пытался напугать, унизить своего пленника — он хотел только схватить Питера, бросить на пол и потом топтать ногами.

Но впереди, как ни странно, никого не оказалось. Питер с волшебной быстротой отскочил в сторону и, пока грузный тюремщик пытался повернуться, трижды ударил его. Со стороны эти удары казались легкими, и если бы их увидел сам Бесон, то рассмеялся бы и обозвал их «детскими».

Но ему они вовсе такими не показались. Каждый удар был нанесен с замахом от плеча, как учил Питера тренер по боксу, приходивший к нему дважды в неделю на протяжении последних шести лет. Бесон чувствовал себя так, будто его трижды лягнул очень норовистый пони с очень крепкими копытами. Один раз в его голове вспыхнуло синее пламя — это треснула скула. Он отлетел к стене, как тряпичная кукла, и сполз по ней на пол, глядя на принца с тем же недоверием, к которому теперь примешивался страх.

Стражники у двери так и застыли. Бесона поколотил *мальчишка*? В это было так же трудно поверить, как в ливень с ясного неба. Один из них посмотрел на ключ в руке, подумал и сунул его в карман — так легче притвориться, что вовсе о нем забыл.

— Теперь ты готов поговорить? — Питер произнес это, даже не запыхавшись. — Я же прошу у тебя только две мелочи, за которые к тому же ты будешь щедро вознагражден. Ты...

Бесон с ревом снова кинулся на него. На этот раз Питер не ожидал атаки, но успел отскочить, как матадор от разъяренного быка. Однако один из длинных, больше похожих на когти ногтей тюремщика (дол-

гими зимними вечерами он любил рассказывать подчиненным, как однажды разорвал ногтями узнику горло от уха до уха) прочертил кровавую полосу на левой щеке принца, чудом не попав в глаз.

Питер тоже рассвирепел. Все беды и унижения последних десяти дней вдруг сошлись у него в голове, и на миг — только на миг — ему захотелось убить тюремщика, а не просто научить его правилам хорошего тона.

Когда Бесон повернулся, на него обрушился град ударов правой. Сами удары были несильными, но полтора фунта металла в кулаке Питера превратили их в торпеды. Бесон взревел и опять кинулся на Питера, но тот встретил его прямым в челюсть. Выплывая зубы и подвывая, тюремщик кинулся к двери. Он забыл, что на него смотрят стражники; забыл о своем гневе; забыл обо всем, кроме простого животного желания выжить. Впервые за свою бытность главным тюремщиком Бесон испытал страх.

Самым страшным оказалось не то, что Питер побил его, Бесона били и раньше, пусть и не заключенные. Его испугал взгляд Питера. *Это был взгляд короля, спаси меня, Боже, лицо короля — ярость, пылающая, как солнце.*

Питер прижал Бесона к стене и поднял кулак:

— Ну что, брюква, хочешь еще?

— Нет, — пробормотал Бесон быстро распухшими губами. — Нет, мой король. Прошу прощения.

— Что? — Питер не верил своим ушам. — Как ты назвал меня?

Но Бесон молчал. Он произнес эту фразу бессознательно, после чего лишился чувств и забыл об этом. Но Питер не забывал ее никогда.

54

Бесон пролежал без сознания два часа. Если бы не хриплое, прерывистое дыхание, Питер мог бы подумать, что на самом деле убил главного тюремщика. Конечно, он был грязной вонючей свиньей, но Питер вовсе не хотел его убивать — кроме того краткого момента. Стражники продолжали смотреть в окно круглыми глазами, как дети в королевском зверинце смотрят на андуанского тигра-людоеда. Они не сделали никаких попыток спасти своего начальника, и по их лицам Питер видел, что они не удивятся, если он прыгнет на Бесона и зубами перервет ему глотку.

И почему они так думают? — с горечью спрашивал себя Питер. Потому что считают, что я убил родного отца, а от такого человека можно ожидать чего угодно, даже убийства беспомощного противника.

Наконец Бесон начал стонать и ворочаться. Глаза его раскрылись — вернее, правый глаз. Левый не открывался еще несколько дней.

Глаз смотрел на Питера не злобно, а скорее с опаской.

— Ты готов говорить спокойно? — осведомился Питер.

Бесон пробормотал что-то неразборчивое.

— Не понимаю.

— Ты мог меня убить, — выдавил наконец тюремщик.

— Я не хотел никого убивать, — возразил Питер. — А если мне и придется это делать, то начну я не с бесчувственного тюремщика.

Бесон присел у стены, глядя одним глазом на Питера с тем же смешанным выражением недоверия

и страха. Наконец он выдавил из себя еще одну фразу. Питер вроде бы расслышал, но хотел быть уверенным.

— Повторите, пожалуйста, господин главный тюремщик Бесон.

Бесон выглядел еще более изумленным. Как Иосифа никто не называл главным конюшим, так и его никогда еще не называли «господином главным тюремщиком».

— Можем договориться, — сказал он.

— Вот и хорошо.

Бесон медленно поднялся. Он не хотел больше связываться с Питером — во всяком случае, не сегодня. У него были другие дела. Стражники видели, как его бьют, и не шевельнули пальцем. Он еще покажет этим уродам... вот только отлежится.

Он уже шел к выходу, когда Питер окликнул его. Бесон повернулся.

— Подожди. Я должен тебе кое-что сказать. Кое-что важное для нас обоих.

Бесон молчал и ждал.

— Вели *им*, — Питер кивнул на дверь, — закрыть окошко.

Бесон еще некоторое время молчал, потом повернулся и отдал приказание.

Стражники все так же, щека к щеке, стояли у окошка, не понимая слов Бесона... или прикидываясь. Он облизнул языком разбитые губы и попробовал еще раз. Теперь они подчинились, но он успел услышать приглушенный смех за дверью. Да, их придется поучить. Но уроды учатся быстро. А этот принц уродом не был, и Бесон решительно не хотел с ним связываться.

— Я хочу, чтобы ты передал записку Андерсу Пейне, — сказал Питер. — Зайдешь за ней вечером.

Бесон собрал остатки мыслей. Пейна? Записка Пейне? Его уже прошиб озноб, когда Питер напомнил, что он брат короля, но это ничто в сравнении с Пейной.

Чем больше он думал, тем меньше ему нравилось происходящее.

Должно быть, король Томас не стал бы особенно заботиться о своем брате-отцеубийце. И что более важно, Бесон, как и все в Делейне, начинал уже поглядывать на юного короля снисходительно. Но Пейна...

Для Бесона Пейна был страшнее, чем целый полк королей. Король — это что-то отдаленное и загадочное, как солнце. Прячется ли солнце за тучами или палит во всю мочь — от вас это не зависит, потому что солнце действует не по тем законам, которые можно понять или изменить.

Пейна был другим. Его Бесон мог понимать и бояться. Пейна с его узким лицом и льдисто-голубыми глазами; Пейна с высоким кожаным воротником; Пейна, который решал, кто будет жить, а кто отправится на плаху.

Неужели этот парень собирается приказывать Пейне из своей камеры на вершине Иглы? Или это блеф?

Но это не может быть блефом, раз он хочет писать ему записку.

— Если бы я был королем, Пейна верно служил бы мне, — сказал Питер. — Сейчас я не король, а всего лишь узник. Но еще недавно я оказал ему услугу, за которую он должен быть благодарен.

— Я вижу, — стараясь не улыбаться, прокомментировал Бесон.

Питер вздохнул. На него вдруг навалилась ужасная усталость. Неужели он на самом деле сделал первый шаг к свободе, избив этого глупого тюремщика? Где гарантии, что Пейна захочет что-то для него сделать? Может, усталый ум Питера все это насочинял?

Но нужно попытаться. Разве не решил он для себя долгими бессонными ночами, что самый большой грех — сдаваться без борьбы?

— Пейна не друг мне, — продолжал Питер. — Я не стану уверять тебя в этом. Меня осудили за убийство отца, и не думаю, что во всем королевстве у меня остался хоть один друг. Но, надеюсь, Пейна не откажется дать вам немного денег за те мелочи, что я прошу.

Бесон кивнул. Заключение в Иглу лорды могли за деньги обеспечить себя едой, лучшей, чем жирное мясо и черствый хлеб, свежим бельем и даже визитами жен или подружек. Они происходили из богатых семей, в которых всегда находился кто-нибудь, чтобы оплатить Бесону эти услуги.

Это преступление было из ряда вон выходящим, но и в плательщики парень записал не кого-нибудь, а самого Андерса Пейну.

— И еще, — сказал Питер. — Я считаю, Пейна сделает это, как человек чести. И если ты со своими подручными решишь сегодня ночью отыгаться на мне, когда я буду спать, то, думаю, Пейна вмешается в это дело. — Он пристально поглядел на Бесона: — Ты меня понял?

— Да, — сказал Бесон и добавил: — мой господин.

— Ты дашь мне бумагу, перо и чернильницу?

— Да.

— Подойди.

С некоторыми колебаниями Бесон подошел к нему. Запах тюремщика был тошнотворен, но Питер

не отстранился. Запах преступления, в котором его обвинили, отбивал все остальные.

— Пршепчи мне на ухо, — тихо сказал он.

Бесон недоуменно моргнул:

— Что, мой господин?

— Сумму.

Немного подумав, Бесон назвал.

55

Один из стражников принес Питеру письменные принадлежности, которые тот просил. Поглядев на узника опасливым взглядом уличного, часто пинаемого кота, он поспешил уйти, боясь испытать на себе то, что досталось Бесону.

Питер, сидя у окна, смотрел на зажигающиеся внизу огни города и слушал свист ветра.

Уважаемый главный судья Пейна, написал он и остановился.

Скомкаете ли Вы это письмо не читая и швырнете в огонь? Или прочитаете и посмеетесь над дурачком, который убил отца и теперь осмеливается что-то просить у главного судьи королевства? Или вникнете в мою просьбу и догадаетесь, что я хочу сделать?

Настроение у Питера было хорошее, и он, подумав, ответил «нет» на все три вопроса. Такой человек, как главный судья, скорее представит себя танцующим в голем виде при луне на площади Иглы, чем допустит мысль об этом. *К тому же я прошу такую малость*, с улыбкой подумал Питер. *Надеюсь, он так и подумает.*

Он окунул перо в чернила и начал писать.

56

Следующим вечером, после того как пробило девять, дворецкий Андерса Пейны отворил дверь на непривычно поздний стук и недоуменно уставился на стоящего на пороге главного тюремщика. Арлен — так звали дворецкого, — конечно, видел Бесона раньше, но сейчас не узнал его. На лице тюремщика играла красно-желто-фиолетовая радуга. Левый глаз слегка приоткрылся, но до сих пор походил на щелку. Вечерний гость настолько походил на уродливый призрак, что Арлен попытался захлопнуть дверь перед самым его носом.

— Подожди, — промычал Бесон. — У меня письмо для твоего хозяина.

Дворецкий снова попробовал захлопнуть дверь. Распухшее лицо незнакомца пугало его. Может, это тролль из северных краев? Говорили, что последний из этого дикого племени умер или был убит еще в незапамятные времена, но кто знает...

— Я от принца Питера, — сказал Бесон. — Если ты непустишь меня, твой хозяин рассердится.

Арлен задумался. Если этот тип пришел от Питера, он, должно быть, тюремщик. Но...

— Ты не очень-то *похож* на Бесона, — заметил он.

— Ты тоже не очень-то похож на своего отца, но это неудивительно, потому что я знал твою мать. — Тролль оскалился и просунул в щель смятый конверт. — Вот, возьми, я подожду. Можешь закрыть дверь, хотя здесь и чертовски холодно.

Арлена это не интересовало. Он не собирался пускать это чудовище в дом, будь на улице хоть двадцать градусов мороза. Он взял конверт, закрыл дверь, запер ее, потом вернулся и запер на второй оборот.

57

Пейна сидел у себя в кабинете, смотрел на огонь в камине и думал. Томаса короновали всего полмесяца назад, а главному судье уже было не по себе. Флегг. Всему виной Флегг. Он получил гораздо больше власти, чем при Роланде. Тот был хотя бы мужчиной, пусть и тугодумом; а Томас всего-навсего мальчик, и Пейна боялся, что Флегг скоро начнет править королевством от его имени. Это было плохо для королевства... и еще хуже для Андерса Пейны, который никогда не скрывал своей нелюбви к чародею.

В кабинете, перед очагом, было тепло и уютно, но Пейна все равно чувствовал холод. Холодный ветер, дующий неведомо откуда и грозящий снести все...

Почему, Питер? Почему ты не мог подождать? И почему ты, казавшийся таким прекрасным, как румяное яблоко, оказался гнилым внутри? Почему?

Пейна не знал этого... и не признавался себе в том, что до сих пор сомневается, настолько ли Питер прогнил.

В дверь постучали.

Пейна вскинул голову и сердито крикнул:

— Входи! И лучше с добрыми вестями!

Вошел сконфуженный почему-то Арлен с конвертом в руке.

— Ну?

— Мой господин... там человек... во всяком случае, он *похож* на человека... лицо у него распухло, будто его сильно избили... и он...

— Ну и что? Ты же знаешь, я не принимаю так поздно. Скажи ему, пусть катится к черту!

— Он утверждает, что он Бесон, мой господин. — Арлен еще больше сконфузился. — Принес вот это. Говорит, что это письмо от принца Питера.

Сердце Пейны при этих словах подпрыгнуло, но он лишь грозно поглядел на дворецкого:

— Ну и что же?

— Не знаю, мой господин. — Арлен полностью потерял свою обычную выдержку. Раньше Пейна думал, что он сохранил бы ее даже в логове огнедышашего дракона. — Я думал...

— Так это *Бесон*, болван?

Арлен облизнул губы — *облизнул губы!* — неслыханно!

— Может быть, мой господин... он немного похож, но очень опухший. Я... мне кажется, он напоминает тролля, — выложил он итог своих раздумий, пытаясь скрасить его беспомощной улыбкой.

Это Бесон, подумал Пейна. *Это Бесон, и Питер каким-то образом избил его и заставил передать мне письмо. Таких можно заставить только битьем.*

Внезапно Пейну охватило странное чувство — словно его завели в темную пещеру и в темноте вдруг блеснул луч света.

— Давай письмо, — приказал он.

Рука Арлена дрожала. Это тоже было что-то новое.

Он позволил дворецкому дойти до двери, как опытный рыболов, приспускающий леску, а потом окликнул его.

Арлен резко обернулся.

— Никаких троллей нет. Разве мать тебе не говорила?

— Говорила, — с сомнением подтвердил Арлен.

— Она умная женщина. Впусти старшего тюремщика. Пусть посидит на кухне. Я не желаю его видеть,

от него воняет. Но ночь холодная,пусти его погреться. — Пейна заметил, что со дня смерти Роланда все ночи были холодными, как бы возмещая жар, сгубивший старого короля.

— Да, мой господин.

— Потом я позову тебя и скажу, что делать.

Арлен поклонился и вышел.

Пейна повертел конверт в руках, прежде чем открыть. Запечатано обычным свечным воском. Грязь и вонь, без сомнения, от сальных лап Бесона.

Может, было бы лучше бросить его в огонь и никогда больше о нем не вспоминать. Потом позвать Арлена, велеть накормить главного тюремщика ужином — а он действительно похож на тролля, раньше я об этом не думал, — и отпустить с миром.

Но он знал, что не сделает этого. Его не покидало абсурдное ощущение — луч света в темной пещере. Он вскрыл конверт и стал читать.

58

Пейна!

Я решил жить.

Я раньше мало читал об Игле и мало слышал, и все это были сплетни. Но я слышал, что тут можно кое-что купить за деньги. У меня денег нет, но, я надеюсь, Вы не откажетесь уплатить главному тюремщику всего восемь золотых за ту небольшую услугу, о которой я прошу. Это две вещи. Если Вы согласитесь «подмазать» Бесона, чтобы он их мне обеспечил, я больше никогда не побеспокою Вас.

Я понимаю, что Вы не захотите портить свою репутацию, помогая мне, поэтому поручите это дело

моему другу Бену. Я не говорил с ним после ареста, но знаю, что он по-прежнему верен мне. Я попросил бы его сразу, но у него нет денег. Поэтому прошу Вас — ведь я совсем недавно оказал Вам услугу. Но если Вы откажетесь, я пойму.

Я не убивал отца.

Питер.

59

Пейна долго смотрел на это странное письмо. Его глаза перебегали с первой строчки на последнюю.

Я решил жить.

Я не убивал отца.

Его не удивляло, что юноша продолжает протестовать — многие преступники делали это годами, хотя их вина была неопровержимо доказана. Но такой решительности в оправданиях он еще не встречал. Такой... повелительной решительности.

Да, именно это удивило Пейну в письме. Он знал, что истинного короля не меняют ни изгнание, ни тюрьма, ни даже казнь. И это было письмо истинного короля.

Я решил жить.

Пейна вздохнул. Через некоторое время он взял перо, пододвинул чернильницу и начал писать. Его письмо получилось еще короче, чем у Питера. За пять минут он написал его, присыпал песком и запечатал. Потом позвонил Арлену.

Тот появился, еще более сконфуженный.

— Бесон еще здесь?

— Думаю, да, мой господин, — ответил Арлен.

На самом деле он *знал*, что Бесон здесь, потому что

только что видел, как тот ходит по кухне из угла в угол, зажав в руке, как дубину, обглоданную куриную ногу. Мясо он уже съел и теперь с леденящим душу хрустом грыз кость.

Арлен так до конца и не поверил, что этот человек не тролль.

— Передай ему. — Пейна вручил слуге письмо вместе с двумя золотыми. — Это ему за труды. Скажи — если будет ответ, пусть немедленно принесет его мне.

— Да, мой господин.

— Не болтай с ним долго, — похоже, Пейна шутил.

— Нет, мой господин.

Арлен вышел, все еще вспоминая хруст костей.

60

— Вот, — сказал Бесон утром, входя в камеру Питера. Теперь он был даже доволен. На два золотых можно купить бочку медовухи, и половину ее он уже выпил этой ночью. — Сделали из меня какого-то чертова почтальона.

— Спасибо. — Питер взял конверт.

— Не хочешь его открыть?

— После того как ты уйдешь.

Кулаки у Бесона сжались сами собой. Питер просто стоял и смотрел на него. Через минуту Бесон опустил руки.

— Чертов почтальон! — повторил он и выскочил, хлопнув дверью. Щелкнул стальной замок, и с шумом закрылись три засова, каждый толщиной с руку Питера.

Когда звуки стихли, Питер прочитал письмо. В нем было всего три предложения:

Я знаю об обычае, о котором ты пишешь. Согласен выделить нужную сумму. Но лишь после того как ты объяснишь, что хочешь получить за эти деньги от нашего общего друга.

Питер улыбнулся. Удивительно осторожный человек, этот Пейна! Ему не придется ни в чем участвовать, посредником будет Бен, и все равно он хочет знать все детали.

Питер постучал в дверь и после коротких переговоров с Бесоном получил перо, чернила и бумагу. Тюремщик опять проворчал что-то про чертова почтальона, но предвкушал уже появление в кармане еще двух золотых.

— Если вы продолжите переписываться, я смогу разбогатеть, — пробормотал он неизвестно кому, выходя в коридор.

61

Пейна открыл второе письмо Питера и сразу увидел, что на этот раз в нем не было никаких имен. Юноша учился быстро. Это хорошо.

Может, Ваше желание узнать о моих просьбах неуместно, но выбирать не приходится. Я в Вашей власти. Вот две вещи, которые я хочу купить за восемь золотых:

1. Я хочу получить кукольный домик моей матери. Я очень любил играть с ним в детстве и сохранил память об удивительных приключениях, связанных с ним.

2. Я хочу, чтобы к любой пище мне подавали салфетку — настоящую королевскую салфетку. Герб можно убрать.

Таковы мои просьбы.

Пейна перечитал письмо не один раз, прежде чем бросить его в огонь. Похоже, испытания все же повлияли на рассудок Питера. Зачем ему кукольный домик? Пейна знал, что он еще хранится где-то в королевской кладовой. Можно, вполне можно дать его принцу... если предварительно удалить все острые предметы, ножики и все такое. Пейна помнил, как Питер любил этот домик в детстве, и помнил, как Флегг протестовал против этого. Роланд тогда еще не послушался Флегга... Редкий случай.

И вот Питер вспомнил о кукольном домике.

Может, он не в своем уме?

Пейна так не считал.

Теперь салфетка... что ж, это можно понять. Питер всегда требовал, чтобы ему подавали салфетку. Даже когда ездил с отцом на охоту. Странно, что он не просил лучшей еды, как все прочие знатные узники, но на него это похоже.

Эти салфетки... тоже от матери, я уверен. Есть ли тут какая-нибудь связь? Салфетки и кукольный домик Саши. Что это значит?

Пейна не знал, но абсурдная надежда снова зародилась в нем. Флегг не хотел, чтобы Питер играл с домиком в детстве, — и вот он возник опять.

И где-то глубоко, едва уловимо, таилась еще одна мысль. Если — только *если* — Питер все-таки не убивал отца, то кто мог это сделать? Конечно, тот, кому принадлежал сначала этот ужасный яд. Тот, кто лишился бы всего, если бы Питер пришел к власти. Тот, кто теперь, при Томасе, приобрел *все*.

Флегг.

Эта мысль ужасала. Она означала, что правосудие совершило ошибку. Что он судил Питера не на основании логики, которой всегда гордился, а на основании неприязни, возникшей, когда увидел слезы принца. Мысль о том, что он вынес самый важный приговор в жизни, руководствуясь эмоциями, была невыносима.

Так почему бы не дать ему теперь этот домик?

Пейна написал короткую записку. Бесон получил еще два золотых и надеялся на дальнейшую переписку, но ее не последовало.

Питер получил то, о чем просил.

62

В детстве Бен Стаад был стройным голубоглазым мальчиком с вьющимися светлыми волосами. Девочки заглядывались на него, еще когда ему было девять лет.

— Скоро это кончится, — предрекал отец Бена. — Все Стаады в детстве были хороши. Он тоже, когда вырастет, потемнеет, станет шуриться на все вокруг и сделается обыкновенной свиньей в королевском свинарнике.

Но эти предсказания не сбылись. Бен стал первым Стаадом за несколько поколений, который в семнадцать остался таким же светловолосым, каким был в семь, и мог за четырехста ярдов отличить ястреба от коршуна. И глаза его не шурились близоруко, а смотрели светло и ясно, и девочки все так же заглядывались на него.

Ему повезло... и это тоже отличало его от других Стаадов, на которых неудачи так и сыпались, по крайней мере в последние триста лет. Семья Бена надеялась, что он вытащит ее из благородной бедности. В конце концов глаза его не помутнели и волосы не потемнели. И принц Питер — его лучший друг.

Но потом Питера обвинили в убийстве отца и посадили в Иглу быстрее, чем Стаады успели сообразить, что это значит. Эндрю, отец Бена, был на коронации Томаса и вернулся оттуда весь в синяках.

— Я уверен, что Питер невиновен, — сказал в тот вечер за ужином Бен. — Отказываюсь верить, что...

В следующий момент он лежал на полу, в ухе у него звенело, а отец возвышался над ним с капающим с усов гороховым супом. Лицо его было пурпурным. Младшая сестренка Бена, Эммалайн, разревелась на своем детском стульчике.

— Не упоминай в моем доме этого мерзавца, — сказал отец.

— Эндрю! — крикнула мать. — Эндрю, он же не понимает...

Отец, обычно добрейший человек, повернул голову и свирепо уставился на мать.

— Помолчи, женщина! — рявкнул он, и она испуганно замолчала. Даже Эммалайн утихла на своем стуле.

— Отец, — тихо сказал Бен, — ты уже лет десять пальцем меня не трогал. Да и до того ты никогда не делал этого в гневе. Но я все равно не верю...

Эндрю Стаад предостерегающе поднял палец:

— Я велел тебе не упоминать его имени, Бен. Я очень тебя люблю, но если ты еще раз назовешь это имя, то покинешь мой дом.

— Не назову, — промолвил Бен, поднимаясь, — но только потому, что люблю тебя, отец, а не потому, что боюсь.

— Прекратите! — Голос миссис Стаад был испуганным. — Я не желаю, чтобы вы так говорили друг с другом. Вы что, хотите свести меня с ума?

— Нет, мама, не беспокойся, уже все, — сказал Бен. — Правда, папа?

— Все. Ты очень хороший сын, Бен, но не упоминай этого имени.

Хотя Бену было семнадцать, Энди по-прежнему считал его ребенком и не хотел говорить с ним о некоторых вещах. Он удивился бы, если бы узнал, что Бен отлично понимает, почему он так сердит.

Прежде чем произошли события, о которых вы уже знаете, дружба Бена с принцем улучшила положение Стаадов. Их ферма была когда-то очень большой, но на протяжении ста лет они были вынуждены продавать земли кусок за куском. Осталось всего шестьдесят акров, большей частью заложенных.

Однако за последние десять лет многое изменилось. Банкиры перестали угрожать конфискацией заложенных земель и даже предлагали новые кредиты под смехотворно низкие проценты. А Эндрю Стааду было больно смотреть, как земли предков уходят от него акр за акром, и он был счастлив, когда смог сказать Хэлвену, соседу, который зарился на три его акра, что раздумал их продавать. И он знал, кого следует благодарить за эти удивительные перемены. Сына, который дружил с принцем Питером, будущим королем.

Теперь они снова сделались невезучими Стаадами. Если бы не это, он в жизни не ударил бы сына — поступок, о котором он уже жалел.

Их положение разом ухудшилось. Энди в последнее время потратил уйму денег — выкупил проданные раньше земли, построил мельницу. Теперь банкиры скинут овечью шкуру, набросятся на него жадными волками, и он моментально потеряет все, что раньше продавал кусок за куском.

И это еще не все. Какой-то инстинкт заставил его не брать никого из родных на коронацию Томаса. И он оказался прав.

После коронации Эндрю заглянул в пивную. Последние события — смерть короля и заточение Питера — сильно взволновали его, и он хотел выпить, чтобы успокоиться. Его сразу узнали.

— Помогал ему твой сынок, Стаад? — осведомился какой-то пьяный тип, и остальные гнусно захохотали.

— Может, он держал старика, пока принц вливал ему отраву в глотку? — подхватил другой.

Эндрю одним глотком допил кружку и собрался уходить. Делать ему здесь было нечего.

Но третий пьянчуга — громила, от которого воняло, как от бочки с кислой капустой, — рванул его назад.

— И что *ты* об этом знаешь? — спросил громила задушевым голосом.

— Ничего, — ответил Эндрю. — Я ничего не знаю, и мой сын тоже. Пусти.

— Ты уйдешь, когда — и *если* — мы тебя отпустим, — заявил громила и толкнул его в объятия прочих пьянчуг.

Тут началась потеха. Они перекидывали Энди Стаада друг другу, поддавая ему то локтем, то коленом. Бить его они не осмеливались, хотя по глазам было видно, как им хотелось это сделать. Будь

они попьаннее, Эндрю оказался бы в серьезной переделке.

Эндрю, мужчина невысокий, но сильный и широкоплечий, прикинул, что смог бы уложить двоих, может, даже троих... но их было не меньше восьми. В возрасте Бена он еще мог бы полезть на рожон, но в сорок пять не мог позволить себе притащиться домой избитым до полусмерти. К тому же это бесполезно — удача вновь покинула их семью, с этим ничего не поделаешь. Хозяин пивной безучастно глядел на происходящее, даже не пытаясь вмешаться.

Наконец они отпустили его.

Теперь он боялся за жену... за дочь... и больше всего за Бена. *Будь на моем месте Бен, думал он, они наверняка пустили бы в ход кулаки. Они избили бы его... если еще не хуже.*

Поэтому он и ударил сына, и пригрозил прогнать из дома, если Бен еще хоть раз упомянет имя принца.

Иногда люди ведут себя странно.

63

То, что Бен Стаад понял теоретически, ему доказали на практике на следующий день.

Он отогнал на рынок шестерых коров и продал их за хорошую цену (покупатель не знал его, иначе цена не была бы такой хорошей). Он уже подходил к городским воротам, когда его окружили какие-то бездельники, обзывая убийцей и другими, не менее обидными словами.

Бен сделал все, что мог. В итоге они избили его — их было семеро, — но заплатили за это синяками,

разбитыми носами и выбитыми зубами. Уже в темноте Бен кое-как доплелся домой. Все у него болело, но он был доволен собой.

Отец сразу понял, что произошло.

— Скажешь матери, что упал, — коротко бросил он.

— Да, папа.

— И теперь я сам буду отводить на рынок коров, возить зерно или что угодно, пока банкиры не выгонят нас отсюда.

— Нет, папа, — сказал Бен так же спокойно, как только что говорил «да». Для парня, которого только что здорово побили, он держался странно — почти весело.

— Что это значит? — с недоумением спросил отец.

— Если я буду прятаться, они все равно меня найдут. Если же я буду стоять на своем, они скоро устанут и оставят меня в покое.

— Если кто-нибудь из них возьмется за нож, — возразил Эндрю, — ты можешь не дожить до того, как они устанут.

Бен крепко обнял отца.

— «Богов не перехитришь», — процитировал он одну из древних пословиц Делейна. — Я все равно буду драться за Пи... за того, чье имя ты запретил мне упоминать.

Отец грустно посмотрел на него:

— Ты так и не поверил, что это сделал он?

— Нет. И никогда не поверю.

— Ты стал мужчиной, сын, а я и не заметил. Не самый лучший способ доказывать, что ты уже мужчина, подравшись на рыночной площади с толпой бездельников. Но и времена сейчас нехорошие.

— Да, — подтвердил Бен. — Времена нехорошие.
— Да помогут тебе боги, — сказал Эндрю. — Да помогут они нашей несчастной семье.

64

Томаса короновали в конце долгой и холодной зимы. На пятнадцатый день его царствования на Делейн налетела последняя снежная буря. Снег падал сплошной стеной, и ветер сдувал его в сугробы.

В девять вечера, когда, казалось, ни один нормальный человек носа не высунет на улицу, в дверь дома Стаадов постучали. Стук был тяжелым и требовательным.

Эндрю и Бен сидели перед очагом и читали. Сьюзен Стаад вышивала надпись «БОГИ, ХРАНИТЕ НАШЕГО КОРОЛЯ». Эммалайн уже давно спала. Все трое поглядели друг на друга. Во взгляде Бена было только любопытство, но отец и мать сразу, инстинктивно почувствовали испуг.

Эндрю встал и сунул в карман очки. *Пусть это будет прохожий, заблудившийся в темноте*, взмолился он, но за дверью стоял солдат короля в кожаном боевом шлеме, с коротким мечом у пояса.

— Твой сын, — отчеканил он, и у Эндрю подкосились ноги.

— Зачем он тебе?

— Я от Пейны, — сказал солдат.

Нет, в отчаянии думал Эндрю, *только не это, за что нам столько несчастий, только не моего сына...*

— Это он?

Прежде чем Эндрю успел солгать, что было явно бесполезно, Бен шагнул вперед:

— Я Бен Стаад. В чем дело?

— Ты должен пойти со мной, — сказал солдат.

— Куда?

— В дом Андерса Пейны.

— *Нет!* — закричала мать. — Уже поздно, мороз, все замело снегом...

— У меня сани, — возразил солдат, нащупывая рукоять меча.

— Я иду. — Бен взял куртку.

— Бен... — начал Эндрю, думая: *Мы никогда больше его не увидим, его сгноят в темнице из-за этого проклятого принца.*

— Все будет в порядке, папа. — Бен обнял отца, и Эндрю на миг поверил, что так и будет. Но его сын еще не знает, как жесток мир.

Эндрю Стаад и его жена стояли, обнявшись, в дверном проеме и молча смотрели, как Бен и солдат прокладывают путь к саням, которые едва угадывались во мраке благодаря тусклому свету фонарей.

Всего один солдат, думал Эндрю, это уже кое-что. Может, его хотят только допросить. О, если бы это было так!

Стаады так же молча смотрели, как сани, звеня колокольчиками, отъезжают от дома. Сьюзен заплакала.

— Мы никогда его больше не увидим, — всхлинула она. — Никогда! Они его забрали! Проклятый Питер, это он утащил нашего сына за собой!

— Тише, мать. — Эндрю крепко обнял ее. — Тсс! Он вернется утром. Самое позднее, днем.

Но она услышала в его голосе дрожь и заплакала еще сильнее. Ее плач разбудил Эммалайн, которую пришлось долго успокаивать, и наконец мама с дочкой вместе уснули на большой кровати.

Эндрю Стаад не спал всю ночь.

Он сидел у огня, надеясь вопреки всему, но в глубине души думал, что никогда уже не увидит сына.

65

Через час Бен стоял перед Андерсом Пейной. Он был удивлен, но не испуган и внимательно слушал все, что говорил главный судья. Слышал он и приглушенный звон монет, которые тот пересыпал из одной руки в другую.

— Понял меня, юноша? — спросил Пейна своим сухим судейским голосом.

— Да, господин.

— Я должен быть уверен. Это не шуточное дело. Повтори, что ты сделаешь.

— Пойду в замок и поговорю с Деннисом, сыном Брендона.

— А если Брендон вмешается?

— Скажу, чтобы он поговорил с вами.

— Верно. — Пейна откинулся в кресле.

— И я не должен говорить, чтобы они держали этот разговор в тайне.

— Да. А почему?

Бен какое-то время молчал. Пейна не мешал ему думать: парень ему нравился. Он держался спокойно и уверенно. Любой другой, кого привели бы к нему среди ночи, дрожал бы от ужаса.

— Потому что тогда они скорее могут рассказать об этом, чем если бы я не сказал ничего.

Губы Пейна тронула усмешка.

— Молодец. Дальше.

— Вы даете мне десять золотых. Два я дам Деннису: один для него, а второй для того, кто найдет кукольный дом, принадлежавший матери Питера. Остальные восемь — для Бесона, главного тюремщика. Деннис передаст мне кукольный дом, который я отдам Бесону, а салфетки он отдаст Бесону сам.

— Сколько?

— Двадцать одну каждую неделю. Королевские салфетки, но без герба. Вы наймете женщину, которая будет срезать гербы с салфеток. Время от времени вы будете передавать через меня деньги Деннису или Бесону.

— Но сам не возьмешь? — уточнил Пейна. Он уже предлагал, и Бен отказался.

— Нет. Это все.

— Уже немало.

— Жаль, что я не могу сделать больше.

Пейна сел прямо, внезапно посуровев лицом:

— Не можешь и не должен. Это очень опасно. Ты оказываешь услуги человеку, обвиненному в отвратительном преступлении.

— Питер — мой друг, — возразил Бен с достоинством.

Пейна усмехнулся, указывая на синяки, украшающие лицо Бена:

— Я вижу, ты уже заплатил за эту дружбу.

— Я готов заплатить в сто раз больше. — Бен колебался и твердо добавил: — Я не верю, что он убил короля Роланда. Он любил отца не меньше, чем я люблю своего.

— Да? — переспросил Пейна без интереса.

— Да! А вы верите, что он это сделал? Вы действительно верите в это?

Пейна усмехнулся так, что даже горячая кровь Бена застыла в жилах.

— Если бы я не верил, я бы поостерегся говорить об этом кому попало, — произнес он с ужасающей медлительностью. — Иначе очень скоро почувствовал бы на шее лезвие топора.

Бен молча смотрел на него.

— Ты называешь себя его другом, и я тебе верю. — Пейна, так же прямо сидя в кресле, не отрывал от Бена глаз. — Если ты и впрямь его друг, ты сделаешь то, что я сказал, и не больше. Если ты надеешься, что Питер в конце концов будет освобожден — а я вижу это по твоему лицу, — то оставь эти надежды.

Пейна не позвал Арлена, а сам вывел юношу через черный ход. Солдат, который привел его, завтра же отправится в Западный феод.

У двери Пейна сказал:

— Напоминаю еще раз: не отступай от договоренности *ни на шаг*. Друзей Питера сейчас не очень жалуют в королевстве, что неопровержимо доказывают твои синяки.

— Я буду драться с ними! — воскликнул Бен.

— Да-да. — Пейна опять усмехнулся. — И то же самое придется делать твоей матери? Или младшей сестре?

Бен уставился на него широко раскрытыми глазами.

— Так и будет, если ты не проявишь максимальную осторожность, — сказал Пейна. — Буря только начинается. — Он открыл дверь, за которой выл ветер. — Иди домой, Бен. Думаю, родители будут рады увидеть тебя.

Так оно и было. Родители встретили его у дверей — они слышали колокольчики. Мать, рыдая,

кинулась на шею сыну. Раскрасневшийся отец до боли жал ему руку. Бен вспомнил слова Пейны: *Бура только начинается.*

Позже, лежа в постели и слушая вой ветра за окном, Бен понял, что Пейна так и не ответил на его вопрос — верит ли он в виновность Питера.

66

На семнадцатый день царствования Томаса Деннис, сын Брендона, принес в Иглу первую партию салфеток. Он взял их из хранилища, о котором не знали ни Питер, ни Бен, ни сам Андерс Пейна. Деннис знал, потому что был дворецким из древнего рода дворецких, но для него это было само собой разумеющимся, и он не думал о том, откуда взялось столько салфеток. Мы еще поговорим об этой комнате, а пока достаточно сказать, что знай о ней Питер, он мог бы попытаться убежать тремя годами раньше, и тогда многое обернулось бы иначе.

67

Королевский герб с салфеток удаляла женщина, которую Пейна выбрал за быстроту ее иглы и за умение молчать. Она целыми днями сидела в кресле у дверей кладовой, срезая ветхие нитки. Когда она делала это, ее губы были сжаты еще крепче, чем обычно: ей казалось почти святотатством портить такую хорошую работу, но она была бедна, и деньги, предложенные Пейной, казались небесным даром.

Поэтому она год за годом сидела там и работала ножницами, как одна из волшебниц-сестер, о которых вы, должно быть, знаете из другой сказки. Она не говорила о своей работе никому, даже мужу.

От салфеток исходил странный запах — чистый, но затхлый от долгого хранения, — и они были девственно-белыми, двадцать дюймов на двадцать каждая, достаточно, чтобы прикрыть колени самого большого едока.

При доставке первой партии салфеток разыгралась комичная сцена. Деннис и Бесон некоторое время глядели друг на друга — каждый ожидал от другого чаевых. Поняв тщетность ожиданий, Деннис повернулся к двери, и разочарованный Бесон проводил его легким пинком. Потом взял одну из салфеток и сделал вид, что вытирает ею зад, к немалому веселью подчиненных. Но только сделал вид — в дело замешан Пейна, значит, надо быть осторожным.

Впрочем, все могло измениться. В пивных Бесон уже слышал разговоры о том, что главный судья вызвал недовольство Флегга, и, быть может, скоро ему предстоит взглянуть на судебную процедуру несколько под другим углом — с одного из шестов на высокой стене замка.

68

На восемнадцатый день царствования Томаса на подносе с завтраком, который принесли Питеру, появилась первая салфетка. Она была такой большой, что целиком закрывала скудную еду. Питер улыбнулся — впервые в этом гиблом месте. Его щеки уже

густо поросли щетиной, которой предстояло вырасти в длинную бороду, и вид у него был довольно несчастный... пока он не улыбался. Эта улыбка волшебным образом преображала лицо, делала его сильным и сияющим.

— Бен, — прошептал он, поднимая салфетку. — Я знал, что ты это сделаешь. Спасибо, дружище. Спасибо.

Первое, на что Питер употребил салфетку, — вытер слезы, которые потекли по щекам.

В двери открылся глазок. В нем одновременно, как две головы Флеггова попугая, возникли лица двух стражников, прижавшиеся друг к другу щетинистыми щеками.

— Мальчик не забудет вытереть носик? — осведомился один издевательски-тонким голосом.

— Мальчик не забудет вытереть кашку с рубашки? — подхватил второй и загоготал. Но Питер не смотрел на них и не переставал улыбаться.

Что-то в этой улыбке заставило стражников прекратить шуточки. Скоро они закрыли глазок.

Следующую салфетку принесли в обед.

Потом — на ужин.

Салфетки продолжали приносить три раза в день в течение пяти лет.

69

Кукольный дом прибыл на тридцатый день правления Томаса Светоносного. В это время у дорог уже появились первые вестники весны — цветы, которые у нас зовут васильками. И тогда же Томас подписал

указ о введении нового налога на фермеров, который вскоре прозвали Черной Податью. По пивным загуляло новое прозвище короля: Томас Налогоносный. Налог был больше прежнего не на восемь, даже не на восемнадцать, а на восемьдесят процентов. Томас вначале сомневался, но Флегг быстро его уломал.

— Они все равно утаивают большую часть доходов, — говорил он, — а так мы возьмем с них хотя бы малую часть.

Томас, голова которого гудела от выпитого накануне, кивал с выражением лица, которое считал мудрым.

Питера тем временем тревожила мысль, что кукольный дом за эти годы мог потеряться. Так едва не случилось. Бен Стаад поручил поиски дома Деннису, и тот после нескольких дней бесплодных поисков обратился к отцу — единственному, кто мог помочь в таком серьезном деле. Только через пять дней Брендон смог отыскать домик в маленькой комнате на девятом ярусе западной башни под серым от времени покрывалом, изъеденным молью. Дом сохранился в неприкосновенности, и Брендон, Деннис и приставленный к ним Пейной солдат три дня удаляли из него острые предметы. Наконец двое парней с превеликой осторожностью подняли дом по трем сотням ступенек на вершину башни. Бесон шел следом, чертыхаясь и угрожая страшными карами, если они уронят ношу. Пот тек с парней рекой, но они молчали.

Когда домик внесли в камеру Питера, он вскрикнул от неожиданности — не только потому, что почти потерял надежду увидеть его, но и потому, что одним из носильщиков оказался Бен Стаад.

Тише! — блеснули глаза Бена.

Не смотри на меня слишком долго! — ответил взгляд Питера.

После всех своих советов Пейна изумился бы, увидев здесь Бена. Но он забыл, что вся мудрость стариков бессильна против юного сердца, если оно доброе и храброе. А сердце Бена было именно таким.

Поменяться местами с одним из парней, которым велели нести дом, оказалось очень легко. За золотой — Бен отдал бы за это гораздо больше, отдал бы все золото мира — Деннис все устроил.

— Не говори отцу, — предупредил его Бен.

— А почему? — удивился Деннис. — Я ему почти обо всем говорю... А ты разве нет?

— Я тоже. — Бен вспомнил, как отец запретил ему упоминать имя Питера. — Раньше. Но с возрастом кое-что изменилось. Как бы там ни было, не говори ему. Он может рассказать Пейне, и я попаду в переplet.

— Ладно, — пообещал Деннис, и он сдержал обещание. Деннис очень любил и жалел своего бывшего хозяина, и за несколько дней Бен занял опустевшее место в его сердце.

— Вот и хорошо. — Бен дружески похлопал Денниса по плечу. — Я только погляжу на него, и все.

— Ты был его лучшим другом?

— Я им и остаюсь.

Деннис изумленно посмотрел на него:

— Как ты можешь называть другом того, кто убил родного отца?

— Я не верю, что это сделал он. А ты?

Тут пришла очередь удивляться Бену. Деннис внезапно заплакал.

— Сердце говорит мне то же, — выдавил он сквозь слезы. — Но...

— Так слушай свое сердце. — Бен обнял его. — И успокойся, пока никто не увидел, как ты ревешь, будто маленький ребенок.

— Поставьте это в ту комнату, — произнес Питер. Голос его слегка дрожал, но Бесон ничего не заметил: он ругал носильщиков за неуклюжесть. Парни занесли дом в «спальню» и стали устанавливать. При этом один из них поторопился, и его край дома тяжело ударился об пол. Внутри что-то звякнуло, и Питер вздрогнул. Бесон разразился новыми проклятиями, но сам улыбался — с тех пор как эти двое появились тут с этой дрянью, его впервые что-то порадовало.

Парень встал, виновато глядя на Бесона и испуганно — на Питера. Бен еще секунду оставался на коленях. У кровати лежал маленький плетеный коврик, какие у нас кладут перед дверьми, и Бен на мгновение коснулся его рукой, бросив при этом быстрый взгляд на Питера. Потом он встал.

— Теперь пошли вон! — крикнул Бесон. — Убирайтесь! Катитесь домой и отругайте ваших матерей за то, что они произвели на свет таких неуклюжих выродков!

Они прошли мимо Питера — парень, уронивший дом, жался к стенке, будто боялся заразиться, — и Бен еще раз встретился с ним взглядом. Питер вздрогнул, увидев в глазах друга любовь и печаль. Затем парни вышли.

— Ну вот, мой принц, — сказал Бесон. — Что тебе еще принести? Кукольные платья? Или шелковые подштанники?

Питер медленно повернулся и посмотрел на него. Бесон мгновенно опустил взгляд, вспомнив, как Питер совсем недавно избил его так, что синяки не сходили неделю.

— Ладно, дело твое, — пробормотал он. — Но теперь мне придется поставить тебе стол. И стул, на котором ты будешь сидеть, когда играешь с ним. — Он соорудил гримасу.

— И сколько это стоит?

— Я думаю, три золотых.

— У меня нет денег.

— Зато есть богатые приятели.

— Уже нет, — сказал Питер. — Я просто получил услугу за услугу.

— Тогда сиди на полу, пока не отморозишь задницу, и черт с тобой! — рывкнул Бесон и быстро вышел. Тоненький ручеек золотых иссяк, и это на неделю привело его в дурное настроение.

Питер подождал, пока закрылись все замки и запоры, и приподнял плетеный коврик. Под ним лежал клочок бумаги не больше почтовой марки с буквами, настолько маленькими, что Бен, должно быть, писал их с помощью увеличительного стекла.

Питер, уничтожь записку, когда прочтешь. Я не верю, что ты это сделал. Деннис тоже. Люблю тебя, как и раньше. Если тебе что-то понадобится, обратись ко мне через Пейну. Не сдавайся.

Глаза Питера наполнились слезами благодарности. Я думаю, настоящая дружба всегда стоит благодарности — слишком часто мир подобен суровой пустыне, и похоже на чудо, что в нем все же вырастают цветы.

— Старина Бен! — шептал он снова и снова не в силах вымолвить что-то еще. — Старина Бен!

Впервые он подумал, что его план при всем кажущемся безумии имеет шанс на успех. Потом он подумал о записке. Бен рисковал жизнью, когда передавал ее. Он не был принцем и вполне мог быть

казнен. Если бы Бесон или его шакалы обнаружили бумажку, они наверняка выяснили бы, кто ее подбросил, и путь старины Бена к плахе оказался бы очень коротким.

Поэтому Питер не колебался: скомкав записку большим и указательным пальцами, он съел ее.

70

Думаю, вы уже поняли, каким образом Питер намеревался бежать, потому что вам известно больше, чем Пейне. Но пришла пора рассказать об этом подробнее. Он хотел использовать нитки из салфеток, чтобы свить веревку. Я знаю, многие из вас рассмеются, услышав это.

Нитки из салфеток, чтобы спуститься с высоты трехсот футов! — скажут они. Или ты, сказочник, сошел с ума, или Питер!

Ничего подобного. Питер отлично знал высоту Иглы и понимал, что нельзя брать из каждой салфетки слишком много ниток. Какая-нибудь прачка может заметить это, сказать подруге, и так это дойдет до... Бесона Питер не боялся: тупой сторожевой пес.

Дойдет до Флегга.

Флегг убил его отца...

...и Флегг наблюдает за ним.

Конечно, Питер думал о многом: о затхлом запахе салфеток, о том, кто удаляет с них гербы, — один человек или новый для каждой партии. Но больше всего он думал о том, сколько ниток брать из каждой салфетки. Наконец задача была решена.

И все равно, скажете вы, разве можно сплести из ниток веревку, достаточно прочную, чтобы выдержать сто семьдесят фунтов? Нет, похоже, ты шутишь!

Но те, кто так считает, забывают про кукольный дом... и про ткацкий станок в нем, такой маленький, что отлично мог ткать нитки из салфеток. Из него убрали нож для обрезки ткани, но все остальное осталось и работало.

Так кукольный дом, который еще много лет назад не понравился Флеггу, стал теперь единственной надеждой Питера на спасение.

71

Нужно быть более искусным рассказчиком, чем я, чтобы поведать о пяти годах, проведенных Питером на вершине Иглы. Он ел, спал, смотрел в окно на город; молился на ночь; видел сны о свободе. Летом в его камере было жарко, зимой холодно.

На вторую зиму он заболел гриппом и едва не умер.

Он лежал в жару под тонким одеялом, непрерывно кашляя. Сначала он боялся в бреду проговориться о веревке, спрятанной между двух неплотно уложенных камней в восточной стене «спальни». Когда лихорадка усилилась и ему стало хуже, веревка казалась уже ненужной. Он думал, что умирает.

Бесон и его подручные тоже так думали и ждали этого. Однажды ночью, когда за окном бушевала буря, Питеру в бреду явился Роланд. Принц был уверен, что отец пришел забрать его в Далекие Поля.

— Я готов, отец! — крикнул он. — Пошли!

— *Еще рано,* — ответил отец... или призрак... или кто бы то ни был. — *Тебе еще многое нужно сделать.*

— *Отец!* — закричал Питер изо всех сил, и тюремщики внизу замерли, уверенные, что дух короля Роланда явился, чтобы утащить их узника в ад. В ту ночь они больше не пили, а наутро один из них отправился в церковь, вновь обратился к вере и впоследствии даже стал священником. Его звали Корран, и я расскажу вам о нем в другой раз.

Питер на самом деле видел дух, но был ли то настоящий призрак его отца или он родился в его воспаленном воображении, не могу сказать.

Голос Питера стал тише; стражники больше ничего не слышали.

— *Здесь так холодно... а мне жарко.*

— *Бедный мальчик,* — промолвил отец. — *Ты пережил тяжелые испытания, и это еще не конец. Но Деннис узнает...*

— *Что узнает?* — спросил Питер. Его щеки горели, но лоб был бледным, как свечка.

— *Узнает, куда ходит во сне лунатик,* — прошептал отец и вдруг исчез.

Питер провалился в обморок, который перешел в крепкий сон, и во сне болезнь отступила. Юноша, который весь последний год делал по шестьдесят наклонов и сто приседаний по утрам, проснулся на следующее утро слишком слабым, чтобы сделать это... но он снова был здоров.

Бесон и его подчиненные были разочарованы, но с тех пор предпочитали не подходить к Питеру близко.

Это облегчило его работу. Но не намного.

Я не в силах рассказать вам о бесконечном, изматывающем труде Питера. Многие часы, иногда с паром, выдыхаемым изо рта, иногда с льющимся

по лицу потом, всегда в страхе разоблачения, в одиночестве, сопровождаемый лишь невеселыми мыслями и почти абсурдными надеждами, он ткал и ткал. Я многое могу рассказать, но невозможно передать ощущение этих долгих часов, дней, недель, в течение которых время, казалось, остановилось. Об этом могли поведать только великие мастера, искусство которых давно умерло. Пожалуй, единственным, что зримо свидетельствовало о прошедшем времени, была борода Питера. За 1825 дней она стала длинной и пушистой, доходя до середины груди, и, хотя юноше был только двадцать один год, в ней кое-где себребрилась седина. Не росла борода только там, где ноготь Бесона оставил шрам.

Питер всякий раз брал лишь по пять ниток из каждой салфетки — пятнадцать в день. Он складывал их под матрас, и за неделю у него накапливалось сто пять. Каждая нитка была длиной около двадцати дюймов.

Первую веревку он свил через неделю после того, как получил домик. Пользоваться станком в семнадцать лет было не так легко, как в пять; к тому же он сильно нервничал. Если бы его застали за работой, он сказал бы, что сплетал нитки ради забавы... если бы они поверили. Он убедился, что станок работает, когда из другого его конца выполз первый тонкий канатик. После этого он стал работать быстрее, нажимая ногтем большого пальца на ножную педаль. Иногда станок поскрипывал, но скоро разработался и ткал так же хорошо, как в детстве.

Но веревка получилась очень тонкая, не больше четверти дюйма в диаметре. Питер связал ее концы и подергал. Веревка не рвалась. Так и должно было быть — салфетки ткали из лучшего хлопка. Он по-

дергал сильнее, пытаясь определить, какой груз веревка может выдержать.

Веревка держалась, и он почувствовал, как в нем растет надежда. Ему вдруг вспомнился Иосиф.

Это Иосиф, главный конюший, рассказал о таинственном явлении, называемом перегрузкой. Дело было летом, и они смотрели, как громадные андуанские быки тянут камни для новой рыночной площади. На спине каждого быка восседал потный ругающийся погонщик. Питеру тогда было одиннадцать, и он подумал, что это зрелище лучше любого цирка. Иосиф показал ему на толстую кожаную упряжь быков, к которой были прикреплены цепи, держащие камни. Он сказал, что необходимо точно рассчитывать, сколько весит каждый камень.

— Потому что если они слишком тяжелые, бык может надорваться, — сказал Питер. Это был не вопрос — ему это казалось очевидным. Он жалел быков, волокущих каменные плиты.

— Нет. — Иосиф зажег огромную сигару, чуть не опалив себе нос, и глубоко затянулся. Ему всегда нравилось общество юного принца. — Нет! Быки совсем не глупы. Люди думают так из-за того, что они такие послушные и спокойные. Это больше говорит о людях, чем о быках. Пока бык может тащить камень, он тащит; когда не может, останавливается и стоит, сколько его ни бей. Нет, быки совсем не глупы.

— Тогда зачем рассчитывать вес камня, если бык все равно не потащит слишком тяжелый?

— Это не из-за камня, а из-за цепей. — Иосиф указал на одного быка, тянувшего камень размером с маленький дом. Голова животного была опущена, глаза терпеливо смотрели вперед, пока погонщик

оаживал его палкой. Камень рывками продвигался вперед, оставляя в земле борозду, в которой вполне мог спрятаться одиннадцатилетний мальчик. — Бык тащит камень, пока может, но он ничего не знает о цепях или о перегрузке.

— А что это?

— Это когда лопается цепь, — ответил Иосиф. — Лопается и летит в сторону. Не дай бог нам увидеть это. Ужасное зрелище! Она может искалечить погонщика или перебить ноги самому быку.

Иосиф затаился в последний раз и бросил окуроч в грязь.

— Перегрузка, — сказал он, — это то, о чем важно знать принцу. Цепь рвется, если груз слишком велик, то же можно сказать и о человеке. Помни об этом.

Он вспомнил это теперь, когда проверял на прочность свою первую веревку. Сколько нужно сплести, чтобы они выдержали его вес? Пять? Десять? Лучше ошибиться в большую сторону. Если они не выдержат... на площади Иглы очень твердые камни.

Питер тянул, пока не заболели мышцы на руке. Когда веревка порвалась, он прикинул, что тянул с силой, примерно равной тяжести шестидесяти фунтов.

Не так уж плохо.

Обрывки веревки Питер выбросил за окно. Утром ее подметут вместе с прочим мусором.

Мать Питера, видя интерес сына к обстановке кукольного дома, научила его ткать веревки и плести из них маленькие коврики. За годы любое умение обычно забывается, но у Питера было достаточно времени, чтобы вспомнить и потренироваться.

Питер сплетал вручную две веревки и вплетал между ними третью, но ниже, так, что ее конец спу-

скался вниз, как основа дальнейшей работы. У него ушло три недели на обучение и четвертая — на запоминание системы. Но в результате получилась настоящая веревка. Он смог ее разорвать, только намотав концы на руки, после долгих усилий.

В его «спальне» под потолком были дубовые брусья. Он мог попробовать веревку на прочность, привязав ее к одному из них... А если она порвется, придется начинать все сначала. Но эти мысли ничего не давали, надо было просто работать.

В каждой нитке было около двадцати дюймов, но три из них уходило на узлы. За три месяца он сплел веревку из трех частей, каждая из которых была соткана из ста пяти ниток длиной в три фута. Однажды ночью, когда пьяные тюремщики играли в карты внизу, он привязал веревку к балке. Половина ее длины ушла на балку и узел.

Выглядела она ужасно тонкой.

Питер повис на ней, ожидая, что веревка вот-вот лопнет и он свалится на пол.

Но эта держала.

Почти не в силах в это поверить, Питер висел на тонкой, еле видимой веревке почти минуту, потом встал на кровать, чтобы отвязать узел. Он долго не мог этого сделать — глаза заливали слезы. Он не испытывал такой радости с тех пор, как получил записку Бена.

72

Он держал веревку под матрасом, но это не могло продолжаться долго. Высота Иглы была триста сорок футов; от его окна до камней площади — не менее

трехсот. Рост Питера был шесть футов, и он надеялся, что сможет спрыгнуть с двадцатифутовой высоты без вреда для себя. Оставалось двести семьдесят.

Один из камней в восточной стенке «спальни» расшатался, и Питер без особого труда смог его вынуть. За камнем оказалась пустота, и он сунул туда руку, похолодев при абсурдном ожидании, что там в темноте, кто-нибудь схватит его или укусит.

Ничего не случилось, и он уже собирался вынуть руку, но тут пальцы почувствовали металлический холод. Питер вытащил находку — медальон в форме сердца на цепочке. По виду и медальон, и цепочка были золотыми, но казались странно легкими. После тщательного осмотра Питер нащупал потайную пружинку, и медальон со щелчком раскрылся. Внутри были два портрета дивной работы, маленькие, как картины в кукольном доме. Питер смотрел на них с мальчишеским восторгом. Мужчина и женщина, очень красивые. На губах мужчины застыла улыбка; темные глаза женщины туманила печаль. Медальон явно был очень старым, но лица этих людей показались Питеру знакомыми. Он их где-то видел.

Он посмотрел на заднюю крышку. Там было что-то вроде вензеля, но настолько стертого, что разобрать инициалы не удалось.

По какому-то наитию Питер опять полез в отверстие. На этот раз он нащупал листок бумаги — ветхий, но с ясным текстом и четкой подписью. Левен Валера, зловещий Черный Герцог из Южного феода. Валера, который мог стать королем, но вместо этого провел остаток жизни в Игле за убийство своей жены. Неудивительно, что он узнал портреты. Мужчина был Валера, а женщина — его жена Элинора, о красоте которой слагали баллады.

Письмо было написано странными рыжеватыми чернилами и с первой строчки тронуло холодом сердце Питера. Чем дальше он читал, тем больше его бил озноб, и не только из-за сходства судьбы Валера с его собственной.

Нашедшему это письмо...

Я пишу его собственной кровью из вены, которую вскрыл зубами. Перо мое — обломок ложки, каковой я долго точил о камни моей Темницы. Почти четверть века провел я здесь; я вошел сюда Юношей, теперь же я Старец. Ко мне вновь пришла Болезнь, и боюсь, что на сей раз я не выживу.

Я не убивал мою Жену. Хотя все улики против меня, я не убивал мою Жену. Я любил ее и все еще люблю, хотя ее дорогое Лицо померкло в моей вероломной Памяти.

Я уверен, что Элинор убил королевский волшебник и сделал так, что в этом обвинили меня, ибо я стоял на его Пути. Похоже, что его Планы исполнились, но я верю, что в конце концов Боги накажут Злодея. Его День придет, и я верю в это все сильнее по мере приближения моего собственного Конца.

Верю, что Некто войдет в это место скорби и найдет мое послание, и к нему взываю я: Отмщение, Отмщение, Отмщение! Забудьте меня и мою жалкую Смерть, но заклинаю, не забывайте мою дорогую Элинор, убитую в собственной постели! Это не я отравил ее вино; я кровью пишу имя Убийцы: Флегг! Флегг! Флегг!

Возьмите медальон и покажите ему, прежде чем освободить Мир от этого величайшего Злодея — покажите, чтобы он знал, что я сыграл роль в его Падении даже из моей Могилы.

Левен Валера.

Наверное, теперь вы поймете состояние Питера. Может, вы поймете его еще лучше, если я напомним, что никто не знал истинного возраста Флегга.

Питер читал о преступлении Левена Валера в *древней* истории. И теперь этот пожелтевший клочок бумаги называл по имени истинного виновника этого преступления.

Но это случилось во времена Алана II...

...а Алан II правил Делейном четыреста пятьдесят лет назад.

— О боже, — прошептал Питер. Он успел дойти до кровати и упасть на нее, прежде чем подкосившиеся ноги бросили его на пол. — Он уже был здесь! Он делал то же самое, точно так же, и это было *более четырех столетий назад!*

Лицо Питера побледнело, как у мертвеца, волосы встали дыбом. Он впервые понял, что Флегг, королевский чародей — чудовище, пришедшее в Делейн снова и служащее теперь новому королю, служащее его несчастному, глупому младшему брату.

73

Сперва Питер хотел предложить Бесону еще денег за то, чтобы тот передал медальон и записку Андерсу Пейне. Ему казалось, что это может указать на истинного преступника и освободить его, Питера. Потом он решил, что такие чудеса случаются в сказках, но не в реальной жизни. Пейна просто посмеется и назовет это подделкой. А если и поверит? Это может погубить и главного судью, и узника. Питер внимательно слушал обрывки разговоров

Бесона и стражников, знал о Черной Подати и о том, что Томаса Светоносного переименовали в Томаса Налогоносного. Ходили и еще более нелестные шутки о короле, и топор палача на площади Иглы поднимался и опускался с постоянством, которое могло бы показаться скучным, не будь оно таким устрашающим.

Теперь Питер начал прозревать. Цель Флегга: нарушить устоявшийся в Делейне порядок, привести королевство к смятению и хаосу. Находка медальона и записки только ускорит его действия, и тогда они с Пейной неминуемо погибнут.

В конце концов Питер спрятал улики туда, где они лежали раньше, и туда же положил три фута веревки, на изготовление которых у него ушел месяц. Находка медальона, пролежавшего в тайнике более четырехсот лет, доказывала, что место это вполне надежно.

В ту ночь он долго не мог заснуть. Ему мерещился сухой, надтреснутый голос Левена Валера, шепчущий в ухо: *Отмщение! Отмщение! Отмщение!*

74

Время шло, а Питер по-прежнему оставался в своей одиночной камере. Борода закрыла всю нижнюю часть его лица, кроме белого шрама, похожего на зигзаг молнии. За это время он видел в окно много горестных изменений и еще о многих слышал. Топор палача продолжал работать с мерностью маятника — иногда за день с плахи скатывалось не меньше дюжины голов.

На третий год заключения Питера, когда он впервые смог тридцать раз подтянуться на потолочной балке в своей «спальне», Андерс Пейна подал в отставку. В пивных об этом судачили целую неделю, а тюремщики Питера — еще дольше. Многие говорили, что Флегг сразу же предаст Пейну суду, и скоро жители города воочию убедятся, что же все-таки течет в жилах бывшего главного судьи — кровь или ледяная вода. Но Пейну не трогали, и пересуды прекратились. Питер был рад этому: он не держал зла на старика, хоть тот и поверил в его виновность. Он уже понял, как ловко Флегг умеет подделывать улики.

В тот же год умер отец Денниса, Брендон, просто и достойно, так же как и жил. Несмотря на ужасную боль в груди, он закончил дневную работу и медленно добрел до дома. Он сидел на кровати и ждал, когда пройдет боль, но она только усиливалась. Тогда он подозвал жену и сына, поцеловал их и попросил налить ему стаканчик джина. Выпив, он еще раз поцеловал жену и отослал ее из комнаты.

— Служи своему хозяину как следует, Деннис, — сказал Брендон сыну. — Ты теперь мужчина, и на тебе лежат мужские обязанности.

— Я буду служить королю, как смогу, отец, — пообещал Деннис, хотя его пугала мысль о том, что придется взваливать на себя обязанности отца. Уже три года Брендон и Деннис служили Томасу, и на первый взгляд их обязанности оставались теми же, что и при Питере, но только *на первый взгляд*.

— Да, королю, — прошептал Брендон. — Но если тебе понадобится сослужить службу твоему первому хозяину, Деннис, ты не должен колебаться. Я бы никогда...

В этот момент Брендон схватился рукой за грудь и умер. Он всегда хотел умереть именно так — в своем кресле, у своего камина.

На четвертый год заключения Питера — его веревка постепенно становилась все длиннее и длиннее — исчезло семейство Стаадов. Корона присвоила себе то небольшое, что осталось от их земель, как это делалось с другими знатными семьями, тоже исчезнувшими.

Исчезновение Стаадов было лишь вскользь упомянуто в пивных в заполненную событиями неделю — четыре казни, повышение налога на владельцев лавок и заключение в тюрьму старухи, которая три дня и три ночи бродила вокруг замка, крича, что ее сына забрали и мучают за то, что он выступал против нового налога на скот. Но когда Питер услышал из разговора тюремщиков о Стаадах, сердце его замерло.

Цепь событий, приведших к исчезновению семьи его старого друга, была теперь до ужаса знакомой всем в Делейне. Топор палача уже сильно сократил количество делейнской знати. Многие погибли потому, что их семьи служили королевству сотни, а то и тысячи лет, и они не могли поверить, что их может постигнуть подобное несчастье. Другие бежали, спасаясь от той же участи. Среди них были и Стаады.

Ходили слухи, с опаской передаваемые в самые уши, что бежавшие дворяне не просто бежали, а собрались где-то, быть может, в диких лесах на севере, и поклялись свергнуть короля.

Эти истории доходили до Питера, словно принесенные ветром, но он не давал надежде слишком глубоко проникнуть в свое сердце. Вместо этого он работал над веревкой. В первый год веревка каждые

три недели удлинялась на восемнадцать дюймов. В конце года у него был трос длиной в двадцать пять футов, вроде бы достаточно прочный, чтобы выдерживать его вес. Но между спуском на веревке с высоты потолочной балки и с высоты в триста футов имелась определенная разница, и Питер знал это. Его жизнь в буквальном смысле висела на волоске — на этом тонком тросе.

И двадцати пяти футов в год явно было недостаточно; он мог надеяться на осуществление своего плана лишь через восемь лет, а доходившие до него слухи становились все тревожнее. Королевство должно устоять; нельзя допускать хаоса и мятежа. Справедливость должна быть восстановлена законным путем, а не огнем и мечом. Перед законом все равны — он, Томас, Левен Валера, даже Флегг.

Как понравились бы эти его мысли Андерсу Пейне!

Питер решил, что должен попытаться бежать как можно скорее. Он снова и снова делал вычисления в уме, чтобы не оставлять следов, обещая себе, что не допустит ошибки.

На второй год он начал брать по десять ниток из каждой салфетки, на третий — по пятнадцать, на четвертый — по двадцать. Веревка росла. В конце второго года пятьдесят восемь футов; в конце третьего — сто четыре, в конце четвертого — уже сто шестьдесят.

До земли оставалось еще сто сорок футов.

В последний год Питер начал брать по тридцать ниток из каждой салфетки, и это впервые стало заметно — края салфеток были теперь как будто изгрызены мышами. Каждый день он ждал, что его хитрость будет обнаружена.

75

Но его так и не разоблачили. Питер не спал ночами, думая, что делать, если кто-нибудь увидит испорченные салфетки и это станет известно Флеггу. Он исходил из того, что салфетки берутся из какого-то ограниченного запаса — что-то около тысячи — и возвращаются к нему снова и снова. Правду знал только Деннис, но Питер не мог его спросить; иначе это сэкономило бы ему два года работы. На самом деле там, откуда брали салфетки для Питера, их хранилось не тысяча, не две, даже не двадцать, а почти *полмиллиона*.

Под замком был подвал размером с бальный зал, и он был заполнен одними салфетками — бесчисленным количеством салфеток. Неудивительно, что их запах показался Питеру затхлым; они лежали там со времен, не так далеко отстоящих от заключения несчастного Левена Валера, и их существование по иронии судьбы тоже, хоть и косвенно, было работой Флегга.

В те времена он сумел погрузить Делейн в столь желанный для него хаос. Валера лишился прав на трон, и его место занял безумный король Алан. Проживи он еще лет десять, и страна утонула бы в крови... Но Алана поразила молния, когда он в грозу играл в кости на заднем дворе своего дворца (я уже сказал, что он был безумен). Говорили, что сами боги послали эту молнию. Наследовала ему племянница Кайла, Кайла Добрая... и от нее прямая линия вела к Роланду и его сыновьям, о которых идет речь в этой истории. Это она, Кайла Добрая, вывела страну из мрака и нищеты, почти опустошив для этого королевскую сокровищницу. Она и так изрядно опустела за время

дикого царствования Алана II, короля, который иногда высасывал кровь из отрезанных ушей своих слуг и считал, что умеет летать; короля, который больше интересовался магией и некромантией, чем благосостоянием своего народа. Кайла знала, что после безумств Алана ее подданным нужны спокойствие и забота, и для начала решила дать работу всем, кто мог работать.

Все старики, которые не могли восстанавливать развалины или строить новые стены замка, стали делать салфетки — не потому, что салфетки были нужны (мы уже говорили, что большая часть делейнской знати обходилась без них), а потому, что нужна была *работа*. За двадцать лет хаоса руки людей стосковались по работе, и они трудились с охотой, прилежно склоняясь над ткацкими станками, такими же, как в кукольном доме Саши... только намного больше.

Десять лет старики королевства ткали салфетки, получая за это деньги от королевы Кайлы. Десять лет эти салфетки сносили в сухое, прохладное хранилище в замке. Питер заметил, что многие из его салфеток не только странно пахли, но и были проедены молью. Странно не это, а то, что большинство их осталось целыми.

Деннис мог бы сказать, что салфетки приносились Питеру, уносились (кроме тех ниток, что он выдергивал), а потом просто выбрасывались. А почему бы и нет? Их хватило бы для пятисот принцев на пятьсот лет... а может быть, и дольше. Если бы не Андерс Пейна, салфеток могло бы быть меньше, но он знал, как та бедная женщина нуждается в работе, и уже после бегства Стаадов продолжал снабжать Бесона деньгами. И она сидела в своем кресле у самых дверей

кладовой и год за годом спарывала с салфеток королевские гербы. Неудивительно, что весть о маленьком воровстве так никогда и не достигла ушей Флегга.

Так что вы сами видите: Питер мог бы работать гораздо быстрее, если бы не решил, что салфетки все время к нему возвращаются. Если бы он задался целью проверить это...

Впрочем, что ни делается, все к лучшему.

Или нет? На этот вопрос тоже отвечайте сами.

76

В конце концов Деннис, преодолев страх, стал дворецким Томаса. Это оказалось не так уж трудно. Томас его почти не замечал, только иногда ругал, что он не принес его туфли (сам Томас обычно бросал их где попало и забывал потом где) или настаивал, чтобы Деннис выпил с ним бокал вина. Вино вызывало у Денниса изжогу, хотя по вечерам он с удовольствием пропускал стаканчик джина, но он все равно пил. Деннис и без советов отца знал, что случается с теми, кто отказывается пить с королем. И иногда, опьянев, Томас требовал, чтобы Деннис не уходил домой, а проводил ночь в его покоях. Деннис справедливо полагал, что Томасу просто одиноко. Он долго и бессвязно жаловался, как трудно быть королем, как он пытается улучшить жизнь подданных и как все по разным причинам ненавидят его. Иногда во время этих жалоб он начинал плакать, иногда дико хохотал. Потом вдруг засыпал посередине путаной речи в защиту того или иного налога. Иногда ему удавалось добраться до кровати, и тогда Деннис спал

на кушетке, но чаще король падал на кушетку, и его дворецкому приходилось коротать ночь на холодном полу. Безусловно, это была довольно странная жизнь для королевского дворецкого, но Деннис другой не знал.

Томас не обращал на него внимания, но важнее то, что на него не обращал внимания и Флегг. Он использовал юношу как простое орудие в своей интриге, приведшей Питера в Иглу, а когда все кончилось, забыл о нем. Если бы Флегг подумал о Деннисе, он счел бы, что парню еще повезло: ведь он стал дворецким самого короля.

Но однажды, зимним вечером того года, когда Питеру исполнился двадцать один, а Томасу шестнадцать, когда тонкая веревка Питера была уже почти закончена, Деннис увидел нечто, изменившее все, — и с того, что он увидел, я и начну изложение финальных событий моей сказки.

77

Та ночь была очень похожа на ночь накануне смерти Роланда. Ветер завывал и злился в узких улицах города. Луга предместий и камни мостовых покрылись коркой льда. Ущербная луна то и дело пряталась в тучах, но к полуночи тучи окончательно затянули небо, и в два часа, когда Томас разбудил Денниса щелканьем замка в двери, ведущей в коридор, уже начался снегопад.

Деннис вскочил, чувствуя, как сотни иголок впиваются в затекшие во сне ноги. Накануне Томас уснул на кушетке, и молодому дворецкому достался ковер

у очага. Огонь почти потух, и Деннису казалось, что его дальний от огня бок покрывается инеем.

Он повернулся на скрежещущий звук... и сердце его подпрыгнуло от страха. На миг ему показалось, что перед ним призрак, и он едва не закричал. Потом до него дошло, что это всего-навсего Томас в белой ночной рубашке.

— М-м-мой господин?

Томас не ответил. Глаза его были открыты, но не смотрели на замок — они уставились вперед, в никуда. Деннис вдруг понял, что король ходит во сне.

Тут Томас каким-то образом догадался, что дверь не открывается из-за засова, открыл его и вышел в коридор. В колеблющемся свете факелов он еще больше напоминал призрак.

Деннис какое-то время сидел на полу с колотящимся сердцем. Снаружи ветер завывал снег в кружащиеся столбы и завывал, как стая ведьм. Что же делать?

Молодой король — его хозяин. Он обязан следовать за ним.

Может, эта дикая ночь заставила Томаса вспомнить о Роланде и о его последнем дне, а может, и нет — Томас и без того много думал об отце. Чувство вины терзало его, как медленный ад. В тот день он выпил меньше, чем обычно, но казался более пьяным: речь его была бессвязна, остекленевшие глаза широко раскрыты.

Это в немалой степени объяснялось отсутствием Флегга. Ходили слухи, что изгнанники — и в их числе Стаады — собираются где-то в северных лесах, и Флегг повел против них полк королевских солдат. В отсутствие чародея Томасу всегда делалось хуже. Ему уже не доставало вина, чтобы уснуть. Непокой-

ная совесть не лучшее снотворное, и король мог забыться только с помощью зелий Флегга, которые становились все более и более сильнодействующими. Уходя в поход, чародей оставил запас на три дня, но он отсутствовал уже неделю, и оставшиеся дни Томас почти не спал. Его неотступно терзали мысли об отце. Казалось, он слышит его голос: *Что ты на меня уставился?* Вино... улыбка Флегга... волосы отца, охваченные огнем... эти видения отгоняли сон и заставляли Томаса долгие часы ворочаться в постели.

Когда на восьмую ночь Флегг так и не вернулся (он стоял лагерем в пятидесяти милях от столицы и был в прескверном настроении; солдаты не обнаружили ничего, кроме замерзших следов копыт), Томас оставил Денниса ночевать у себя. И в ту же ночь он встал и пошел.

78

Деннис крался за своим хозяином по пустым и темным каменным коридорам, и, я думаю, вы догадываетесь, куда Томас Светоносный в конце концов его привел.

Долгая ночь постепенно переходила в долгое и столь же ненастное утро. В коридорах никого не было — если бы кто-нибудь там оказался, он или она побежали бы прочь, возможно, с криком, решив, что увидели двух духов: один впереди в белой рубашке, очень похожей на саван, второй — в суконном камзоле, какой носят слуги, но босиком и с лицом, бледным, как у трупа. Да, я думаю, те, кто мог их увидеть,

долго молились бы перед сном... да и молитвы вряд ли помогли бы им уснуть.

Томас остановился в самой середине коридора, возле потайной двери, о существовании которой Деннис даже не подозревал. Король стоял, и никакая служанка со стопкой белья не прошла мимо них, как тогда, несколько лет назад, когда Флегг показывал Томасу этот ход, — все приличные служанки еще крепко спали. Томас и вслед за ним Деннис подошли к стене, и там король остановился так внезапно, что Деннис едва не налетел на него. Томас обернулся, скользнув невидящим взглядом по лицу Денниса, который еле удержался, чтобы не закричать. В прозрачном свете чадающих факелов эти пустые глаза походили на отражение луны в гнилой воде.

Томас не видел его; дворецкий сделался для короля тусклым.

Бежать, прошептал рассудок Денниса, и в его звенящей голове этот шепот звучал криком. *Бежать скорее, он же мертвый, он умер во сне, и я иду за ходячим трупом!* Но потом он услышал голос отца, его отца, шепчущий: *Если тебе понадобится сослужить службу твоему первому хозяину, ты не должен колебаться.*

И голос, еще более тихий и глубокий, подсказал ему, что время сослужить эту службу пришло. Деннис, юноша дворецкий, уже однажды изменивший историю Делейна, найдя сгоревшую мышь, изменил ее еще раз, оставшись на месте, хотя страх сковал его с головы до ног.

Станным низким голосом, совсем не похожим на свой обычный (хотя Деннису он показался знакомым), Томас сказал:

— Четвертый камень от основания. Надави на него. Скорее!

Привычка повиноваться была так сильна, что Деннис потянулся к камню, прежде чем понял, что Томас приказывает сам себе. Король нажал на камень, который отодвинулся дюйма на три, и у Денниса отвисла челюсть. Кусок стены отъехал в сторону, обнажая потайную дверь. Деннису опять захотелось убежать — потайные двери напоминали ему о тайниках, а конкретно о том, где он нашел мышь.

Томас шагнул внутрь, и мгновение только его рубашка белела в темноте. Потом стена закрылась снова.

Деннис стоял, переминаясь с одной ноги на другую. Что ему теперь делать?

И снова он услышал голос отца, на этот раз нетерпеливый, не слушающий никаких возражений: *Иди за ним, болван! Скорее! Не то будет поздно!*

Но, папа, там темно...

Его будто ударили по щеке, и он в смятении подумал: *Какая у тебя сильная рука, папа, даже у мертвого! Ладно, ладно, я иду.*

Он отсчитал четыре камня от основания и нажал. Дверь со скрипом приоткрылась.

В зловещей тишине коридора послышался странный стук — будто пробежала каменная мышь. Деннис не сразу понял, что это стучат его собственные зубы.

Папа, я боюсь! — пожаловался он в последний раз и шагнул вслед за королем Томасом в темноту.

79

За пятьдесят миль Флегг, завернувшийся в пять одеял, чтобы спастись от холода и ветра, вскрикнул во сне в тот самый момент, когда Деннис вошел в по-

тайной ход. В ближнем лесу, услышав этот крик, завыли волки. Солдат, спавший рядом с Флеггом, внезапно умер от сердечного приступа — ему приснилось, что его терзает громадный лев. Солдат, спавший с другой стороны, проснулся слепым. Флегг всегда чувствовал моменты, когда мир поворачивается вокруг своей оси, хоть и не всегда их осознавал. И в этот раз, проснувшись утром, чародей знал только, что ему приснился кошмар, быть может, из его прошлого, такого далекого, что он и сам его не помнил.

80

Темнота в потайном ходу была полной и абсолютной. И в этой темноте, в сухом, застоявшемся воздухе Деннис услышал странный давящий звук.

Король плакал.

Остатки страха покинули Денниса — теперь он чувствовал только жалость к Томасу, который с годами становился толстым и одышливым, ноги его уже начали искривляться, и у него часто тряслись руки от выпитого накануне вина.

Деннис пошел вперед, руками нащупывая путь. Плач слышался все ближе... потом в темноте вдруг прорезался луч света. Теперь он видел Томаса, освещенного тусклым янтарным мерцанием, исходящим из двух отверстий, похожих на парящие в темноте глаза.

Только Деннис начал думать, что все, быть может, кончится хорошо, как король закричал. Он кричал очень громко, казалось, у него вот-вот порвутся голосовые связки. Ноги Денниса подкосились, он упал на колени, зажимая руками рот, чтобы заглушить

собственный крик. Ему теперь казалось, что весь ход заполнен призраками, похожими на огромных летучих мышей, и что они сейчас вцепятся ему в лицо. А может быть, так оно и было.

Он едва не потерял сознание... но не потерял.

Где-то внизу лаяли собаки, и он понял, что они находятся над псарней короля, где еще доживали свой век несколько старых псов Роланда. Они были единственными живыми существами, кроме самого Денниса, слышащими эти дикие крики. Но псы были реальными, не призрачными, и Деннис ухватился за их лай, как утопающий за соломинку.

Через миг он понял, что Томас не просто кричит — он выкрикивает какие-то слова. Сперва Деннис уловил лишь одну фразу, повторяющуюся снова и снова:

Не пей вино! Не пей вино! Не пей вино!

81

Три дня спустя кто-то постучал вечером в окошко фермы в одном из Ближних феофов, неподалеку от фермы, где еще недавно жила семья Стаадов.

— Открой! — проворчал Андерс Пейна. — И чем скорее, тем лучше, Арлен!

За годы, прошедшие с того дня, как Бесон появился у двери с запиской от Питера, Арлен сильно постарел, но это было ничто в сравнении с переменами, происшедшими с его хозяином. Бывший главный судья почти облысел. Если раньше он был просто худ, то теперь исхудал до того, что походил на скелет. Но потери волос и веса забывались, стоило взглянуть на его лицо. Раньше оно было суровым;

теперь превратилось в угрюмое. Под глазами залегли темно-коричневые мешки. На лице лежала печать отчаяния, и для этого были причины. Он видел, как с удручающей легкостью и быстротой то, чему он служил всю жизнь, превращается в руины. Думаю, все умные люди знают в глубине души, как хрупки такие вещи, как Порядок, Закон и Цивилизация, но предпочитают не думать об этом, оберегая свой сон и аппетит.

Видеть, как дело его жизни рушится, словно детский домик из кубиков, было мучительно, но Пейну все эти годы терзала еще одна, гораздо худшая мысль. Не только Флегг разрушал Делейн; он, Пейна, помогал ему. Кто, как не он, с такой *поспешностью* осудил Питера? Кто, как не он, так легко поверил в виновность юноши... и все на основании его слез?

С того самого дня, когда Питера отправили в Иглу, плаха на площади приобрела зловеще-ржавый цвет, который не мог смыть самый сильный дождь. И Пейну казалось, что он видит, как эта ржавчина расплывается по всей площади, по рынку, по улицам. В ночных кошмарах Пейна видел ярко-алые ручейки, пробивающиеся из-под камней мостовой, текущие вдоль улиц. Видел башни замка, кроваво отсвечивающие на солнце. Видел карпов во рву, плавающих кверху брюхом, отравленных кровью, которая сочилась уже, казалось, из самой земли. Видел, как кровь заливает поля, леса, всю землю Делейна. Даже солнце в этих ужасных снах было похоже на налившийся кровью, умирающий глаз.

Флегг позволил ему жить. В пивных шептались, что он пришел к соглашению с чародеем — выдал ему имена нескольких «предателей» или грозил облачить какие-то его темные тайны. Смешно. Флегг

был не из тех людей, которым можно угрожать. И никаких соглашений они не заключали. Флегг просто позволил ему жить... и Пейна знал почему. Мертвому ему было бы спокойнее. А живым он будет неперестанно страдать от собственного бессилия, видя, что Флегг делает с Делейном.

— Ну? — нетерпеливо спросил он. — Кто там, Арлен?

— Какой-то юноша, мой господин. Говорит, что ему нужно вас видеть.

— Гони его, — проворчал Пейна. Еще год назад он сам услышал бы стук в дверь, но теперь и слух у него сильно ухудшился. — Ты же знаешь, я никого не принимаю после девяти. Многое изменилось, но только не это.

Арлен откашлялся:

— Я знаю этого юношу. Это Деннис, сын Брендона, дворецкий короля.

Пейна не поверил своим ушам. Может, он совсем оглох? Он велел Арлену повторить и опять услышал то же самое.

— Впусти его. Скорее!

— Да, мой господин. — Арлен пошел к двери.

— Арлен!

Арлен повернулся с вопросительным видом.

Правый угол рта у Пейны чуть-чуть дернулся:

— Ты уверен, что это не тролль?

— Уверен, мой господин, — ответил Арлен, и у него едва заметно дернулся *левый* угол рта. — Никаких троллей давно уже нет. Во всяком случае, так мне говорила моя мать.

— Твоя мать была разумной женщиной. Я не раз тебе это говорил. Впусти же скорее этого юношу.

— Да, мой господин.

Пейна смотрел в огонь, в непонятном волнении потирая скрюченные артритом руки. Дворецкий Томаса здесь, у него. В такое время. Зачем?

Ответ пришел скоро, вместе с появившимся на пороге дрожащим от холода Деннисом. Он куда быстрее добрался бы до Пейны, если бы тот по-прежнему жил в своем роскошном городском доме, но дом конфисковали за «неуплату налогов». За сорок лет службы он скопил лишь горсть золотых, которых хватило на то, чтобы купить эту лачугу в Ближних феодах и продолжать платить Бесону.

Он смотрел на юношу, стоящего на пороге, и волновался все сильнее. Сейчас. *Сейчас он получит ответ на все свои вопросы.* Абсурдное чувство надежды, как луч света, блеснувший в темной пещере, опять охватило его. Он взял с полки свою любимую трубку и увидел, как дрожат руки.

82

Юноша тоже дрожал, и Пейне показалось, что дрожал он не только из-за холода.

— Деннис! — Пейна выпрямился в кресле, поморщившись от боли, вызванной резким движением. — Что-нибудь случилось с королем? — Ужасные предположения разом всплыли в мозгу судьи: король мертв, упился до смерти или покончил с собой; все в Делейне знали, что он постоянно не в духе.

— Нет, это... да... но нет... не то, что вы думаете... не совсем.

— Иди и сядь к огню. Арлен, не стой как столб! Принеси одеяло! Нет, два! Укутай его, пока он не умер от холода!

— Да, мой господин, — отозвался Арлен. Он не стоял как столб, а ждал распоряжений, но не обиделся, понимая волнение хозяина. Он взял два одеяла с собственной постели — остальные два лежали на постели самого Пейны — и укутал ими юношу, осторожно, чтобы они не вспыхнули, нечаянно коснувшись огня. Иней на волосах Денниса таял и тек по щекам, как слезы.

— Теперь чаю. Крепкого!

— Мой господин, у нас осталось всего полкоробочки...

— Плевать, сколько у нас осталось! Завари чашку для меня и чайник для него. И себе тоже, а потом возвращайся сюда и слушай.

— Мой господин? — Тут уж Арлен не смог скрыть изумления.

— Черт возьми! Неужели ты так же глух, как я? Брось прикидываться и делай, что я сказал!

— Да, мой господин. — И Арлен пошел заваривать чай.

83

Пейна вовсе не забыл искусство допроса, как бы ему ни хотелось этого долгими бессонными ночами. Но когда Арлен вернулся с чаем, его хозяин задавал Деннису какие-то *странные* вопросы. Он спросил о здоровье матери; потом о том, борются ли в замке с сыростью; поинтересовался видами на урожай — словом, тщательно обходил все опасные темы. Мало-помалу Деннис оттаял и успокоился.

Арлен налил ему чаю, и Деннис проглотил половину одним глотком, потом отдышался и вторым глотком проглотил остальное. Невозмутимый, как всегда, Арлен подлил ему еще.

— Полегче, мой мальчик, — предупредил Пейна, раскуривая трубку. — Полегче с горячим чаем и норовистыми лошадьми.

— Холодно. Я думал, не дойду.

— Ты *шел*? — Пейна не смог скрыть удивления.

— Да. Мать сказала во дворце, что я подхватил грипп. В это время года такое часто бывает. А я шел целый день. Не решился взять лошадь, не знал, что это так далеко, а то бы взял. Я шел с трех часов дня. — Он замаялся, потом выпалил: — И я не вернусь! Не вернусь никогда! Я видел, как он смотрел на меня, когда я уходил. Он знает, что я что-то видел, хотя не знает что. Я до сих пор вижу его глаза — узкие и темные, как ночь! Если я вернусь, он вырвет это из меня, я уверен.

Пейна смотрел на юношу, нахмурившись, и пытался понять, что означает эта речь.

Деннис уже чуть не плакал:

— Я говорю о Фле...

— Тише! — оборвал его Пейна. — Я знаю, о ком ты говоришь, и лучше не произноси его имя вслух. Расскажи толком, что случилось.

— Да. Да, конечно.

Деннис помедлил, собираясь с мыслями. Пейна терпеливо ждал, хотя его волнение нарастало.

— Видите ли, — начал наконец Деннис, — три ночи назад Томас приказал мне остаться на ночь у него, как он часто это делает. И вот около полуночи...

84

Деннис рассказал все, что вы уже знаете, и, к его чести, не умолчал и о собственном страхе. Пока он говорил, ветер выл за окном, не умолкая, а пламя в очаге разгоралось все ярче. Все оказалось еще хуже, чем думал Пейна. Питер не только отравил короля; *Томас видел, как это произошло.*

Неудивительно, что молодой король так мрачен. Быть может, слухи о том, что он сходит с ума, не так уж беспочвенны, как казалось Пейне.

Но пока Деннис наливал себе еще чаю, Пейна подумал: что-то здесь не так. Если короля отравил Питер, то почему Деннис здесь? И почему он так боится *Флегга*?

— Ты слышал еще что-то?

— Да, господин, — сказал Деннис, отхлебывая из чашки: — Томас... он вдруг начал кричать. Мы были вдвоем в этом темном коридоре.

Он замолчал, не зная, как передать ужас того момента, когда рядом с ним кричал Томас, а внизу глухо лаяли собаки. Как рассказать про запах этого места — запах старых, жутких тайн, кислый, как запах испорченного молока. Как сказать о страхе, охватившем его, когда он услышал, что кричит Томас.

Он снова и снова повторял имя чародея и умолял короля не пить из кубка. Потом: *Что ты уставился на меня?!* И после: *Я принес вам бокал вина, чтобы доказать, что я тоже люблю вас.* И наконец слова, которые Питер тотчас бы признал; слова четырехсотлетней давности: *Это Флегг! Флегг! Это Флегг!*

Деннис выронил из рук чашку. Все трое молча смотрели на осколки.

— А потом? — спросил Пейна очень тихо.

— Потом он долго молчал. Мои глаза привыкли к темноте, и я смог его разглядеть. Он спал... спал возле этих двух дырочек, уронив голову на грудь.

— Долго это продолжалось?

— Не знаю, господин. Собаки затихли, и я, быть может... я...

— Тоже заснул? Очень может быть.

— Потом он, похоже, проснулся. Во всяком случае, глаза у него открылись. Он закрыл панели, и опять стало темно. Он пошел к выходу, я прижался к стене, и его ночная рубашка... она задела мое лицо.

Он поморщился, вспомнив это ощущение, похожее на прикосновение липкой паутины.

— Он вышел, и я за ним. Дверь закрылась, и осталась ровная стена. Потом мы вернулись в его покои.

— Вас кто-нибудь видел?

— Никто, господин главный судья.

— Это хорошо. — Пейна чуть расслабился. — Что-нибудь еще случилось той ночью?

— Нет, господин. Он лег в постель и заснул как мертвый. — Деннис опять замолчал, потом добавил: — Но я не сомкнул глаз и после тоже не мог заснуть.

— И утром он...

— Ничего не помнил.

Пейна сцепил пальцы и смотрел сквозь этот домик на угасающий огонь.

— Скажи, возвращался ли ты на то место? — спросил он.

— А вы бы вернулись, господин?

— Да. Но я спрашиваю *тебя*.

— Вернулся.

— Разумеется! Тебя там не видели?

— Нет. Мимо прошла служанка; похоже, из прачечной, потому что от нее пахло мылом и мокрым

бельем. Когда она ушла, я отсчитал четыре камня от пола и надавил.

— Ну и что ты увидел там, внутри?

— Мой господин, когда я открыл панели, то увидел комнату короля Роланда. С этими головами на стенах. И мне казалось... мне казалось, все эти головы *смотрят* на меня.

— Но одной головы ты *не видел*.

— Нет, господин. Я видел их... — Деннис замолчал, расширив глаза. — Нинер! — воскликнул он. — Нинер! Эти дырки...

Снова наступило молчание. Только ветер без устали выл за окном. И далеко от них, в своей камере, Питер, законный король Делейна, склонившись над маленьким станком, ткал веревку, почти невидимую глазу.

Наконец Пейна глубоко вздохнул. Деннис со своего стула смотрел на него умоляюще-вопросительно. Пейна медленно встал и положил руку ему на плечо.

— Ты правильно сделал, что пришел сюда, Деннис, сын Брендона. И причину своего отсутствия придумал правильную. Сегодня ты будешь спать здесь, на чердаке. Там холодно, но, думаю, это лучше, чем возвращаться туда, откуда ты пришел.

Деннис кивнул. По щеке его медленно сползла слеза.

— Твоя мать не знает, почему тебе пришлось уйти?

— Нет.

— Тогда ее никто не тронет. Арлен отведет тебя наверх. Одеяла тебе придется ему отдать, но там много соломы, и она чистая.

— Мне хватит и одного одеяла, мой господин, — заметил Арлен.

— Нет, Арлен. Молодая кровь горяча и во сне. А тебе нужно одеяло, чтобы согреться... и чтобы спрятаться от троллей, если они явятся к тебе во сне.

Арлен вежливо улыбнулся.

— Утром мы поговорим о том, что нам делать. Надеюсь, Деннис, ты понимаешь: дороги назад для тебя нет.

— Понимаю, господин. Но ведь теперь и вы тоже в опасности?

Пейна усмехнулся:

— Я стар, и Арлен тоже. У стариков слабое здоровье, и иногда это делает их более осторожными... но иногда придает смелости. — *Особенно*, подумал он, *когда им нужно искупить свою вину*. — Поговорим обо всем утром. Посвети ему, Арлен.

— Да, мой господин.

— И возвращайся сюда.

— Да, мой господин.

Арлен увел Денниса из комнаты, оставив Пейну глядеть на умирающий огонь.

85

Когда Арлен вернулся, Пейна сказал ему:

— Нам нужно разработать план, Арлен, но сперва налей мне глоток вина. Хочу подождать, пока он заснет.

— Он уснул мгновенно, мой господин.

— Все равно налей глоток вина.

— У нас и остался глоток, не больше.

— Вот и хорошо, завтра головы у нас должны быть свежими.

— Почему, мой господин?

— Потому что завтра мы, все трое, уезжаем на север. Деннис сказал, что в Делейне грипп, и это действительно так. Мы уезжаем за *здоровьем*.

Арлен медленно кивнул.

— Было бы преступлением оставлять такое хорошее вино сборщику налогов. Поэтому выпьем его... и пойдем спать.

— Как скажете, мой господин.

— Но прежде пойдя на чердак и забери одеяло, которое ты отдал этому юноше вопреки моим словам.

Арлен заглянул в глаза своему хозяину и первый и последний раз за годы службы громко рассмеялся.

86

Пейна лег, но не мог заснуть. Ему мешал не вой ветра, а холодный смех, звучащий у него в голове.

Не в силах больше выносить этот смех, он встал, вернулся в гостиную и сел у потухшего очага. Седые волосы облаком окружали его голову. Он сидел, завернувшись в одеяло, как самый старый индеец в мире, и смотрел на угли.

Гордость предшествует падению, говорила когда-то его мать, и он это понимал. Еще мать говорила: *Над гордостью рано или поздно посмеются*. Он не понимал этого... но теперь понял. Теперь, когда слышал чужой смех в своем мозгу и не мог заснуть, хотя ему предстоял тяжелый день.

Он в полной мере сознавал иронию своего положения. Всю жизнь служивший закону, он не мог одобрять таких вещей, как мятеж или разрушение тюрем. Он знал, что бежавшие на север лорды назы-

вают себя изгнанниками, но знал также и то, что от этого слова один лишь шаг до слова «мятежники». И он может сдерживать мятеж, лишь примкнув к мятежникам и освободив узника Иглы из его темницы. Над *этим* и смеялся незнакомец внутри, мешая ему уснуть.

Такие действия противоречили всему его образу мыслей, но он знал, что другого пути нет. Питер невиновен. Законный король Делейна заключен в Игле.

И чтобы восстановить справедливость, он должен...

— Салфетки, — пробормотал Пейна. — Прежде чем мы освободим короля, нужно выяснить это дело с салфетками. Расспросить Денниса... и этого Стаада...

— Мой господин? — Перед ним стоял Арлен. — Вам нехорошо?

— Да, мне нехорошо, — мрачно ответил Пейна. — Но этому не поможет ни один лекарь.

— Очень жаль, мой господин.

Пейна пристально поглядел на слугу:

— Прежде чем мы окажемся вне закона, я хочу узнать, зачем ему понадобился кукольный дом его матери. И салфетки.

87

— Вернуться в замок? — переспросил утром Деннис хриплым шепотом. — Вернуться к *нему*?

— Если ты чувствуешь, что не в силах, не буду тебя принуждать, — сказал Пейна. — Но ты, я думаю, достаточно хорошо знаешь замок, чтобы не попасться *ему* на глаза. Иначе тебе не поздоровится. Для больного ты выглядишь слишком бодрым.

День был холодным и ясным. Снег на пологих холмах Ближних феофов блестел так, что было больно глазам.

Быть может, я еще сегодня ослепну от этого снега, подумал Пейна мрачно, но незнакомец в его голове нашел и эту мысль забавной.

Вдалеке на горизонте виднелись призрачные башни Делейнского замка, похожие на картинку из книги сказок. Но Деннис вовсе не напоминал храброго сказочного героя. В глазах его застыл страх, как у человека, только что спасшегося из клетки со львами, которому сказали, что он должен туда вернуться.

— Я могу туда пробраться, — сказал он. — Но если *он* почует меня, то найдет, где бы я ни прятался.

Пейна кивнул. Ему не хотелось увеличивать страх юноши, но он не мог скрывать правду:

— Да, это так.

— Но вы все равно хотите, чтобы я пошел?

— Если можешь.

После завтрака Пейна объяснил Деннису, что тот должен разузнать в замке. Теперь Деннис испытал уже не страх, а удивление:

— Салфетки?

— Салфетки, — кивнул Пейна.

Деннис поглядел на призрачные башни на горизонте:

— Мой отец, умирая, сказал, чтобы я, когда понадобится, помог моему первому хозяину. И я сделаю это. Но если я должен туда вернуться...

К ним присоединился Арлен.

— Твой ключ от дома, — сказал ему Пейна.

Арлен дал ему ключ, и Пейна передал его Деннису.

— Мы с Арленом отправляемся на север, чтобы присоединиться к... — Пейна поколебался и закон-

чил: — к изгнанникам. Я даю тебе ключ от этого дома. Второй ключ отдам твоему знакомому, который должен быть там, куда мы идем.

— Кто это? — спросил Деннис.

— Бен Стаад.

Хмурый Деннис вдруг просиял:

— Бен с ними?

— Скорее всего, — ответил Пейна. На самом деле он точно знал, что Бен и вся семья Стаадов с ними. Он был еще не так глух, чтобы не слышать новостей королевства.

— И вы пришлете его сюда?

— Если он пойдет, — заметил Пейна.

— Зачем? Мой господин, я ничего не понимаю.

— Я тоже. — Только тут Деннис увидел, что вид у Пейны несколько растерянный. — Я всю жизнь делал какие-то дела потому, что они казались мне логичными. Я видел, что получается, когда люди действуют нелогично. Результаты иногда бывают смешными, но часто они просто ужасны. И вот теперь я сам действую против всех законов логики.

— Я не понимаю вас, господин.

— Я тоже, Деннис. Знаешь, какой сегодня день?

Деннис замялся, но быстро вспомнил:

— Вторник.

— Вторник. Хорошо. А теперь я задам тебе вопрос, который мое дурацкое, нелогичное поведение считает важным. Если не знаешь ответа, так и скажи. Ты готов?

— Да, мой господин, — сказал Деннис, хотя вовсе не был уверен, что сможет ответить. Пронизывающие голубые глаза Пейны под седыми кустистыми бровями вселяли в него тревогу.

Но вопрос оказался очень простым. Он был еще более странным, чем вопрос о салфетках, но Деннис знал ответ и ответил.

— Ты уверен? — переспросил Пейна.

— Да, господин.

— Отлично. Это я и хотел услышать.

Пейна еще немного поговорил с Деннисом, пока они втроем стояли возле полуразвалившейся хибары, куда бывшему главному судье уже никогда не суждено было вернуться. Деннис выслушал инструкции и четко повторил их, когда Пейна этого потребовал.

— Отлично, — повторил Пейна.

— Я рад, что угодил вам, господин.

— Не думай, что мне нравится все это. Если Бен Стаад там, мне придется послать его на очень опасное дело. И тебя я отправляю в замок потому, что сердце говорит мне: с этими салфетками что-то не так... и с кукольным домом. Я все больше думаю об этом. Он попросил эти вещи не для забавы. Но тогда *зачем?* — Пейна сердито ударил себя кулаком по ноге. — И вот я посылаю двоих юношей на опасное дело, и сердце говорит мне, что так и надо, но я все еще не знаю — *ЗАЧЕМ?*

И человек, который однажды осудил юношу из-за его слез, почувствовал, что незнакомец, сидящий у него внутри, смеется все громче и громче.

88

Двое стариков попрощались с Деннисом. Деннис поцеловал перстень судьи, на котором была изображена Большая печать Делейна. Пейна оставил свой

пост, но с этим перстнем расстаться не мог. Он служил закону и, хотя совершал ошибки, не давал им заставить себя усомниться в его правоте. Даже последняя и самая большая ошибка не разбила сердце Пейны. Он знал, что дорога в ад вымощена благими намерениями, но знал и то, что часто благие намерения являются единственным достоянием людей. Люди не ангелы, и ад для них всегда близок.

Он не хотел, чтобы Деннис целовал перстень, но тот настоял. Потом Арлен пожал Деннису руку и пожелал удачи. Деннис улыбался, но в глазах его по-прежнему был страх. После этого молодой дворецкий повернул на восток, к замку, а старики отправились на запад, в сторону поместья Чарлза Ричфула. Этот богатый фермер разводил ездовых собак и безропотно платил все увеличивающиеся налоги, но Пейна знал, что он симпатизирует изгнанникам в северных лесах и помогает кое-кому добраться до них. Пейна никогда не думал, что ему самому придется воспользоваться услугами Ричфула, но теперь время пришло.

Старшая дочь фермера Наоми отвезла Пейну и Арлена на север в санях, запряженных дюжиной самых сильных собак. В четверг вечером они достигли опушки лесов.

— Далеко отсюда до лагеря? — спросил Пейна у Наоми.

Девушка швырнула в костер недокуренную тонкую чадающую сигару:

— Два дня в хорошую погоду, четыре — в плохую. А если поднимется буран, то мы никогда туда не попадем.

Несмотря на эту неутешительную новость, Пейна крепко уснул. Эти несколько ночей он спал лучше, чем все последние годы.

Следующие два дня погода оставалась ясной. На исходе четвертого дня с момента встречи с Деннисом они увидели маленький кружок палаток и деревянных избушек.

— Эй! Кто идет? А ну говори пароль! — Пейна тотчас узнал этот голос, молодой и сильный.

— Это Наоми Ричфул, — отозвалась девушка, — а пароль три недели назад был «дракон». Если с тех пор он изменился, можешь застрелить меня, Бен Стаад, но я буду являться тебе по ночам.

Из-за скалы показался смеющийся Бен:

— Нет, Наоми, я не хочу делать из тебя привидение — ты и живая достаточно страшна!

Не обращая на него внимания, она повернулась к Пейне:

— Приехали.

— Да. Я вижу.

И верю, что так и надо... потому что интуиция говорит мне, что времени остается мало... очень мало.

89

То же чувство было и у Питера.

К воскресенью, через два дня после того как Андерс Пейна и Арлен достигли лагеря изгнанников, веревка, по его расчетам, должна была не доставать до земли еще тридцати футов. Это значило, что, если он повиснет на ее конце, до земли останется как минимум двадцать три фута. По-хорошему, нужно было поработать еще месяца четыре — к чему рисковать? Ведь что толку, если он упадет и разобьется? Будет лежать на камнях площади, пока его не подберут дежурные гвардейцы.

Пейна, без сомнения, принял бы такую логику, но Питер чувствовал, что должен спешить. Почти неделю он видел один и тот же сон, возвращавшийся с настойчивостью призрака. Ему снился Флегг, склонившийся над каким-то блестящим предметом, заливавшим лицо чародея зеленовато-желтым мерцанием. Глаза Флегга в этом сне сперва удивленно расширялись, а потом сощуривались в злобные щелки. В этом выражении глаз, в искривленных губах Питер читал только одно: смерть. Флегг произносил единственное слово, глядя на непонятный предмет, мерцание которого колебалось, как пламя свечи. Этим словом было имя «Питер».

В субботнюю ночь луна на небе появилась в дымке, и стражники говорили, что это предвещает снег. Отец научил Питера узнавать погоду, и в тот вечер он долго размышлял, стоя у окна.

Я могу попытаться бежать в следующую ночь, думал он. Снег, может быть, смягчит падение. Он улыбнулся этой мысли. Три дюйма снега — что они сделают? Даже если веревка выдержит. Даже если он не сорвется... и сможет идти.

Да и куда он пойдет? Кто поможет ему? Во всем королевстве — один только Бен Стаад.

Конечно, он может понадеяться на удачу. Королевскую удачу, о которой столько говорил его отец. У каждого короля своя удача. Он уже пять лет был королем Делейна — ощущал себя им, — и до сих пор удачи у него было не больше, чем у семейства Стаадов. Но в эту ночь все могло измениться.

Его веревка, его ноги, его удача. Все это может не изменить ему... а может и изменить. Не важно. Он должен спешить.

— Ночью, — прошептал он, глядя в окно. Но вечером случилось нечто, изменившее его планы.

90

Пейна и Арлен целый день добирались до фермы Ричфула, до которой было десять миль. До Делейнского замка было вдвое дальше, и Деннис уже в два часа дня постучал бы в его ворота, если бы совершил такую глупость. Но Пейна был точен в своих инструкциях, особенно если учесть, что не слишком ясно представлял себе мотивы своих поступков, поэтому Деннис вошел в замок не сразу.

Сперва он искал убежище, где мог бы провести следующие несколько дней. На дороге никого не было, но скоро там должны были появиться крестьяне, идущие с рынка, а Деннис не хотел, чтобы его кто-нибудь узнал. Ведь он, по идее, все еще лежал дома с гриппом. Довольно скоро он отыскал заброшенную ферму — их становилось все больше благодаря Томасу Налогоносному.

Деннис пробыл там до субботы — до дня, когда Бен Стаад вместе с Наоми уже спешили на собачьей упряжке в дом Пейны. Если бы Деннис знал это, ему было бы легче, но он не знал.

В подвале нашлось немного картошки и репы. Он съел картошку (потому что репу терпеть не мог), вырезая ножом гнилые места, по сути дела, три четверти каждой картофелины. Он доедал остатки — шарики размером с голубиное яйцо — и с отвращением поглядывал на репу. *Когда я проголодаюсь, думал он, она, может быть, покажется вкуснее.*

Вкуснее репа не казалась, но Деннис все равно ее ел. Нужно было продержаться до субботы.

91

Еще он нашел в подвале пару снегоступов. Крепления оказались велики, но ему хватило времени их подогнать. Кожа уже начала гнить, но с этим ничего нельзя было поделать. В конце концов, они нужны ему ненадолго.

Спал он в подвале, боясь неожиданных гостей, но большую часть дня проводил в гостиной заброшенного дома, высматривая идущих по дороге. Гостиная, где когда-то собиралась большая семья фермера, обсуждая планы на день, теперь была пуста и уныла.

Пейна, узнав, что Деннис умеет читать и писать, и проверив это после завтрака в среду — последнего нормального завтрака Денниса, — вручил ему несколько листков бумаги и карандаш. Деннис провел в этой печальной гостиной немало часов за составлением записки. Он писал, зачеркивал, точил карандаш ножом и писал опять. Он боялся забыть что-либо из того, что говорил Пейна, и иногда ругал старика, что тот не написал записку сам или не продиктовал Арлену. Но в основном работа ему нравилась. Он куда хуже работал головой, чем руками, но все же это было лучше, чем безделье.

К субботе записка была готова. Деннис смотрел на нее с радостью — ему никогда не приходилось писать так много. Он сложил ее до размера марки и сел у окна, с нетерпением ожидая темноты. Питер видел несущиеся по небу облака из своей камеры, Ден-

нис — из окна заброшенного фермерского дома, но оба знали от своих отцов — короля и дворецкого, — что это предвещает снег.

К четверем по полу гостиной поползли длинные сизые тени, и Деннис решил двигаться дальше. Впереди его ждала опасность. Он шел прямо в логово Флегга, где тот творил свои злые чары. Но это не имело значения: он знал — пришло его время исполнить свой долг, и был намерен сделать все, что от него зависело.

Деннис вышел из дома, надел снегоступы и отправился через поле к башням замка. Промелькнула мысль о волках. Он не знал, что Питер решил бежать именно в эту ночь, но, как и Питер, как и Пейна, чувствовал, что нужно спешить.

Пробираясь по заснеженному полю, он думал, как проникнуть в замок, чтобы Флегг... Стоило ему мысленно произнести имя чародея, как где-то завыл волк. Флегг, задремавший над книгой заклинаний в своем кабинете, подскочил в кресле.

— Кто произнес мое имя? — прошептал он, и двухголовый попугай в страхе закричал.

Деннис услышал этот шепот, сухой и безжалостный, как шорох паучьих лап, посреди снежного поля. Он замер, потом пошел дальше. Несмотря на мороз, со лба у него стекали крупные капли пота.

С громким треском лопнуло одно из сгнивших креплений. Снова тоскливо провыл волк.

— Никто, — прошептал Флегг, откидываясь в кресле. Он редко болел — три-четыре раза за всю жизнь, — но в походе порядком замерз, ночуя на холодной земле, и это сказывалось до сих пор. — Никто. Мне показалось.

Он захлопнул книгу и опять погрузился в сон.

Деннис медленно расслабился. Капля пота попала ему в глаз, и он рассеянно смахнул ее. Он подумал о Флегге — и Флегг каким-то образом это услышал. Но теперь темная тень чародея миновала его, как тень ястреба — сжавшегося в ужасе кролика. Деннис глубоко вздохнул. Он изо всех сил старался не думать о Флегге, но наступала ночь, на небо всходила бледная оскаленная луна, и эти мысли все неотвязнее подступали к нему.

92

К восьми часам Деннис добрался до Королевского заповедника. Он хорошо знал эти места, так как часто вместе с отцом сопровождал Роланда на охоту.

Томас выезжал охотиться куда реже, но Деннис бывал тут и с ним. К полуночи он дошел до края этого маленького леса.

До стены замка оставалось всего полмили. Луна светила все так же ярко, и Деннис боялся, что часовой на стене заметит его. Он с самого начала знал: эта часть пути будет самой рискованной, но раньше риск казался далеким и несущественным. Теперь он был очевиден.

Вернись, прошептал кто-то внутри, но Деннис не стал слушать. Ему поручено важное дело, и если суждено умереть, выполняя его, он умрет.

Из главной башни еле слышно донесся крик часового:

— *Двенадцать часов! Все спокойно!*

Все спокойно, подумал Деннис. *Вранье, все просто ужасно!* Он поплотнее запахнул куртку и стал ждать, когда скроется луна.

Наконец можно было идти. Времени оставалось все меньше. Он шел по полю так быстро, как только мог, каждый миг ожидая окрика: *Стой, кто идет?* Но окрика не последовало. Ночное небо заволокли тучи, и все под стеной погрузилось в тень. За десять минут Деннис достиг замерзшего рва, снял снегоступы и пошел через ров к самой стене.

Сердце его замерло. Он напряженно прислушивался, стараясь услышать шум текущей воды. Наконец увидел то, что искал — черное отверстие в стене, из которого струйкой бежала вода. Труба водослива.

— Ну! — прошептал он, быстро пробежал пять шагов и прыгнул. Лед, хрупкий от постоянного притока теплой воды, треснул под его ногой, но Деннис уже держался за покрытый скользким мхом край трубы. Кое-как он забрался внутрь. Эту трубу он с товарищами обнаружил еще в детстве, но родители строго-настрого запретили ему забираться в нее — отчасти потому, что там можно было заблудиться, отчасти из-за крыс. Но Деннис знал, куда ведет труба.

Примерно через час в пустом коридоре замка открылась решетка водостока, и оттуда выбрался очень мокрый и очень грязный Деннис. Ему очень хотелось подольше полежать, отдыхая на полу, но кто-нибудь мог обнаружить его даже в этот поздний час. Поэтому он поставил решетку на место и осмотрелся.

По крайней мере в трубах не оказалось крыс. Он ожидал их встретить не только потому, что верил историям, которые рассказывал отец, но и потому, что сам видел их в детстве, когда играл возле этих труб.

Куда же они подевались? Деннис не мог знать, что крысы, в изобилии водившиеся раньше в трубах, не тревожили обитателей замка вот уже пять лет — с того самого дня, когда Флегг выбросил в водосток камень

и нож, на которых осталось несколько крошечных частиц Драконьего Песка. Многие крысы сгорели заживо, отравленные парами ужасного яда, а остальные ушли и до сих пор не возвращались, хотя за эти годы яд в основном выветрился. Но если бы Деннис подобрался поближе к жилищу Флегга, он тоже мог бы умереть. Не знаю, что его спасло — случай или судьба.

93

Дойдя до поворота, Деннис выглянул из-за угла и увидел молодого заспанного стражника. Сердце его подпрыгнуло, но зато теперь он понял, где находится.

Когда стражник ушел, Деннис быстро, с уверенностью человека, знающего замок как свои пять пальцев, отправился в западное крыло, где хранились салфетки. Он старался выбирать самые темные коридоры и при каждом звуке, реальном или воображаемом, прижимался к стене. Весь путь занял почти час, и ему ужасно хотелось есть.

Забудь о брюхе, Деннис, — думай в первую очередь о своем хозяине!

Отдаленный крик часового возвестил о том, что уже четыре часа. Деннис был близок к цели, когда из-за поворота вдруг показался стражник. Деннис вжался в стену, стараясь не дышать. Вот сейчас стражник повернется, увидит его, схватится за меч... и это будет концом и для Денниса, и для Питера.

От стражника несло винным перегаром и потом. Он остановился, поковырял в носу, потом вдруг запел надтреснутым голосом:

— Знал девчонку я, друзья... Марчи-Мельд ее звал я... Я прошел бы семь морей... Чтоб обнять ее скорее... Тутти-синди, тутти-на, дайте мне стакан вина...

Тут с Деннисом случилось нечто ужасное. Его нос начал чесаться. Скоро он должен чихнуть.

Иди же, болван! — взмолился он про себя.

Но стражник вместо этого извлек из левой ноздри что-то зеленое и принялся разглядывать.

— Знал девчонку я, друзья, — завел он снова. — Дарчи-Дарл ее звал я... Целовал я тыщу раз милых губ ее и глаз... Тутти-синди, тутти-на... дайте мне стакан вина.

Об башку бы тебе стакан вина, подумал Деннис. **ПРОВАЛИВАЙ!** Нос чесался все сильнее, но он не осмеливался тронуть его, боясь быть замеченным.

Стражник еще покопался в своем носу и наконец ушел, по-прежнему напевая дурацкую песенку. Едва он отошел, как Деннис зажал нос и рот и чихнул. Он ожидал лязга металла и воплей, но стражник ничего не заметил. Раньше за пьянство на посту он мигом загремел бы на дальнюю границу, но времена изменились. Деннис немного подождал, потом с опаской двинулся к двери справа по коридору. Он хорошо знал эту дверь, хотя теперь рядом с ней стояло кресло. Дверь вела в хранилище салфеток. Ее не запирали раньше, не запирали и теперь — кому нужны старые салфетки?

Стоя здесь, он вспомнил вопрос, который задал ему Пейна: *Знаешь ли ты, откуда берут салфетки для принца Питера?*

Этот вопрос показался Деннису легким, но вы, быть может, заметили, что все вопросы, на которые знаешь ответ, кажутся легкими. Деннис взял деньги

у Бена — собственно, у Андерса Пейны, и считал своим долгом время от времени проверять, выполняется ли то, на что эти деньги пошли.

Он рассказал Пейне о хранилище салфеток (чем тот был весьма удивлен) и о том, как каждую субботу служанка берет оттуда двадцать одну салфетку, гладит их и вывозит на маленькой тележке за дверь, откуда воскресным утром слуга относит их в Иглу и передает одному из стражников.

Все это он рассказал Пейне.

Теперь Деннис подошел к тележке, где лежала очередная партия салфеток. Он откинул верхнюю. Воскресный завтрак. Воскресный обед. Воскресный ужин. Если бы он откинул еще одну, вся наша история могла бы кончиться по-другому. Но он решил, что под тремя салфетками записка будет в безопасности. Он извлек из подкладки куртки булавку, которую нашел накануне в фермерском доме, и аккуратно пришил записку к внутренней стороне салфетки.

— Найди ее, Питер, — прошептал он громоздящимся вокруг пирамидам салфеток. — Найди ее, мой король.

Деннис знал, что пора прятаться. Скоро замок проснется, конюхи отправятся в конюшни, прачки — в прачечную, кухарки — на кухню. При мысли о кухне у Денниса опять заныло в животе. Теперь и репа казалась ему необычайно вкусной.

Он прошел вглубь и затаился в дальнем углу хранилища. От салфеток исходил сладкий сухой запах. Деннис разложил одну стопку на полу, а другую подложил под голову. Это было не самое роскошное ложе, но после долгого пути и всех ночных страхов спать ему хотелось еще сильнее, чем есть. Скоро он уснул,

и прежде чем мы на время оставим его, хочу пожелать тебе, читатель, — пускай твой сон будет таким же сладким и безмятежным, как его сон в ту ночь.

94

В субботу вечером, когда Деннис замирал от ужаса на поле, когда черная тень мыслей Флегга пронеслась над ним, Бен Стаад и Наоми Ричфул расположились на ночлег на заснеженной пустоши милях в тридцати от *бывшего* дома Андерса Пейны.

Они разбили временный лагерь. Пока Бен натягивал палатку и разводил огонь, Наоми отвязывала собак. Потом она варила в котелке оленину. Они молча поели, и девушка вернулась к собакам. Лайки уже спали, все, кроме Фриски, ее любимицы. Фриски поглядела на хозяйку своими почти человеческими глазами и лизнула ей руку.

— Хорошо поработала, милая, — сказала Наоми. — Теперь спи. Лови лунных зайцев.

Фриски послушно положила голову на лапы. Улыбнувшись, Наоми вернулась к огню. Бен сидел у костра, обняв руками колени; лицо его было задумчивым.

— Скоро начнется снегопад.

— Я так же хорошо предсказываю погоду, как и ты, Бен Стаад. Феи водят хоровод вокруг головы принца Эйлина.

Бен посмотрел на луну и кивнул. Потом опять стал глядеть в огонь.

— Знаешь, я видел плохой сон. Сон о... о том, кого лучше не называть по имени.

Наоми закурила сигару и предложила другую Бену, но он покачал головой.

— Мне, похоже, снился тот же сон, — сказала она, пытаясь говорить равнодушно, но в голосе ее слышалась тревога.

Бен недоуменно уставился на нее.

— Да, — произнесла Наоми, словно отвечая на его незадаанный вопрос. — Во сне он смотрел на какую-то блестящую штуковину и произносил имя Питера. Я не из тех неженек, что вопят при виде мыши или паука, но от этого сна мне захотелось кричать.

Вид у нее был смущенный.

— Когда это было?

— Две ночи назад.

— А мне это снилось четыре ночи назад. И не думай, что я буду над тобой смеяться и обзывать плаксой. Я тоже чуть не заорал.

— Эта блестящая вещь... он потом ее погасил. Как ты думаешь, это свеча?

— Нет, сама знаешь, что нет. — Она кивнула. — Это что-то гораздо хуже... Знаешь, я, пожалуй, возьму сигару.

Она дала ему сигару, и он прикурил от костра. Они сидели молча, глядя, как ветер разносит искры огня, которые затухали в мраке ночи, словно блеск того загадочного предмета, виденного ими во сне. Вокруг было темно, очень темно. Бен подумал, что снегопад будет сильным.

Наоми словно прочитала его мысль:

— Похоже, будет буря, какой и старики не помнят. Как думаешь?

— Похоже.

С нерешительностью, столь несвойственной ее обычной манере, она спросила:

— Бен, что означает этот сон?

Он покачал головой:

— Не знаю. Ясно, что Питер в опасности. Если это означает что-то еще, то мы должны спешить. — Он взглянул на нее в упор, и ее сердце слегка подпрыгнуло. — Мы можем достичь фермы сегодня?

— Должны. Но только боги знают — не сломает ли собака ногу, не нападет ли на нас в лесу медведь-шатун. Но если ничего подобного не произойдет, мы *будем* там. Я поменяла всех собак, кроме Фриски, а Фриски не устает. Снегопад может нас остановить, но, думаю, он задержится... и чем дольше задержится, тем сильнее в конце концов будет. Но что же нам делать, если твой приятель не вернется?

— Не знаю. — Бен вздохнул и потер рукой лоб. Что толку гадать? Пейна отправил Денниса в замок, но как он проникнет туда? И где будет прятаться?

— Бен!

— Что? — Он отвлекся от своих мыслей и повернулся к ней.

— Ты о чем сейчас думал?

— Ни о чем.

— Нет, *думал!* У тебя глаза блестели.

— Правда? Должно быть, о пирогах. Ладно, пора спать. Нам нужно тронуться в путь как можно раньше.

Но в палатке, подле сладко спящей Наоми, он долго еще не мог уснуть. В замке полно мест, где можно спрятаться. Но два места особенно хороши, и именно там он может скорее всего найти Денниса.

Наконец он уснул...

...и ему приснился Флегг.

95

Питер, как обычно, начал воскресенье с упражнений и молитвы.

Он чувствовал себя отлично. Поглядев на небо, предвещавшее бурю, принялся за завтрак.

Конечно, с салфеткой.

96

В тот воскресный день каждый житель Делейна хотя бы раз в тревоге взглянул на север. Все соглашались, что надвигается невиданная буря. Тучи сделались тускло-серыми, цвета волчьего меха. Стало теплее, и впервые за долгое время начали таять сосульки на крышах, но старожилы говорили, что их не одурачишь. Вскоре опять похолодает, и часа через два, самое большее через четыре, пойдет снег. И он будет идти, говорили они, не день и не два.

В три часа те фермеры, которым пока удавалось сберечь свое добро и фермы, начали загонять скотину в сараи. Коровы недовольно мычали: им первый раз за всю долгую зиму удалось извлечь из-под подтаявшего снега прошлогоднюю траву. Постаревший, но еще бодрый в свои семьдесят два Иосиф распорядился загнать в конюшню королевских лошадей. Женщины, то и дело поглядывая на небо, спешили высушить белье на свежем ветру. Но белье не сохло: воздух был слишком влажным.

Все нервничали — и люди, и животные. Пивные были закрыты, долгий опыт научил их владельцев,

что при падении барометра посетители становятся раздражительны и драчливы.

Делейн ждал бури.

97

Бен и Наоми, двигаясь без передышки, добрались до фермы Пейны к двум часам дня. Деннис в это же время только проснулся на своем ложе из королевских салфеток, а Питер сел за скучный обед.

Наоми выглядела очень хорошенькой. Мороз и быстрая езда зажгли на ее щеках алые розы; темные волосы выбились из-под капюшона.

— Рекордный пробег! — крикнула она, когда сани под тявканье собак влетели во двор фермы. — Мы прибыли на три — нет, на четыре! — часа раньше, чем я думала! И ни одна собака не сошла! Молодец, Фриски! Молодец!

Фриски, большая черно-белая лайка с серо-зелеными глазами, шла во главе упряжки. Услышав похвалу, она кинулась хозяйке на грудь, и та, обняв ее, закружилась в уморительном танце. Остальные собаки, тяжело дыша, лежали на земле, но ни Наоми, ни Фриски не выказывали никаких признаков усталости.

— Ай Фриски! Ай хорошая собака! Мы успели!

— Куда? — мрачно спросил Бен.

Наоми отпустила Фриски и сердито обернулась к нему... но выражение его лица умерило ее гнев. Он смотрел на дом. Да, они успели, но что их ожидало? Ферма, опустевшая с тех самых пор, как Пейна с Арленом ушли на север. Деннис — где-то в замке или уже в темнице, если его схватили.

Она нерешительно тронула Бена за плечо:

— Ничего. Мы сделали все, что могли.

— Разве? — Бен глубоко вздохнул. — Сомневаюсь. — Он снял вязаную шапку, и его золотые волосы заблестели в мягком свете дня. — Прости, Наоми. Ты тут ни при чем. Ты со своими собаками совершила чудо. Я просто чувствую себя беспомощным оттого, что мы все так же далеки от нашей цели.

Она поглядела на него и тоже вздохнула.

— Ладно, — сказал он, — давай зайдем. Может, нам оставили какое-нибудь сообщение. К тому же пора укрываться от бури.

Внутри ничего не было. Обычный фермерский дом, в спешке оставленный хозяевами. После часа поисков Бен уселся рядом с Наоми в гостиной... в том самом кресле, в котором Андерс Пейна слушал невероятную историю Денниса.

— Если бы он оставил следы, — проговорил Бен и удивленно поднял голову, увидев расширившиеся глаза Наоми.

— Следы есть! — воскликнула она. — Если снегопад еще немного повременит...

— Ты о чем?

— *Фриски!* Фриски может найти его! У нее самый чуткий нос, какой я только знаю.

— Этим следам уже несколько дней, — покачал головой Бен. — Даже самая чуткая собака в мире...

— Фриски и *есть* самая чуткая собака в мире! — со смехом перебила Наоми. — А зимой взять след куда легче, чем летом, Бен Стаад. Летом след быстро исчезает — сгнивает, как говорит мой отец, и его покрывают другие следы. Их оставляют не только люди и звери, но и трава, теплый ветер, даже текущая

вода. Зимой же след остается. Если у нас есть что-нибудь, принадлежащее Деннису...

— А остальные собаки?

— Я оставлю свой спальный мешок вот здесь, — она указала на сарай, — и они будут знать, что я сюда вернусь. Пусть пока бегают вокруг и ловят зайцев.

— А за нами не побегут?

— Нет, если я им скажу.

— Ты что, умеешь говорить по-собачьи?

— Нет. — Наоми даже не улыбнулась. — И Фриски не говорит по-человечески, но все понимает. Я скажу ей, а она передаст остальным. Они будут охотиться, пока не начнется буря, а потом заберутся в сарай.

— И ты всерьез думаешь, что если дать Фриски какую-нибудь вещь Денниса, она найдет его по запаху?

— Конечно.

Бен задумчиво посмотрел на нее. Деннис ушел с фермы во вторник; сейчас воскресенье. Он не верил, что любой запах может держаться так долго. Но лучше попробовать даже такую возможность, чем сидеть здесь и ждать неизвестно чего. В других обстоятельствах он охотно бы переждал бурю с такой девушкой, как Наоми... но сейчас от него зависела судьба королевства и жизнь его лучшего друга.

— Ну? — спросила она нетерпеливо. — Что ты думаешь?

— Думаю, это невероятно, — сказал он, — но попробовать стоит.

Она просияла:

— Так у нас есть какая-нибудь вещь?

— Есть, — сказал он вставая. — Веди свою собаку наверх, Наоми. На чердак.

98

Большинство людей этого не знают, но для собак запахи — как для нас цвета. Слабые запахи имеют слабый цвет, как выцветшие краски; сильные — яркий и густой. У некоторых собак слабые носы, и они читают запахи, как люди со слабым зрением различают цвета, предполагая, что светло-синий может быть серым, а темно-коричневый — черным. Но у Фриски нюх был, как зрение у человека с ястребиными глазами, а запах Денниса на чердаке, где он спал, сохранился очень хорошо (еще и потому, что он несколько дней обходился без бани).

Фриски обнюхала солому, потом одеяло, которое ей дала хозяйка. Одеяло пахло Арленом, и Фриски быстро отвергла этот запах — запах старика, тусклый и кислый. Запах Денниса был куда живее и моложе.

Она гавкнула, показывая, что учуяла запах и включила его в свою картотеку.

— Умница! — сказал юноша. — Можешь повести нас?

— Поведет. — Хозяйка пошла к двери.

— Через час будет темно.

— Ну и пусть, — улыбнулась хозяйка. Когда она вот так улыбалась, Фриски казалось, что ее собачье сердце вот-вот разорвется от любви. — Нам же не глаза ее нужны.

Юноша тоже улыбнулся:

— Точно. Знаешь, пусть я идиот, но мне кажется, у нас есть шанс.

— Конечно. Пошли, Бен. Пока еще светло.

Фриски, вдыхая запах Денниса — ярко-синий, как ей представлялось, — радостно гавкнула.

99

Ужин Питеру принесли, как всегда, ровно в шесть. Тучи уже нависли над городом, и температура начала падать, но снега еще не было. На другом конце площади, ежась от холода в позаимствованном халате поваренка, стоял Деннис, всматриваясь в мерцающий на недостижимой высоте желтоватый отблеск — свечу Питера.

Питер, конечно, не знал об этом — он только и думал о том, что, умрет он или спасется, это последний его ужин в проклятой камере. Жилистое мясо, полусгнившая картошка и водянистый эль. Он съел все до крошки. Последние недели он ел мало и все время, свободное от работы на станке, посвящал физическим упражнениям.

Но сегодня ему нужны были все силы.

Что со мной будет? — думал он, усаживаясь за свой маленький столик и разворачивая салфетку. Куда я пойду? Кто поможет мне? Все верят в удачу, Но ты, Питер, веришь в нее до смешного сильно.

Хватит. Что будет, то и будет. Ешь и не думай больше о...

Тут его мысли прервались. Разворачивая салфетку, он почувствовал легкий укол, поднес руку к глазам и увидел капельку крови. Первая мысль была о Флегге. В сказках яд всегда содержится в иголке. В конце концов, разве яд не был любимым средством Флегга?

Питер встряхнул салфетку, увидел в ней крошечный листок бумаги с черными буквами... и тут же скомкал салфетку. Лицо его оставалось спокойным, ничем не выдавая вспыхнувшего волнения.

Он осторожно оглянулся, боясь, что кто-нибудь из тюремщиков застанет его врасплох. Никого не

было. Это в первое время они глазели на него, как на редкую рыбу, и даже тайком приводили своих подружек поглядеть на злодея-отцеубийцу. Но Питер вел себя образцово, и интерес к нему постепенно угас.

Он заставил себя съесть ужин, хотя аппетита совершенно не было. Что бы ни содержалось в записке, он должен сохранять спокойствие — ведь через несколько часов ему предстоит побег.

Закончив с ужином, он опять оглянулся на дверь и пошел к кровати, как бы случайно прихватив с собой салфетку. В «спальне» отшпилил записку (руки так тряслись, что он опять укололся) и развернул ее. Сначала взглянул на подпись, и глаза у него округлились. В конце записки стояло: *Деннис — Ваш друг и преданный слуга.*

— Деннис? — прошептал Питер, даже не сознавая, что говорит вслух. — Деннис?

Он вернулся к началу, и сердце его забилося еще сильнее. Записка начиналась словами *мой король.*

100

Мой король!

Вы может быть знаете что я пять последних лет служил дворецким у Вашего брата Томаса. Неделю назад я узнал что Вы не убивали Вашего отца Роланда Доброго. Я знаю кто это сделал и Томас знает. Вы узнали бы имя этого Черного Убийцы тоже но я не осмеливаюсь написать его. Я пошел к Пейне который отправился в изгнание и велел мне вернуться в Замок и написать Вам. Пейна сказал что изгнанники скоро станут мятежниками а это не должно быть. Он ска-

зал чтобы я служил Вам и то же сказал мой Отец перед смертью потому что наша семья всегда служила Королю а Вы истинный Король. Если у Вас есть план я помогу Вам даже ценой жизни. Когда Вы читаете это я стою внизу на площади. Прошу если у Вас есть план подойти и стать у окна. Если Вам есть на чем писать напишите записку и киньте мне. Позже я ее подберу. Если Вы согласны дважды махните мне рукой.

Ваш друг Бен с изгнанниками. Пейна обещал прислать его сюда. Я знаю где он (Бен) может быть и могу привести его (Бена) сюда за день или два. Это опасно но я чувствую что времени у нас мало. И Пейна чувствует то же самое. Буду ждать и молиться.

Деннис — Ваш друг и преданный слуга.

101

Прошло немало времени, прежде чем Питеру удалось привести в порядок мысли. Один вопрос особенно занимал его: что увидел Деннис, что заставило его так решительно изменить мнение? Что это могло быть?

Мало-помалу он убедил себя, что это не важно. Деннис изменил мнение, и это главное.

Пейна. Деннис пошел к Пейне, и Пейна сказал... Старый лис что-то почуял. Он, конечно, помнит про салфетки и про кукольный дом. И что-то чувствует.

Что же делать?

Он по-прежнему хотел осуществить намеченный план. Он столько готовился, что теперь ему было жаль отказываться от этой возможности. Да и сны его подгоняли.

Вы узнали бы имя этого Черного Убийцы... Питер его знал, и эта фраза больше, чем что-либо, убеждала его, что надо спешить. Флегг что-то задумал, и его нужно опередить.

Сколько еще ждать?

Питер разрывался от противоречивых мыслей. Бен... Томас... Флегг... Пейна... Деннис... все они мелькали в его голове, как образы из снов.

Что же делать?

Внезапно к нему пришла мысль.

До этого он сидел на кровати, нахмурясь и склонясь над запиской. Теперь он выпрямился, и глаза его ярко блеснули.

Если вам есть на чем писать...

Есть. Не салфетка — ее могут найти. Не записка Денниса — она исписана с обеих сторон.

Пергамент Валера.

Питер встал и убедился, что глазок закрыт. Потом подошел к окну и дважды махнул рукой, надеясь, что Деннис видит его.

После этого он вернулся в «спальню», отодвинул камень и вытащил из тайника пергамент и медальон. Он повернул пергамент тыльной, чистой стороной... но чем писать?

Тем же, чем писал Валера.

Слегка поднатужившись, он разорвал обивку матраса. Внутри была солома, и он быстро нашел прочные соломины, которые могли заменить перо. Медальон был сделан в форме сердца, с острым нижним краем. Закрыв глаза, Питер прочитал краткую молитву и полоснул себя острым медальоном по запястью. Кровь хлынула сразу — куда больше, чем нужно. Он окунул первую соломинку и начал писать.

102

Стоя на холодной и темной площади, Деннис увидел, как на вершине Иглы Питер поднял руки над головой и дважды помахал ему. Значит, будет послание. Это увеличивало риск, но Деннис был рад.

Он ждал, переминаясь с ноги на ногу. Часовой прокричал десять... одиннадцать... двенадцать часов. Луну заволокли тучи, но воздух странно светился, как часто бывает перед бурей.

Он начал уже думать, что Питер забыл о нем, когда темный силуэт вновь появился у окна. Деннис поморщился от боли. Нелегко простоять, закинув вверх голову, четыре часа подряд. Что-то на миг промелькнуло в воздухе, и силуэт исчез. Через мгновение погасла свеча.

Деннис огляделся по сторонам и быстро двинулся через площадь. Он знал, что в любую минуту может появиться стражник, но с этим ничего нельзя было поделать. К тому же он был уверен, что где-то неподалеку бродят духи всех обезглавленных на этой площади.

Но о таких вещах лучше было не думать. Поэтому он просто стал искать то, что бросил Питер, всматриваясь в заснеженное пространство, как ищейка. Ему казалось, что предмет, мелькнувший в воздухе, был твердым и блестящим. Правильно — Питер не мог бросить просто листок бумаги, иначе его унесло бы ветром. Но что это?

С каждой секундой Деннис волновался все сильнее. Он нагнулся и стал шарить руками по снегу, по следам, размытым оттепелью до размера драконьих

лап. Пот стекал у него со лба. В голову пришла безумная мысль — что вот сейчас на плечо ему ляжет рука и он увидит ухмыляющееся лицо королевского чародея.

Поздновато для прогулок, скажет Флегг, и глаза его вспыхнут багровым волчьим светом. Что ищешь, Деннис? Может, я помогу тебе?

Не думай о нем! Ради всего святого, не думай о нем!

Но не думать было трудно. Где же оно?

Деннис шарил в снегу, хотя руки уже совсем ооченели. Ну где же оно? Еще полбеда, что Деннис его не найдет. Хуже, если его найдет кто-то другой.

Часовой прокричал час.

Стоп, Деннис. Успокойся, мой мальчик.

Это был голос отца. Деннис так и замер на коленях, опустив нос к самой земле.

Ты уже ничего не ВИДИШЬ, мой мальчик. Закрой глаза на минутку, а потом посмотри. По-настоящему.

Деннис послушался. На этот раз он внимательно оглядел всю заснеженную, истоптанную мостовую у подножия Иглы.

Ничего. Совсем ничего...

Стоп! Вон там!

В снегу что-то блеснуло.

Деннис увидел краешек какого-то блестящего предмета, который он во время своих панических поисков едва не вдавил коленом в снег.

Он подхватил непонятную вещичку онемевшими пальцами и внимательно рассмотрел. Медальон, должно быть, из золота в форме сердца. Между двух створок зажат клочок бумаги. Очень старой бумаги.

Деннис вытащил бумагу, бережно сжал ее в руке, а медальон надел на шею. Потом побежал. Эта про-

бежка была еще хуже, чем все предыдущее, — на каждом шагу он боялся быть обнаруженным.

Наконец он укрылся в спасительной тени зданий и смог отдышаться. Потом прошел в замок через дверцу для слуг, выждав момент, когда стражник — такой же сонный и хмельной, как его коллеги, — отвернулся.

Через двадцать минут в хранилище салфеток он смог наконец прочитать записку.

Одна ее сторона была исписана старинными буквами, странными ржавыми чернилами. Деннис перевернул листок и чуть не вскрикнул. Эти «чернила» он мог узнать.

— О король Питер! — прошептал он.

Буквы расплывались — «чернила» не успели еще высохнуть, — но почерк был четким.

Хотел убежать сегодня. Ждать больше нельзя. Не ходи за Беном. Слишком опасно. У меня есть веревка. Тонкая. Может порваться. Завтра в полночь. Помогии, если можешь. Нужно укрытие. Могу быть ранен. На все воля Божья. Спасибо, дорогой Деннис. Король Питер.

Деннис перечитал записку трижды и заплакал — на этот раз от радости. Он снова и снова смотрел на строчку: *Спасибо, дорогой Деннис*, написанную королевской кровью.

Питер, я умру за тебя тысячу раз, подумал Деннис. Он спрятал записку в карман, так и не сняв медальон с шеи. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось заснуть, но проспал он недолго. Дверь хранилища вдруг распахнулась — ее скрежет показался Деннису ужасным, нечеловеческим криком, — и на него надвинулся темный силуэт с горящими волчьими глазами.

103

Снег пошел около трех утра — Бен Стаад увидел его первые хлопья, когда они с Наоми стояли на опушке Королевского заповедника, глядя на замок. Фриски, поскуливая, присела рядом. Она тоже устала, но была рада — запах становился все сильнее и свежее.

Она быстро довела их от дома Пейны до заброшенной фермы, где Деннис провел четыре дня, питаясь ненавистой репой. В этом доме ярко-синий запах пропитал все, и Фриски бегала из комнаты в комнату, радостно гавкая.

— Что теперь? — спросила Наоми. — Он пошел отсюда в замок, это понятно. Вопрос в том, идти нам за ним или ночевать здесь?

Было шесть часов, и за окном уже темнело.

— Думаю, лучше идти, — медленно произнес Бен. — Ты сама сказала, что нам нужны не глаза Фриски, а нос... и я подтверждаю перед любым судом, что нос у нее замечательный.

Фриски, сидящая у дверей, благодарно гавкнула. Бен пристально посмотрел на девушку. Путь был долгим, они оба устали... но он знал, что надо спешить.

— Ты *можешь* идти, Наоми Ричфул?

Она уперла руки в бока и сердито взглянула на него:

— Я смогу пройти еще сто миль от места, где ты упадешь без сил, Бен Стаад.

— Ладно. Может, нам удастся это проверить. Но сперва нужно что-нибудь поесть.

После скудного ужина Наоми нагнулась к Фриски и объяснила, что та должна снова искать след.

Фриски не нужно было повторять дважды. Они покинули ферму сразу же. Бен нес большой заплечный мешок, Наоми — чуть поменьше.

Запах Денниса вел Фриски в темноте, как маяк, и, если бы не оклик хозяйки, она быстро привела бы их обратно к дому Пейны.

— В чем дело? — спросил Бен. — Она потеряла след?

Они смотрели, как собака в растерянности бежит сначала по двору фермы, потом по дороге.

— Подожди. — Наоми явно обиделась за свою любимицу. — Слишком много запахов. Дай ей разобраться.

— Смотри! Она побежала в поле. Зачем?

— А ты как думаешь? Неужели он пошел в замок по дороге?

Бен хлопнул себя по лбу:

— Конечно, нет! Какой же я болван!

Наоми только улыбнулась.

В поле Фриски остановилась и нетерпеливо таянула, требуя, чтобы хозяйка и юноша шли быстрее. Андуанские лайки — потомки белых волков, которых боялись некогда жители Северного феода, и, хоть и прирученные, они остались в первую очередь охотниками. Фриски не терпелось найти источник синего запаха.

— Надеюсь, она ведет нас правильно? — заметил Бен.

— Конечно. Смотри!

Наоми указала рукой на вмятины в снегу — следы снегоступов.

К полуночи они добрались до Королевского заповедника, и Наоми начала жалеть о своем хвастли-

вом заявлении насчет сотни миль. Ей казалось, что она вот-вот упадет.

Деннис шел на снегоступах и перед этим четыре дня отдыхал. И он не бежал за собакой, которая иногда теряла след и возвращалась назад. Ноги у Наоми одеревенели, в боку кололо. Она съела несколько пригоршней снега, но от этого стало только хуже.

Фриски, которая не проваливалась в снег на каждом шагу и не тащила мешок, бежала легко. Наоми же и Бен то и дело увязали в снегу по колено, а то и по пояс. Один раз Наоми пришлось ждать, пока Бен ее вытащит.

— Хорошо бы... сани, — прошептала она.

— Да... и еще карету... или носилки, — прошептал он в ответ, ухмыляясь.

— Ха-ха. Как смешно. Из тебя вышел бы отличный придворный шут, Бен Стаад.

— Впереди Королевский заповедник. Там меньше снега... будет легче.

Наоми вдруг стало стыдно. Она думала только о себе, хотя Бен устал еще сильнее — он тяжелее, и мешок у него куда больше.

— Бен, ты как?

— Отлично, милое дитя.

— Я тебе не дитя!

— Но *милое*. — Он показал ей нос.

— Вот я тебе задам!

— Потом, потом. В заповеднике.

В заповеднике, где снега действительно было меньше, они стали бороться, и Бен ее поборол... и она еще больше рассердилась. Но втайне была довольна.

104

Теперь они стояли на краю леса, где король Роланд когда-то убил дракона, и смотрели на замок, где он сам был убит. Снег падал все сильнее, и скоро все небо заполнили белые хлопья.

Несмотря на усталость, Бен чувствовал радость. Он посмотрел на Наоми и улыбнулся. Она попыталась состроить сердитую гримасу, но в конце концов тоже заулыбалась. Потом показала ему язык.

— Ну и как он попал внутрь? — спросила она.

— Не знаю. — Бен вырос на ферме и ничего не знал о водостоке. Возможно, так оно и лучше, скажете вы и будете правы. — Может, твоя чудесная собака нам покажет. Как ты, Фриски?

Фриски, услышав свое имя, выбежала вперед и оглянулась на них.

— Подожди, — сказал ей Бен. — Еще рано.

— Если бы она могла говорить, то сказала бы тебе, что боится потерять запах. Снега все больше.

— Еще немного. Деннис был один, а нас трое. И нам нужна темнота.

105

Несмотря на нетерпение Фриски, Бен заставил их ждать минут пятнадцать. Снег тем временем заволол пеленой лес, поле, замок, засыпал светлые волосы Бена и темные Наоми.

— Ладно, — наконец прошептал Бен. — Пошли!

Они пересекли поле вслед за Фриски. Теперь лайка шла медленно, все время нюхая снег, чтобы уловить тускнеющий синий запах.

— Мы слишком долго ждали, — сказала Наоми, шедшая сзади.

Бен промолчал. Он знал, что она права, и мысль об этом грызла его.

Впереди сквозь снег вырисовывалась темная масса — стена замка. Наоми вырвалась вперед, но Бен удержал ее:

— Впереди ров, не забывай. Ты можешь упасть на лед и сломать но...

Глаза Наоми заблестели тревогой:

— *Фриски!* Эй, Фриски! Там опасно! Стой!

Но Фриски уже остановилась у края рва и смотрела на хозяйку, виляя хвостом. Ее глаза будто спрашивали: *Ну что? Правда, я молодец?*

Наоми со смехом обняла собаку.

— Тише! — предупредил Бен. — Думаешь, мы у тебя во дворе? Что, если стража услышит?

— Если и услышат, то подумают, что это снежные призраки, и убегут с воплями. — Но все же она перешла на шепот.

Бен погладил Фриски по голове. Действительно, из-за снега они чувствовали себя куда спокойнее, чем Деннис, который накануне снимал на этом же месте снегоступы. Теперь Фриски их нашла.

— А как быть дальше, Фриски? — спросил Бен. — Он что, перелетел через стену на крыльях? Тогда где он их взял?

Словно отвечая, Фриски побежала вперед, вниз по откосу, прямо ко рву.

— Фриски! — тихо, встревоженно позвала Наоми. Фриски уже стояла на льду, призывно глядя на них. Она не лаяла, но люди понимали: собака хочет, чтобы они поспешили, пока след не исчез совсем.

Наоми вопросительно взглянула на Бена.

— Да. Да, конечно. Пошли. Только придерживай ее. Здесь опасно.

Он взял Наоми за руку, и они съехали в ров.

Фриски провела их по льду к самой стене, зарываясь носом в снег. Запах уже приходилось буквально *выкапывать* — к нему примешивались сильные и неприятные запахи воды, мусора, грязи.

Деннис знал, что ближе к трубе лед подтаял и может треснуть, а если бы и не знал, то мог бы разглядеть проталину. Но Бен, Наоми и Фриски ничего не видели за стеной падающего снега.

Фриски услышала треск льда... но запах был слишком сильным, чтобы отступать. Раздался более громкий треск, потом — плеск воды.

— *Фриски! Фри...*

Бен зажал ей рот рукой. Наоми боролась, пытаясь вырваться и броситься на помощь собаке.

Но лайка, конечно же, умела плавать. Она подплыла к самой стене, учуяла запах и вернулась к Наоми и Бену сообщить об этом. Она попыталась выбраться на лед, но лед треснул. Наоми вскрикнула.

— Тише, не то к утру мы будем в темнице, — прошептал Бен. — Лучше держи меня.

Он распластался на льду, чувствуя, как ледяная корка вздрагивает под его весом. Если лед не выдержит...

Но он уже держал Фриски за передние лапы. Потом перехватил под грудь. Потянул к себе:

— Иди сюда, девочка!

На какой-то миг Бену показалось, что сейчас лед провалится под их тяжестью и все они окажутся в воде. В детстве, летом, он не раз переплывал ров со своим другом Питером, и тогда это казалось игрой. Тогда он не думал, что в одну снежную ночь он может утонуть в этом рву.

— Тяни! — пропыхтел он. — Твоя чертова псина весит целую тонну.

— Не говори так о ней, Бен Стаад.

Бен стиснул зубы от напряжения:

— Прошу прощения. Тяни скорее, не то мне придется принять ванну.

Каким-то чудом Наоми их вытянула, хотя Бен вместе с Фриски весили раза в три больше ее самой. Тело Бена, как плуг, вырыло в снегу борозду.

Через бесконечно долгое время — на самом деле прошли секунды — Фриски выбралась на лед и начала отряхиваться. Грязные брызги полетели Бену прямо в лицо.

— Фу! Вот спасибо, Фриски!

Но Фриски уже нюхала воздух. Запах был здесь, но не впереди, а *вверху*. Где-то в темноте.

Бен встал на ноги, тоже отряхиваясь.

— Прости, что я закричала. — Наоми встала рядом. — Если бы это была не Фриски, а другая собака... Думаешь, они услышали?

— Если бы услышали, мы бы здесь не стояли, — прошептал в ответ Бен. — Черт, едва не провалились. — Теперь они видели полосу открытой воды под самой стеной.

— Что будем делать?

— Идти нельзя, это ясно. Но как же он прошел? Ведь не научился же он *летать*.

— Если...

Но Наоми не закончила, потому что Фриски взяла дело в собственные лапы. Охотник и потомок охотников, она просто не могла упустить этот ярко-синий запах. Ее глаза, как я уже говорил, были слабыми, и она не могла разглядеть черную дыру водостока. Но она чуяла ее и *знала*, что надо делать.

106

Это Флегг, подумал Деннис спросонья. Флегг нашел меня и теперь перервет мне горло зубами.

Он пытался закричать, но не мог.

Рот незваного гостя открылся, Деннис увидел белые острые клыки... и потом теплый язык облизал ему лицо.

— Фу! — Деннис попытался оттолкнуть непонятное существо, но оно положило лапы ему на плечи и повалило в грудку салфеток, продолжая облизывать.

— Фриски! — позвал кто-то из темноты. — Тише, Фриски! Стоять!

Незванным гостем оказался вовсе не Флегг — это был пес, большой и чрезвычайно похожий на волка. Услышав голос девушки, он сел возле Денниса, улыбаясь и виляя хвостом.

В темноте показались еще две фигуры, и опять это был не Флегг. Значит, стражники. Деннис схватился за нож. Если боги будут милостивы, он убьет их. Если нет — погибнет, служа королю.

— Ну подходите! — Деннис грозно поднял свой ножичек. — Сперва вы, потом ваша чертова собака!

— Деннис? — Голос был знакомым. — Неужели мы наконец тебя нашли?

Деннис остолбенел. Это какая-то ловушка! Но голос...

— Бен? — прошептал он. — Это Бен Стаад?

— А то кто же?

Радость наполнила сердце Денниса. Он вскочил на ноги, поскорее пряча нож, — ему было стыдно. Он не понимал, как Бен оказался здесь. В смятении он запутался в салфетках и упал бы, но Бен подхватил его и заключил в объятия.

107

Они рассказали друг другу о своих приключениях. Большую часть их вы уже знаете, а то, что вам пока неизвестно, я изложу в двух словах.

Бен и Наоми скоро увидели, куда смотрит Фриски. Еще раз подивившись сообразительности собаки, они пробрались в трубу тем же образом, что и Деннис. Первым прыгнул Бен, потом он втащил в отверстие Фриски и поймал Наоми, которая прыгнула более удачно — не стукнулась головой.

— Хуже всего был запах, — сказала Наоми, удобно устроившись на груди салфеток. — Как ты его выдержал?

— Я просто все время напоминал себе, что со мной будет, если меня поймают, — объяснил Деннис. — При каждой такой мысли запах казался мне все лучше.

Бен рассмеялся и кивнул.

Фриски лежала на салфетках, положив морду на лапы, и внимательно слушала. Если бы она могла говорить, то сказала бы им, что такого мерзкого запаха она еще не нюхала. Остатки Драконьего Песка еще не выветрились из подземных ходов — его тускло-зеленый запах пугал Фриски. Она знала, что этот запах убивает. Но запах Денниса тоже был там, и она шла за ним, пока зеленый запах не исчез. Ни разу в жизни она не была так счастлива, потеряв след.

— Вы никого не встретили? — спросил Деннис.

— Никого, — ответил Бен. — Несколько раз попадались стражники, но все больше пьяные. У нас было время укрыться от них.

Наоми кивнула:

— Все пьяные. И не в каком-нибудь занюханном баронском замке, а во дворце. *В самом дворце!*

Деннис мрачно кивнул, вспомнив встреченного им певца:

— Надо радоваться. Если бы стражники были такими, как при Роланде, мы бы уже сидели в Игле вместе с Питером. Но я не радуюсь.

— Если бы я был Томасом, — сказал Бен, — я дрожал бы, только взглянув на север. Если этот сброд — все, что у него осталось.

Деннис потрепал Фриски по голове:

— Шла за мной от самого дома Пейны? Что за умница!

Фриски завиляла хвостом.

— Деннис! — сказала Наоми. — Ты не мог бы рассказать нам всю историю о том, как Томас ходил во сне?

108

Когда он закончил, было уже семь часов. За стенами замка тусклый рассвет еле-еле пробивался сквозь снежную завесу — на Делейн пала самая сильная снежная буря за многие годы. Ветер завывал, как целая армия ведьм, и его было слышно даже из кладовой. Фриски время от времени поднимала голову и тихонько скулила.

— Что нам теперь делать? — спросил Деннис.

Бен, вновь и вновь перечитывавший краткое послание Питера, сказал:

— До вечера — ничего. Скоро замок проснется, и нам никак не выбраться отсюда незамеченными. Давайте поспим и наберемся сил. А ночью...

Бен коротко изложил свой план. Наоми улыбалась. Глаза Денниса блестели от возбуждения.

— Да! — воскликнул он. — Бен, ты гений!

— Ну, не надо так пышно, — сказала Наоми, но сама улыбалась так, что, казалось, голова ее вот-вот разломится пополам. Она нагнулась к Бену и звучно чмокнула его в щеку.

Бен покраснел, как пожарное ведро («мозги закипели», говорят в таких случаях в Делейне), но не думаю, что ему было неприятно.

— А Фриски нам поможет? — спросил он. Фриски гавкнула, изъявляя полную готовность.

Они обсуждали план еще довольно долго, пока не почувствовали, что их клонит в сон. Не забывайте, что они целые сутки были на ногах.

— Пора спать, — сказал Бен.

— Ура! — воскликнула Наоми, устраивая себе лежанку рядом с Фриски. — Мои ноги будто...

Деннис деликатно кашлянул.

— Что такое? — повернулся к нему Бен.

— Может, у вас есть что-нибудь... поесть?

— Конечно! Неужели ты думаешь... — Тут Наоми вспомнила, что Деннис покинул дом Пейны шесть дней назад, и по его виду было непохоже, что он за это время много ел. — Ох, Деннис, извини! Мы просто кретины. Когда ты ел в последний раз?

Деннис сглотнул слюну:

— Не помню. Как следует — дома, неделю назад.

— Что ж ты сразу не сказал? — воскликнул Бен.

— Слишком рад был вас видеть. — Деннис улыбнулся. При виде туго набитых мешков его желудок шумно потребовал дани. Но Денниса мучила одна мысль: — Надеюсь, у вас нет репы?

Наоми удивленно приподняла брови:

— Репы? У меня нет, а у тебя, Бен?

— Вроде нет.

Счастливая улыбка появилась на лице Денниса.

— Вот и хорошо, — сказал он.

109

Об этой буре до сих пор вспоминают в Делейне. К утру выпал слой снега в пять футов толщиной, а ветер смел его в сугробы еще выше. К вечеру ветер превратился в настоящий ураган. У крепостных стен намело столько снега, что он закрыл не только первый и второй этажи, но и третий.

Может быть, вы решите, что такая погода благоприятствовала бегству Питера. Но при подобном ветре очень трудно даже просто идти — не то что спускаться на тонкой веревке с высоты трехсот футов. К тому же ветер гигантской щеткой смел с площади весь снег, оставив голые камни, казалось, только и ждущие, когда Питер упадет на них.

К тому же и веревка у Питера была очень ненадежной. Да, она держала его во время опыта в камере, но существовала еще одна вещь, касающаяся перегрузки, о которой Иосиф в свое время не сказал Питеру, — *чем веревка длиннее, тем скорее она рвется.*

Его веревка была очень длинной. И очень тонкой.

110

В тот день случилось много несчастий и было совершено много героических поступков — одни удачные, другие безуспешные. Некоторые фермы

снесло ветром, как дома глупых поросят, сдутые жадным волчьим дыханием. Их обитатели или бежали под защиту стен замка, связавшись вместе, чтобы не потеряться, или заблудились в полях; их замерзшие, изъеденные волками трупы нашли только весной.

Но к семи вечера ветер немного стих. В замке рано легли спать — все выходы замело, выйти наружу было невозможно, а значит, и делать особенно нечего. Один за другим гасли огни. Часовой на башне кричал изо всех сил, но ветер заглушал слова. Обитатели замка могли услышать его крик только в десять, но в это время большинство их уже отошло ко сну.

Томас тоже спал, но сон его был беспокоен. Рядом не было Денниса, чтобы успокаивать его, Деннис все еще болел. Томас не один раз хотел послать пажа проведать его (даже собирался сходить сам, все же он любил Денниса), но короля постоянно что-то отвлекало. Бумаги... прошения... и, конечно, вино. Томас надеялся, что придет Флегг и принесет ему сновторное, но со времени неудачного похода на север чародей вел себя странно — будто был чем-то недоволен, но не знал, чем именно.

Как всегда, вой ветра напомнил Томасу ночь, когда умер отец, и он боялся, что не сможет уснуть... А если и сможет, его разбудят кошмары, в которых отец будет, исчезая в пламени, проклинать своего младшего сына. Поэтому Томас провел большую часть дня за любимым занятием, и если я вам скажу, сколько бутылок вина он выпил, вы не поверите.

Голова раскалывается, живот болит... лежа на диване, размышлял Томас. Нет, быть королем хуже всего.

С такими мыслями он и заснул.

Проспал он не больше часа... потом встал и пошел. Похожий на привидение в своей ночной рубашке, король брел по коридору. В ту ночь его снова увидела служанка со стопкой белья, и он показался ей так похож на старого короля Роланда, что она с криками убежала.

Он шел все дальше, пока не добрался до потайного хода. Открыл дверь, вошел, отодвинул панели, закрывавшие стеклянные глаза Нинера, и заглянул в комнату своего покойного отца невидящими сонными глазами. Там мы и оставим его на время, с пятнами вина на рубашке и со слезами, текущими по щекам.

Он был иногда жестоким, часто грустным и всегда слабым... но даже при всем при том он не был *плохим*. Я пойму вас, если вы ненавидите его за то, что он делал и что *делали* его именем, но я не удивлюсь, и если вы пожалеете его.

111

Без четверти одиннадцать в ту знаменательную ночь буря испустила свой последний вздох. Холодный вихрь пронесся над городом и смахнул с неба тучи, открыв мертвый глаз луны.

В конце Третьей Восточной улицы с незапамятных времен стояла приземистая каменная башня — Церковь Великих Богов, давно уже заброшенная. Хотя она была гораздо ниже Иглы, но все же возвышалась над окрестными домами и приняла на себя всю силу ветра. Тридцатифутовую каменную грома-

ду просто сдуло, как шляпу с прохожего. Раздался чудовищный грохот.

Но вой урагана заглушил все. Большинство обитателей замка только перевернулись во сне на другой бок и очень удивились, увидев утром засыпанные снегом развалины. Но кое-кто слышал, как упала башня... и все они вам знакомы.

Бен, Деннис и Наоми, которые, затаившись в кладовой, готовились осуществить свой план, услышали шум и переглянулись.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Бен. — Что бы это ни было, нас оно не касается.

Бесон и его подручные, все пьяные, не слышали, как обрушилась Церковь Великих Богов, но это слышал Питер. Он сидел на полу «спальни», тщательно прощупывая свою веревку и выискивая в ней слабые места. Он поднял голову и подскочил к окну, но упавшая башня находилась на другой стороне Иглы, и через некоторое время он вернулся к веревке. Полночь близилась, и он, как и Бен, решил: что бы ни произошло, его это не касается.

Глубоко в потайном ходу Томас услышал шум и проснулся. Он потрянул головой, вслушался в лай собак внизу и с ужасом понял, где находится.

И еще один обитатель замка, спящий в своих подземных апартаментах, услышал грохот падения башни сквозь тревожный сон.

— *Кошмарр!* — вскрикнула одна голова попугая.

— *Пожарр! Потоп!* — поддержала ее вторая.

Флегг проснулся. Я уже говорил, что иногда зло бывает странно незрячим и спит, когда нужно действовать.

Но теперь Флегг проснулся.

112

Флегг вернулся из похода на север больной и сильно встревоженный.

Что-то не так. Что-то не так. Казалось, это шептали даже камни замка... но Флегг не знал, в чем дело. Он только чувствовал, что это «что-то не так» может дорого ему обойтись.

Он искал мятежников, но не нашел. Его одурачили — это всегда приводило чародея в бешенство. Что еще? Он не знал. Ему снились кошмары, будто маленький злой зверек забрался в мозг и грыз, напоминая о чем-то важном, что он забыл. У Флегга были лекарства от его болезни, но от этого зверька он избавиться не мог.

Что же может быть не так?

Он вновь и вновь задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Много столетий мир и порядок в Делейне приводили его в бешенство, и он делал все, чтобы разрушить их, как ураган разрушил Церковь Великих Богов. Но всегда ему кто-то мешал — то Кайла Добрая, то Саша, то еще кто-нибудь. Только теперь он избавился от препятствий. Томас послушно делал все, что он велел, и без конца увеличивал налоги.

Перегрузка, о которой Иосиф говорил Питеру, бывает не только у цепей, но и у людей, и фермеры Делейна испытали это на себе. Флегг знал, что скоро налоги порвут цепь законопослушности и неповоротливый бык — народ Делейна — помчится, сметая все на своем пути. Помешать этому не мог никто. Пейна в изгнании, Питер в Игле.

Что же не так?

Ничего! Действительно, *ничего!*

Но зверек вновь и вновь грыз его мозг. Не раз за последние дни Флегг просыпался в холодном поту, пытаясь вспомнить, что его разбудило, и не мог. Но он все время просыпался, схватившись рукой за левый глаз, будто что-то его туда ужалило.

113

В эту ночь Флегг тоже проснулся с мыслью о том, что что-то не так, но разбудил его не страшный сон. Мы уже знаем, что это рухнула Церковь Великих Богов.

Флегг с криком открыл глаза. Пот струился по его мертвенно-бледным щекам.

— *Кошмарр!* — крикнула одна голова попугая.

— *Пожарр! Потоп!* — подхватила другая.

Флегг взглянул на руки и увидел, что они дрожат.

В бешенстве он вскочил с кресла, в котором спал.

— Он хочет сбежать, — пробормотал чародей, вцепившись руками в волосы. — Вот в чем дело. Но как? Когда? Кто ему помогает? Они все поплатятся головой, и не на плахе, клянусь в этом! Нет, я буду убивать их медленно... дюйм за дюймом... пока они не сойдут с ума...

— *Смер-р-рть!* — вскрикнули хором обе головы попугая.

— *Заткнитесь и дайте подумать!* — рывкнул на них Флегг и, схватив склянку с бурой жидкостью, запустил ею в клетку. Склянка разбилась о прутья, ее содержимое вспыхнуло холодным светом. Попугай в ужасе завопил и без сознания свалился на пол клетки.

Флегг начал ходить из угла в угол. Его руки безостановочно сжимались и разжимались, каблуки высекали из каменного пола зеленоватые шипящие искры.

Как? Когда? Кто ему помогает?

Он не знал. Но...

— *Я узнаю!* — прошептал он. — *Узнаю!*

Он чувствовал, что это произойдет скоро. Очень, очень скоро.

Он открыл ключом нижний ящик стола и достал оттуда коробочку из слоновой кости. Оттуда, в свою очередь, извлек кожаный мешочек, а из мешочка — молочно-белый камень, сразу же засветившийся призрачным светом. Это был волшебный кристалл Флегга.

Он обошел комнату, задувая свечи. В темноте он легко нашел дорогу обратно к столу, хотя мы с вами наверняка что-нибудь разбили бы или опрокинули. Королевский чародей любил темноту и видел в ней, как кошка.

Он взял кристалл в руки, чувствуя, как тот нагревается и играет своими гранями.

— Покажи мне Питера, — прошептал он. — Я приказываю. Покажи, что замышляет этот щенок.

Свет разгорался ярче... ярче. Тонкие губы Флегга приоткрылись, обнажая зубы. Он склонился над кристаллом. Питер, Бен, Деннис, Наоми — все они тотчас узнали бы свой сон и узнали бы сияние, осветившее лицо чародея.

Свет почти померк, и теперь Флегг видел что-то в сердцевине кристалла. Глаза его уставились в одну точку... потом расширились в гневном изумлении.

Там была Саша. Она, беременная, сидела на постели маленького мальчика и показывала ему доску, на которой были написаны два слова: БОГ и ПЕС.

Флегг в нетерпении замахал руками:

— Покажи то, что я прошу! Быстрее!

Кристалл засветился опять.

Там был Питер, играющий с кукольным домом своей матери, воображая, что сражается с пиратами или с драконами. В углу стоял король, с улыбкой глядя на сына.

— Проклятие! — воскликнул Флегг. — Что ты показываешь мне все это старье? Мне нужно знать, как он собирается бежать и когда! Покажи мне это! *Я приказываю!*

Кристалл становился все горячее и горячее. Если его не погасить в ближайшие минуты, он может взорваться, и найти новый будет не так-то легко. Но Флегг, казалось, забыл об этом.

— Я приказываю! — повторил он, и в молочной глубине кристалла опять засветилась какая-то картинка. Флегг вглядывался в нее так, что стало больно глазам.

Это был Питер. Он медленно спускался по стене Иглы, несомненно, с помощью какой-то магии, потому что никакой веревки не было.

Или... все же *была*?

Флегг склонился еще ниже, разгоняя жар рукой, и увидел что-то похожее на паутину... очень тонкое... но все же способное выдержать его вес.

— Питер, — выдохнул Флегг, и при этом звуке маленькая фигурка вскинула голову.

Чародей дунул на кристалл. Сияние погасло, и он остался в темноте.

Питер. Бежит. Когда же? На картинке была ночь, и Флегг видел падающие хлопья снега. Была ли это нынешняя ночь? Или следующая? Или...

Флегг вскочил, оглядывая свою темную комнату.

...или это уже случилось?

— Хватит, — выдохнул он. — Клянусь всеми богами, живыми и мертвыми, с меня *хватит!*

Он снял со стены висевший там тяжелый топор. Он хорошо знал это оружие — еще с тех пор, как жил здесь под именем Билла Хинча, самого страшного палача в истории Делейна. Лезвие этого топора прогулялось не по одной сотне шей. Над лезвием, выкованным из лучшей андуанской стали двойной закалки, красовалось собственное изобретение Флегга — железный шар с отравленными шипами.

— **ХВАТИТ!** — завопил Флегг в приступе гнева. Услышав вопль, попугай, лежавший без сознания, дернулся на полу клетки, словно в конвульсиях.

Флегг накинул плащ, висевший на крюке у двери, и застегнул его пряжкой в виде серебряного скарабея.

Хватит. Он не позволит какому-то мальчишке расстроить свои планы. Все, кто сопротивлялся ему, мертвы. Пора добавить к ним еще одного принца.

Если ты еще не сбежал, мой дорогой, то уже не сбежишь. Хотя в каком-то смысле я даже помогу тебе сбежать — я вынесу тебя из Иглы за волосы.

И при этой мысли, направляясь к лестнице, Флегг начал смеяться... Звук этого смеха мог бы напугать даже каменную статую.

114

Интуиция не подвела Флегга. Питер уже закончил осмотр веревки, но все еще находился в камере, выжидая, когда часовой прокричит полночь. В этот момент чародей выскочил из ворот замка и быстрым

шагом направился к Игле. Церковь Великих Богов рухнула в четверть двенадцатого, без четверти двенадцать кристалл показал Флеггу то, что тот требовал (и, я думаю, вы понимаете, что два предыдущих раза он тоже показывал правду, только другим путем), и теперь до полуночи оставалось еще минут восемь.

Ворота темницы находились к северо-востоку от Иглы, а на юго-западе располагался вход в замок, именуемый Торговыми воротами. Через них обычно доставляли продукты и другие товары.

Сейчас из этих ворот осторожно вышли Бен, Наоми, Деннис и Фриски. Они с Флеггом приближались к Игле с противоположных сторон и, без сомнения, слышали бы звук шагов друг друга, не будь они (включая Фриски) так погружены в собственные раздумья.

Бен и его друзья достигли Иглы первыми.

— Ну... — начал Бен, и в этот момент с другой стороны Флегг принялся колотить в запертые ворота башни.

— *Откройте!* — кричал он. — *Откройте именем короля!*

— Что... — попытался сказать Деннис, но Наоми быстро зажала ему рот рукой.

115

Голос еле слышно донесся до Питера в холодном воздухе, но слова он разобрать сумел.

— *Откройте именем короля!* — требовал голос.

Это значит: откройте именем ада, подумал Питер.

Храбрый мальчик превратился в храброго мужчину, но и ему стало не по себе, когда он услышал этот голос и вспомнил узкое белое лицо и красноватый отблеск глаз, всегда скрытых под капюшоном. Во рту у Питера мгновенно пересохло; волосы встали дыбом. Некоторые из вас, быть может, не поверят, что Питер мог так испугаться, но он испугался. Сильнее, чем когда бы то ни было.

Это Флегг, и он пришел за мной.

Питер встал и едва не упал — ноги его не слушались.

Злой рок стучался в двери его тюрьмы.

Откройте! Поднимайтесь, пьяные твари! Эй, Бесон, сын шлюхи!

Не спеши, сказал себе Питер. Если ты поспешишь, то только поможешь ему. Ему не скоро откроют. Бесон, должно быть, пьян. Ключа у него нет, иначе он не тратил бы время на стук. А когда он войдет, ему придется преодолеть триста ступеней. Ты еще можешь успеть.

Он пошел в «спальню» и вытащил грубые железные скобы, скрепляющие его кровать. Потом взял один из прутьев кроватной спинки и пошел с ним в «гостиную». Он давно измерил прут и выяснил, что он шире оконной рамы и достаточно крепок — во всяком случае, в середине.

Если он не выдержит, подумал он, это будет самая горькая шутка в моей жизни.

Он посмотрел вниз. Сейчас там никого не было, но до того, как подошел Флегг, он успел мельком увидеть на краю площади три фигуры. Значит, Деннис привел друзей. Был ли Бен среди них? Он не знал. Питер мог только надеяться на это. Еще ему показалось, что они везли какую-то тележку. Думать об этом сейчас не было времени.

— *Эй, собаки! Откройте! Откройте именем короля! Именем ФЛЕГГА! Откройте...*

В тишине ночи Питер услышал скрежет отпираемой двери.

Потом — страшный, захлебывающийся крик.

116

Несчастный стражник, отперший в конце концов дверь Флеггу, прожил после этого не больше четырех секунд. Он еще успел увидеть кошмарное белое лицо, красные волчьи глаза и черный капюшон. Потом топор Флегга раскроил его голову пополам.

— В следующий раз, когда кто-нибудь потребует открыть именем короля, ты будешь порасторопнее! — прорычал Флегг. Дико хохоча, он перешагнул через труп и направился к лестнице. Он знал, что пленник не успел бежать.

Он *чувствовал* это.

Флегг распахнул дверь и вышел в коридор, который тянулся от зала суда, где некогда вершил правосудие Андерс Пейна. Рядом начинались ступеньки. Он посмотрел вверх, усмехаясь своей волчьей ухмылкой.

— *Я иду, Питер!* — радостно крикнул он. Его голос, отражаясь от стен, поплыл вверх, туда, где Питер торопливо привязывал веревку к железному пруту. — *Я иду, мой дорогой, чтобы сделать то, что давно хотел!*

Усмешка Флегга стала еще шире. Он выглядел ужасно — как демон, поднявшийся из неведомой

бездны. Он поднял топор, кровь убитого стражника капала ему на лицо и стекала по щекам, как слезы.

— *Я иду за твоей головой, мой принц!* — крикнул он, начиная подниматься.

Одна ступенька. Три. Шесть. Десять.

117

У Питера дрожали руки. Узел, который он завязывал уже тысячу раз, теперь никак не хотел завязываться.

Не позволяй ему тебя запугать.

Но он боялся. Томас удивился бы, узнав, что Питер тоже всегда боялся Флегга, просто он лучше это скрывал.

Если он хочет тебя убить, пусть сделает это САМ! Не помогай ему!

Мысль прозвучала у него в голове, но голос, произнесший ее, был похож на голос его матери. Питер начал завязывать узел еще раз.

118

— *Я буду хранить твою голову тысячу лет!* — кричал Флегг, поднимаясь все выше и выше. — *О, какой это будет чудный трофей!*

Тридцать ступенек. Сорок. Пятьдесят.

Его башмаки высекали из ступенек зеленые искры. Глаза сверкали красным пламенем.

— *Я ИДУ, ПИТЕР!*

Семьдесят. Осталось двести тридцать.

119

Если вы среди ночи когда-нибудь просыпались в незнакомом месте, то должны знать, что это само по себе довольно страшно; а теперь представьте, что вы проснулись в потайном коридоре и смотрите через окошечки на комнату, где убили вашего родного отца!

Томас закричал. Никто его не услышал, даже собаки внизу — они ведь были старые и глухие.

В Делейне существовала своя теория относительно хождения во сне, такая же странная, как и другие подобные теории. Она заключалась в том, что если лунатик проснется не там, где уснул, то он непременно сойдет с ума.

Томас, конечно, слышал эти толки и теперь мог бы их опровергнуть. Он испугался, но с ума не сошел. Более того — чувствовал себя лучше, чем до того, как лег спать. Когда первый страх прошел, он заглянул в смотровые дырочки. Вам это может показаться странным, но вспомните, что он ни разу со времени смерти отца не бывал здесь сознательно, а до этого не раз получал удовольствие от подглядывания, пусть и подпорченное чувством вины.

Он увидел, что комната совершенно не изменилась. Все так же ее украшали головы зверей — лось Рогач, рысь Крэйкер, огромный белый северный медведь Бонси. И конечно же, дракон Нинер, глазами которого он обозревал комнату, висящий рядом с королевским луком и стрелой, именуемой Гроза Врагов.

Рогач... Крэйкер... Бонси... Нинер...

Я помню все их имена, подумал Томас. И помню тебя, отец. Я хочу, чтобы ты был жив, а Питер свободен. Хочу спать по ночам и больше не мучиться.

Мебель покрывал толстый слой пыли, очаг давно остыл, но там лежали дрова. Достаточно было чиркнуть спичкой. Даже отцовский халат по-прежнему висел на спинке кресла.

Внезапно Томас испытал странное желание: ему захотелось войти в эту комнату. Зажечь огонь. Накинуть на плечи халат отца. Выпить любимую отцовскую медовуху из стоящего в углу бочонка — пусть даже она испортилась. Он думал... думал, что это поможет ему уснуть.

Усталая улыбка появилась на его губах. Он решил сделать это. Он не боялся даже духа отца. Он уже давно хотел ему что-то сказать.

Он хотел попросить у отца прощения.

120

— *Я ИДУ, ПИТЕР!* — кричал Флегг. Топор взлетал и опускался над его головой; последние капли крови стекали с лезвия и брызгали на стены. — *ИДУ ЗА ТВОЕЙ ГОЛОВОЙ!*

Выше и выше. Это был сам дьявол, одержимый идеей убийства.

Сто. Сто двадцать пять.

121

— Быстрее! — прошептал Бен Стаад Деннису и Наоми. Опять похолодало, но они, все трое, воспотели — частью от напряжения, но больше от страха. Они слышали крики Флегга. Даже храбрая Фриски

поскуливала и поджимала хвост при каждом вопле, доносящемся сверху.

122

— Я ИДУ, ЩЕНОК!

Уже ближе.

— ИДУ СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ДАВНО ХОТЕЛ!

Лезвие топора взлетало и опускалось.

123

На этот раз узел удержался.

Помогите мне, боги, подумал Питер, в последний раз оглядываясь на дверь, за которой слышался приближающийся голос Флегга. *Боги, помогите мне.*

Он спустил ногу из окна и сидел теперь на подоконнике, как на спине Пеони. Он бросил веревку вниз, глядя, как она падает. Не раз ему приходилось трясти ее, чтобы распутать.

Потом, помолившись в последний раз, он прижал железный прут к окну и, держась за него, спустил вниз вторую ногу. Изогнувшись, он ухватился за веревку левой рукой. Потом правой. Прут выдержал. Теперь его жизнь целиком зависела от веревки, сплетенной из ниток. Он начал спускаться.

124

— Я ИДУ..

Двести.

— ...ЗА ТВОЕЙ ГОЛОВОЙ...

Двести пятьдесят.

— ...МОЙ ПРИНЦ!

Двести семьдесят пять.

125

Бен, Деннис и Наоми увидели Питера — темную фигуру на фоне стены, высоко, выше, чем осмелился бы забраться самый храбрый акробат.

— Быстрее, — простонал Бен. — Ради вашей жизни... Ради жизни!

Они быстро опустошили тележку... но ничего больше сделать не могли.

126

Флегг поднимался. Капюшон свалился с его головы; длинные темные волосы стояли дыбом.

Скоро, уже скоро.

127

Ветер теперь был несильным, но очень холодным. Он студил лицо Питера и его голые руки. Питер спустился медленно, очень осторожно. Перед его глазами уплывали вверх каменные блоки стены — постепенно ему стало казаться, что он стоит на месте, а движется сама Игла. Дыхание сделалось хриплым. Руки немели; он уже почти не чувствовал веревки.

Сколько еще?

Он не решался посмотреть вниз.

Вверху стали рваться отдельные нитки, аккуратно сплетенные им когда-то. Он не видел этого, и это было хорошо.

128

— Быстрее, король Питер! — прошептал Деннис. Они только что закончили опорожнять тележку. Питер уже преодолел половину веревки.

— Он так высоко! — простонала Наоми. — Если он упадет...

— Если упадет, то разобьется, — подвел итог Бен, и они подавленно замолчали.

129

Флегг достиг вершины лестницы и побежал по коридору, оскалив зубы в злобной усмешке. Пот заливал его лицо.

Он отложил топор и открыл первый засов на двери Питера. Потом второй... но тут остановился. Вдруг птичка не пытается упорхнуть, а поджидает его за дверью с чем-нибудь увесистым в руках?

Но когда он заглянул в глазок, то сразу понял все и зарычал в гнев:

— *Не так-то это легко, моя птичка! Посмотрим, как ты полетишь, когда я обрежу твою веревку!*

Он открыл третий засов, ворвался в камеру и бросился к окну. Улыбка вернулась на его лицо. Он решил пока не обрезать веревку.

130

Питер спускался. Все мускулы у него одеревенели; ужасно хотелось пить. Ему казалось, что он висит на этой веревке целую вечность, что все напрасно и он скоро умрет — не разобьется, а умрет от жажды.

Он по-прежнему не смотрел вниз, но испытал странную потребность взглянуть вверх. Он поднял голову. Там, с высоты двухсот футов, на него скалилось белое лицо Флегга.

— Привет, моя птичка! — весело крикнул Флегг. — У меня топор, но, думаю, он мне не понадобится. Я его отложил, видишь? — Он показал пустые руки.

Вся сила, казалось, разом ушла из рук и ног Питера при виде этого ненавистного лица. Он уже не ощущал веревки — только видел, как она тянется из его кулаков.

Теперь он поглядел вниз... и увидел три бледных запрокинутых лица, очень маленьких. Он все еще был не в двадцати, не в сорока, а в *ста* футах над каменной мостовой, на высоте четвертого этажа.

Он не мог больше спускаться, а просто висел на веревке. Снег тихо падал на его лицо. Флегг наверху начал смеяться.

131

— Почему он *остановился*? — закричала Наоми, вцепившись в руку Бена. Она смотрела на силуэт Питера, медленно раскачивающийся, как тело повешенного. — Что с ним?

— Не знаю.

Смех Флегга, доносящийся сверху, внезапно оборвался.

— Кто здесь? — Его голос был подобен грому. — Отвечайте, если вам дорога жизнь! *Кто здесь?*

Фриски заскулила и спряталась за спину Наоми.

— О боги! — воскликнул Деннис. — Что нам делать, Бен?

— Ждать, — мрачно ответил тот. — А если он спустится — драться. Подождем, что будет дальше. Мы...

Но долго ждать им не пришлось. Все решилось в несколько секунд.

132

Флегг увидел, как тонка и бела веревка Питера, и мгновенно понял все — и про салфетки, и про кукольный домик. Питер чуть не обвел его вокруг пальца. Но он увидел и кое-что еще. Торчащие концы ниток футах в пятнадцати от верхнего конца веревки.

Он мог повернуть железный прут, чтобы он полетел вниз и разбил Питеру голову. Мог перерубить веревку топором. Но он предпочел дать событиям идти своим чередом... пока не услышал голоса внизу.

Но тут веревка лопнула, как туго натянутая струна.

— Прощай, птичка! — крикнул Флегг, высываясь в окно, чтобы получше разглядеть падение Питера. — Про...

Его голос неожиданно оборвался, а глаза расширились, как тогда, когда он заглядывал в кристалл. Он закричал в гнев, и этот крик разбудил больше народу в городе, чем падение Церкви Великих Богов.

133

Питер услышал хлопок и почувствовал, что летит вниз.

Холодный ветер ударил в лицо. Он еще успел пожелать себе мгновенной смерти. Если этого не случится, боль будет ужасной.

Потом Питер упал в груды королевских салфеток, которые Фриски вывезла на тележке из Торговых ворот замка. Размер этой груды, похожей на стог белого сена, так никогда и не узнали точно — мнения Бена, Наоми и Денниса на этот счет расходились. Вернее всего было бы спросить Питера; ведь именно он упал в самую середину этой белой пахучей кучи, и ему показалось, что высотой она не меньше двадцати футов.

Может, он был и прав.

134

Как я сказал, он упал прямо в середину и лежал в образовавшемся кратере, не двигаясь. Вверху вопил Флегг, и Бен подумал: *Зря кричишь, чародей. Он умер, несмотря на все наши старания.*

Но тут Питер сел. Он выглядел растерянным, но живым. Не обращая внимания на Флегга и на то, что в любую минуту могли подоспеть стражники, Бен Стаад завопил от восторга, схватил Наоми в охапку и поцеловал.

— *Ура-а-а!* — присоединился к ним Деннис. — Ура королю!

Потом наверху опять закричал Флегг. Этот крик мигом остановил все восторженные вопли и поцелуи.

— *Вы заплатите головами!* — кричал Флегг, обезумев от гнева. — *Вы все! Стражники, к Игле! К Игле! Цареубийца сбежал! Убейте его! Убейте его шайку! Скорее к Игле!*

В замке, окружавшем площадь со всех четырех сторон, начали зажигаться окна... слышался топот бегущих ног и лязг металла.

— *Убейте принца!* — продолжал бушевать Флегг. — *Убейте его шайку! УБЕЙТЕ ИХ ВСЕХ!*

Питер попытался встать и упал. Он должен был немедленно встать и бежать, иначе они погибнут... но в его голове засела мысль, что он уже мертв и все происходящее — это только видение. Ведь он свалился прямо на салфетки, те самые, о которых столько думал последние пять лет. Как может это не быть видением?

Бен сильной рукой сжал его руку, и он понял, что все реально, все на самом деле.

— Питер, ты в порядке?

— Почти. Надо уходить.

— *Мой король!* — Деннис упал на колени, продолжая улыбаться во весь рот. — *Клянусь в вечной вере...*

— Потом. — Питер тоже улыбнулся. Теперь Бену пришлось поднимать Денниса. — Сперва нужно удрать отсюда.

— Куда? — спросил Бен. Им всем было ясно, что Флегг уже торопится вниз. — Они со всех сторон, судя по шуму.

По правде говоря, Бен думал, что, куда бы они ни пошли, им придется сражаться — и погибнуть. Но Питер твердо знал, куда нужно идти.

— К Западным воротам, — скомандовал он, — и быстрее. *Бегом!*

И они побежали.

135

Ярдах в пятидесяти от Западных ворот им преградил путь отряд из семи заспанных гвардейцев. Их только что вырвали из теплой караулки, где они пили медовуху и рассказывали друг другу байки. Вел их юнец лет двадцати в скромном звании гошока (по-нашему, капрал). Но он был трезв и полон решимости.

— Стойте именем короля! — потребовал он, стараясь говорить грозно. Но я всегда стараюсь говорить правду и должен отметить, что голос у него был писклявый.

Питер, конечно, не имел оружия, но у Бена и Наоми были кинжалы, а у Денниса — его ржавый ножик. Все они тут же заслонили принца собой.

— *Стоп!* — Вот у Питера голос был грозным. — Спрячьте оружие!

Бен недоуменно взглянул на Питера.

Принц вышел вперед. Ветер чуть разведал его отросшую бороду. Он был одет в грубое платье узника, но вел себя как истинный король.

— Вы говорите: стойте именем короля? — Питер спокойно приближался к ошарашенному гошоку, пока не оказался с ним лицом к лицу. — А я говорю тебе, гошок, что *это я король*.

Командир облизнул губы и обернулся к своим гвардейцам, ища поддержки.

— Но... ты...

— Как твое имя? — тихо спросил Питер.

Гошок беспомощно раскрывал рот, как рыба, выброшенная на берег.

— Имя?

— Мой господин... вы... я... — Он помялся, потом выпалил: — Меня зовут Гален.

— А кто я, вы знаете?

— Да, — сказал один из солдат. — Мы знаем тебя, *убийца*.

— Я не убивал моего отца, — спокойно ответил Питер. — Это сделал королевский чародей. Сейчас он гонится за мной, но скоро я избавлю от него Делейн. А пока дайте мне пройти.

Воцарилось долгое молчание. Гален поднял меч, будто собираясь поразить Питера. Принц не шелохнулся. Он понимал, что жизнь — это дар, которого можно лишиться в любой момент. И если богам угодно, чтобы это произошло именно сейчас, что ж, он готов к этому. Но ведь он король, истинный король, и отвечает за свое королевство... и за своих друзей.

Меч Галена беспомощно опустился.

— Пусть идут, — пробормотал он. — Убийца он или нет, но он королевской крови, и я не могу поднять на него меч.

— У тебя была мудрая мать, гошок, — сказал Питер.

— Пусть идут! — поддержал кто-то из гвардейцев. — Отсохни моя рука, если я подниму на них оружие. Сдается, что их дело правое.

— Тебя я запомню, — сказал Питер и повернулся к друзьям. — Теперь скорее. Я знаю, что должен сделать, но нам надо спешить.

В этот момент из Иглы вырвался Флегг, подвывая от злости и разочарования.

— Скорее! — крикнул Питер. — К Западным воротам!

Флегг бежал изо всех сил. Теперь он видел, что все его планы готовы рухнуть, и горел решимостью

не допустить этого. И он, как и Питер, знал, где все должно закончиться.

Он миновал оцепеневших гвардейцев, не оглянувшись, и они облегченно вздохнули... но он запомнил их всех. Если он победит... когда он победит, их головы целый год будут украшать стену замка. А для сопляка-командира он придумает тысячу славных смертей.

Он вбежал под арку Западных ворот и дальше в замок. Заспанные придворные, большинство в ночных рубашках, шарахались от его горящего ненавистью лица. Теперь Флегг выглядел тем, кем он и был в действительности: злым демоном. Он перепрыгнул через перила лестницы (железо его подошв высекало из камней зеленые искры, похожие на глаза рыси) и побежал дальше.

В комнату Роланда.

137

— Медальон, — напомнил Питер Деннису, пока они бежали. — Он еще у тебя?

Деннис пошарил рукой за пазухой, нащупал золотое сердечко и кивнул.

— Дай его мне.

Деннис на бегу передал ему медальон. Питер не стал надевать его на шею, а крепко сжал цепь в кулаке, и золотое сердце покачивалось туда-сюда, бросая красновато-золотые отблески на мрачные стены.

— Быстрее!

Впереди уже виднелась дверь в покои старого короля. Здесь Питер видел его последний раз: стари-

ка, благодарного сыну за бокал вина и несколько минут беседы.

Когда-то его отец был полон сил и даже убил дракона стрелой Гроза Врагов.

Теперь, подумал Питер, чувствуя, как кровь бешено пульсирует в висках, я должен этой же стрелой убить другого дракона, куда более страшного.

138

Томас разжег огонь, надел отцовский халат и придвинул кресло ближе к очагу. Он чувствовал, что скоро заснет, и был рад этому. Но пока он сидел там и смотрел на мертвые звериные головы — они тоже смотрели на него стеклянными глазами, — до него дошло, что он хочет сделать еще две вещи, о которых не осмеливался и подумать, пока отец был жив. Но отца больше не было, поэтому Томас пододвинул к стене кресло и снял оттуда лук отца и стрелу Гроза Врагов. На миг он взглянул в зеленовато-желтые глаза дракона, в которые так часто смотрел с другой стороны. Теперь он увидел в них только собственное лицо, бледное, как у узника, глядящего из-за решетки.

Хотя все в комнате было холодным — огонь еще не успел согреть воздух, — стрела показалась ему странно теплой. Он смутно помнил древнее поверье о том, что оружие, убившее дракона, навсегда сохраняет его жар. *Похоже, это на самом деле так*, сонно подумал Томас. Но тепло стрелы не пугало его, а, напротив, успокаивало. Томас задремал в кресле с луком в одной руке и стрелой в другой, не зная, что

именно в эту минуту сюда, к нему, спешит Питер, а за ним по пятам гонится Флегг, его главный советник и злой гений.

139

Томас не удивился тому, что застал дверь комнаты отца незапертой, и Питер тоже — в прежние времена ее никогда не запирали.

Питер влетел в комнату вместе с остальными. Фриски бешено лаяла, шерсть ее стояла дыбом. Она понимала, что происходит. Кто-то гонится за ними; кто-то, пахнувший смертью, как тот газ, что убивает шахтеров в рудниках Восточного феода. Фриски готова была драться с носителем этого запаха, но, если бы ее спросили, сказала бы, что это не человек. За ними гналось чудовище, необъяснимое и ужасное.

— Питер, что... — начал Бен, но Питер не слушал его. Он пронесся через комнату прямо к голове Нинера и потянулся к луку и стреле, всегда висевшим там.

Их не было.

Деннис, вбежавший последним, запер дверь на засов. Теперь она содрогалась под тяжелыми ударами.

Питер растерянно оглянулся. Деннис и Наоми сжались в ожидании неотвратимого. Фриски скулила, прижавшись к ногам хозяйки.

— *Пустите!* — прорычал Флегг. — *Откройте дверь!*

— Питер! — Бен обнажил кинжал.

— *Отойди!* — крикнул ему Питер. — *Все отойдите, если вам дорога жизнь!*

Кулак Флегга, светящийся теперь синим огнем, опять обрушился на дверь. Засовы лопнули одновременно со звуком пушечного выстрела. Через треснувшее дерево брызнул сноп синих лучей. Изуродованная дверь стояла еще секунду и с грохотом рухнула на пол.

Флегг стоял на пороге. Его капюшон упал, открыв восковое лицо. Глаза горели. Зубы были оскалены.

В руке он сжимал тяжелый топор палача.

Он постоял еще немного и вошел в комнату. Слева он увидел Денниса, справа — Бена и Наоми с прижавшейся к их ногам Фриски. Его глаза ощупали их, запоминая, и остановились на Питере.

— Ты не умер, — медленно произнес чародей. — Ты думаешь, твой Бог добр. Но это мои боги сберегли тебя... для меня. Теперь молись, чтобы твой Бог убил тебя сейчас, прежде чем я доберусь до тебя. Это будет много хуже, поверь мне.

Питер стоял между Флеггом и креслом отца, где сидел никому не видимый Томас. Он без страха встретил адский взор чародея. На мгновение Флегг, казалось, был озадачен, потом снова усмехнулся своей звериной ухмылкой:

— Ты и твои друзья доставили мне немало хлопот. Мне давно нужно было покончить с тобой. Но теперь мои хлопоты кончились.

— Я знаю тебя, — сказал Питер. Хотя он был безоружен, он говорил уверенно и бесстрашно. — Думаю, мой отец тоже знал тебя, но он был слаб. Теперь король — я, *и я велю тебе, демон...*

Он выпрямился в полный рост, глаза его метали искры. В эту минуту он выглядел королем до кончиков ногтей.

— *Изыди отсюда. Оставь Делейн в покое навсегда. Ты лишний здесь. Изыди, проклятый! УБИРАЙСЯ ВОН!*

Последние слова Питер произнес голосом куда более громким, чем его собственный, — голосом всех королей и королев Делейна, правивших с тех времен, когда город был горсткой глинобитных хижин, жители которых дрожали в страхе, слыша по ночам вой волков и хохот троллей, доносившиеся из Великого Древнего Леса.

Флегг снова отпрянул... на миг. Потом медленно, очень медленно, двинулся вперед.

— Повелевай теперь на том свете, — прошипел он. — Сейчас твоя голова скатится в очаг, и ты еще учуешь запах своих паленых волос, прежде чем умрешь. Ты сгоришь, как сгорел твой отец, которого ты убил.

— Ты убил его, — сказал Питер.

— Я? Я? Ты спятил в Игле, мой мальчик? — рассмеялся Флегг. — Но даже если это так — допустим. Кто в это поверит?

Питер все еще сжимал в руке цепочку медальона. Теперь он протянул руку вперед, и медальон закачался, отбрасывая блики на стену. Глаза Флегга расширились, и Питер подумал: *Он признался! Ради всего святого, он признался!*

— Ты убил моего отца и обвинил в этом меня. Ты сделал это не первый раз. Когда Левен Валера встал на твоём пути, его жена умерла... и все указывало на его вину. Как потом и на мою.

— Где ты нашел это, *ублюдок*? — прошептал Флегг.

— Да, ты забыл, — сказал Питер. — Но преступления всегда напоминают о себе, рано или поздно. Думаю, это нас и спасает.

Медальон раскачивался туда-сюда, медленно, заворачивающе.

— Кто в это поверит? — спросил Питер. — Многие. Они поверят хотя бы в то, что ты творил зло уже сотни лет назад, монстр.

— Отдай его мне!

— Ты убил Элинон Валера и убил моего отца.

— Да, я принес ему вино, — сказал Флегг. Глаза его сверкали. — И я *смеялся*, когда его кишки обугливались, и смеялся еще сильнее, когда тебя тащили в Иглу. Но те, кто сейчас слышит это, скоро умрут, и никто никогда не узнает правды. Все видели только тебя.

Тут откуда-то из-за спины Питера раздался новый голос. Такой тихий, что его едва было слышно. Но он заставил всех, включая Флегга, застыть в изумлении.

— Я видел кое-кого еще, — сказал Томас, брат Питера, из глубины старого отцовского кресла. — Я *видел* тебя, чародей.

140

Питер обернулся, по-прежнему сжимая медальон в руке.

Томас! — хотел сказать он, но не мог, увидев, что за эти годы случилось с братом. Тот растолстел и обрюзг и теперь так походил на Роланда, что становилось жутко.

Томас! — снова попытался сказать он и тут понял, почему лука и стрелы Роланда не было на месте. Лук лежал на коленях Томаса, уже со стрелой на тетиве.

И в этот миг Флегг закричал и ринулся вперед, занося над головой свой топор.

141

Кричал он не от гнева, а от ужаса. Бледное лицо Флегга перекошилось; волосы встали дыбом. Питера поразило сходство брата с Роландом. Флегг стоял дальше, и его обманули отблески огня и тень в глубоком кресле.

Он забыл про Питера. Он кинулся с топором на эту фигуру в кресле. Старик давно мертв, но вот он сидит здесь в своем провонявшем пивом халате и целится в него из лука.

— *Уйди!* — вопил Флегг. — *Дух ты или демон, уйди! Я убил тебя раз и убью снова!* — Его слова превратились в дикий, душераздирающий вой.

Томас всегда был хорошим стрелком. Но никогда еще не стрелял из такого замечательного лука — гибкого и одновременно мощного, восьми футов в длину. Сидя он не мог как следует натянуть тетиву, но стреле предстояло лететь недалеко.

Гроза Врагов была, пожалуй, лучшей стрелой в мире. Древко из сандалового дерева, оперенное тремя перьями андуанского сокола; наконечник из сверкающей стали. В его руке она раскалялась все сильнее.

— Ты лгал мне, чародей, — негромко произнес Томас и спустил тетиву.

Пролетая через комнату, стрела ударила прямо в центр медальона Левена Валера и выбила его из рук Питера. Золотая цепочка разорвалась с легким звоном.

Как я вам говорил, во время той злосчастной экспедиции в северные леса Флегг проснулся ночью от страшного сна, который не мог вспомнить. И в тот раз, и потом он просыпался, держась за левый глаз, словно его туда ранили.

На этот раз стрела Роланда и вместе с ней золотой медальон Левена Валера угодили Флеггу прямо в левый глаз.

Чародей завопил. Топор выпал у него из рук, и его окровавленное лезвие расколосось пополам. Он рухнул вперед, уставившись на Томаса одним глазом — другой заменило золотое сердце медальона. Из-под сердца текла какая-то вонючая жидкость, непохожая на кровь.

Флегг упал на колени...

...и вдруг исчез.

Питер широко раскрыл глаза. Бен Стаад вскрикнул. Плащ Флегга еще какое-то время сохранял очертания его тела, стрела вместе с сердцем повисела в воздухе и упала на пол, звякнув о камни. Ее острие дымилось, как тогда, когда Роланд поразил его дракона.

Питер повернулся к брату.

Сонное спокойствие наконец оставило Томаса. Теперь он походил уже не на Роланда, а на испуганного мальчика, каким и был на самом деле.

— Прости, Питер, — заплакал он. — Мне было хуже, чем ты думаешь. Теперь ты убьешь меня, я знаю и не жалею об этом, но прежде чем ты это сделаешь, скажу тебе: я за все заплатил. Так и знай. А теперь можешь убить меня.

Томас закрыл глаза. Питер шагнул к нему. Все остальные затаили дыхание.

Питер осторожно поднял брата из отцовского кресла и обнял его.

Он держал Томаса, пока тот не перестал плакать, а потом сказал, что любит его и всегда будет любить. И они оба заплакали, стоя под головой дракона Нинера, а остальные, видя это, вышли из комнаты и оставили их вдвоем.

142

Жили ли они счастливо после этого? Нет, конечно, что бы там ни говорилось в сказках. У них, как у всех, были хорошие дни и плохие, были свои победы и свои поражения. Иногда им было стыдно; иногда не везло. Но хочу сказать, что все они жили, как могли, честно и достойно, и я люблю их всех и не стыжусь моей любви.

Томас и Питер отправились к новому главному судье Делейна, и Питера опять отвели в тюрьму. На этот раз он пробыл там всего два часа. Пятнадцать минут Томас рассказывал то, что хотел рассказать, а все остальное время главный судья, перепуганный человек, поставленный на эту должность Флеггом, пытался удостовериться, что страшного чародея больше нет.

Потом Питера освободили.

Вечером все они — Питер, Томас, Бен, Наоми, Деннис и Фриски — собрались в комнате Питера за бутылкой вина. Даже Фриски налили вина в миску, но она пить не стала.

Питер хотел, чтобы Томас остался, но Томас справедливо решил, что тогда бывшие подданные разорвут его на куски.

— Ты же был всего лишь ребенком, — сказал Питер. — За тебя все решало это чудовище.

— Это так, но народ этого не знает, — с печальной улыбкой возразил Томас. — Он считает, что я — Томас Налогоносный. Флегга нет, но я здесь. Голова у меня глупая, но хочется поносить ее на плечах еще немного. — Помолчав, он добавил: — Я уйду. Иначе опять начну тебе завидовать. Кто знает, чем это может кончиться? Я уйду сегодня же.

— Но... куда?

— На поиски, — просто ответил Томас. — На юг. Может, мы еще увидимся, но вряд ли. Мне нужно найти.

— Кого?

— Флегга. Он ушел туда; я знаю это. Я чувствую в воздухе его яд. Он ускользнул от нас в последний момент. Я найду его и убью. Отомщу за отца, за тебя. И искуплю свои грехи.

— Но кто пойдет с тобой? — спросил Питер. — Я не могу — слишком много дел здесь. Но я не хочу отпускать тебя одного.

Он выглядел озабоченным, и вы поняли бы его, если бы увидели карту тех времен, где юг был сплошным белым пятном.

К всеобщему удивлению, Деннис сказал:

— Я пойду с ним, мой король.

Оба брата повернулись к нему. То же сделали Бен, Наоми и Фриски, которая лежала рядом, положив голову на лапы.

Деннис покраснел:

— Вы всегда были хорошим хозяином, Томас, и — прошу прощения, мой король, — что-то во мне говорит, что вы еще остаетесь моим хозяином. И раз уж я нашел ту мышь и отправил вас в Иглу, мой король...

— Хватит! — сказал Питер. — Забудем это.

— Я не забуду, — упрямо сказал Деннис. — Вы можете сказать, что я был молод и неискушен, но и у меня есть грех, который нужно искупить. — Он взглянул Томасу в глаза: — Я пойду с вами, господин, если вы разрешите, и помогу вам в ваших поисках.

— Конечно, мой добрый Деннис. Надеюсь, ты готовишь лучше, чем я, — сказал Томас, чуть не плача.

Той же ночью, под покровом темноты, они ушли — две фигуры, сгибающиеся под тяжестью заплечных мешков. Уже на горизонте они обернулись и помахали оставшимся.

Все трое помахали в ответ. Питер плакал и ничего не мог с собой поделать.

Я никогда его больше не увижу, подумал он.

Увиделись они или нет, не могу вам сказать, потому что не знаю. Мне известно лишь, что Бен и Наоми в конце концов поженились, Питер стал славным королем, а Томас и Деннис пережили много приключений, нашли Флегга и сразились с ним.

Но час уже поздний, и об этом я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

ГЛАЗА ДРАКОНА

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Басла Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-йб, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по продаже претепринт на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасындағы дистрибутор
және өнім бойынша арыз-төлептарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@yandex.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

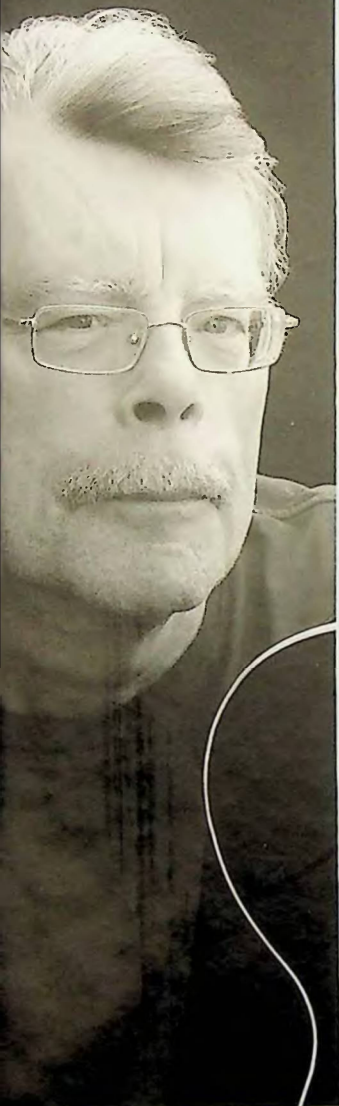
Өндiрген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.05.2019. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 9. Тираж 5000 экз. Заказ № 5054.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ», 432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-116954-1





Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

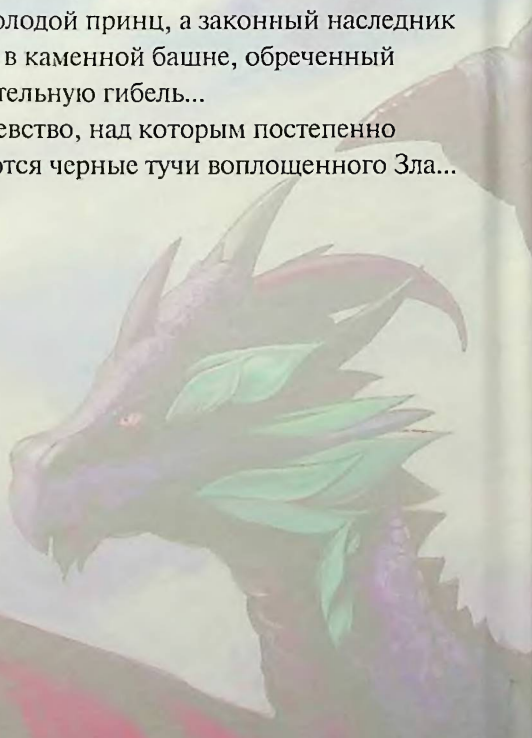
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Добро пожаловать в королевство Делейн...

В королевство, где поселился могущественный черный маг, сын Тьмы...

В королевство, где трон обманным путем занял молодой принц, а законный наследник томится в каменной башне, обреченный на мучительную гибель...

В королевство, над которым постепенно собираются черные тучи воплощенного Зла...



www.ast.ru

ISBN 978-5-17-116954-1



9 785171 169541